

Giovanni Paolo II

L'UNITÀ MULTIFORME

Oriente e Occidente nella
riflessione di Giovanni Paolo II

«La Casa di Matriona»

Иоанн Павел II

**ЕДИНСТВО
В МНОГООБРАЗИИ**

Размышления о Востоке и Западе

**«Христианская Россия»
Милан — Москва**

Иоанн Павел II

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ
Размышления о Востоке и Западе

Перевод с итальянского

© 1991 Edizioni s. r. l. «*La Casa di Matriona*»

© 1993 для русского издания — «Христианская Россия» —
Италия, Милан, 20133, ул. Понцио, 44

Граница Европы: где она?

Хорошо, что среди всех публикаций, собранных в этом номере журнала «Вита э пенсьеро», нашлось место и для вопроса о границах Европы. Это следует понимать как попытку дополнить или, вернее, уточнить представления, возникающие из совокупности серьезных научных работ, которые имеют своей целью предложить на этих страницах некую картину Европы, прежде всего Европы современной.

Без такого вопроса подобная картина была бы односторонней, что, впрочем, случается достаточно часто. Склонность размышлять и говорить о Европе исключительно в «западном» измерении свойственна тем кругам и отдельным людям, которые как раз представляют западную часть Европы, а быть может, и не только им. Несомненно, для того, чтобы мыслить и говорить подобным образом, есть свои основания; тому причиной и определенные объективные силы и обстоятельства. И все же есть в этом некая ущербность, возможно, даже ущербность родовая: некая «профессиональная недостаточность» (если принадлежность к Европе, то есть сознание себя европейцем в «западном» смысле слова, можно считать профессией).

Поэтому я охотно принял предложение редакции «Вита э пенсьеро» ответить на вопрос о границах Европы.

* Эта статья была опубликована до избрания Кароля Войтылы на папский престол. Она включена в настоящую книгу благодаря своей значимости и непосредственной связи ее содержания с последующим учением о Европе папы Иоанна Павла II.

Для меня очевидно, что существующее уже более тридцати лет разделение Европы на Западную и Восточную в каком-то смысле стерло из общепринятого образа мыслей и языка понятие особой ее части — Центральной Европы. Тридцать лет разделение Европы на Западную и Восточную проходит по политической и государственной границе, рассекающей на два мира даже одну нацию (я имею в виду немецкую нацию).

А между тем в первой половине нашего столетия, в особенности между двумя мировыми войнами, понятие Центральной Европы ощущалось очень живо. Оно питалось прежде всего самым духом народов и стран, оказавшимся особенно стойким в этой части Европы, с ее богатством, с ее необычайным разнообразием, в особенности когда центр Европы сместился на юг: известно, что наибольшая демографическая и этническая пестрота в Европе наблюдается на Балканском полуострове.

Когда мы ставим вопрос: «Граница Европы: где она?», то самой формулировкой этого вопроса даем понять, что такая граница должна мыслиться в разных планах, что мы принимаем это слово в различных значениях. И это правильно; так и должна ставиться подобная проблема.

Если говорить о географической границе Европы, то она определена точно: она проходит по Уральскому хребту. На восток от него начинается огромный азиатский континент, на запад — много меньший континент европейский, который, если подходить с чисто количественными мерками, в квадратных километрах, можно назвать живописным полуостровом этого евроазиатского континента.

Таким образом, географическую границу Европы нетрудно определить на западе, севере и юге и даже

на востоке, где она как будто скорее установленная, чем естественная. И тем не менее заданный нам вопрос относительно границ Европы справедлив и неизбежен. На самом деле речь идет не только о границах, полагаемых самой землей, но о *гораздо более глубоких границах между людьми*.

Таковы границы, разделяющие общества и особенно народы и связывающие их с определенной частью территории, что имеет особое значение как раз на европейском континенте. Посмотрим же теперь, какими причинами вызывается подобное разделение.

Язык, культура, история позволяют провести черту, вдоль которой пролегает граница между Францией и Германией или между Германией и Польшей. Можно ли сказать, что таким же образом прочерчивается граница на востоке, где обитает человек, которого мы определяем как «азиата», и на западе, где живет так называемый «европеец»?

В каком смысле такую границу можно считать «естественной», а в каком — «установленной»?

Эта граница в гораздо меньшей степени «естественна», чем граница между нациями, хотя государственные границы, чаще всего установленные, от «естественности» еще дальше. Как известно, попытки установить политические границы между государствами по критерию национальной принадлежности, предпринятые по окончании Первой мировой войны, на европейском континенте не выдержали испытания Второй мировой.

Из истории моего народа я знаю, что несколько поколений поляков были вынуждены иметь в своих паспортах штамп принадлежности к другому государству, хотя жили на той земле, где родились. Все это произошло вследствие раздела Польши точнее объединения трех стран: Польши, Литвы и Украины.

Раздел вычеркнул название Польши как государства с карты Европы на отрезок времени с 1795 по 1918 год; однако народ (вернее, народы) выстоял, живя своей собственной, подлинной жизнью,— разумеется, очень трудной.

Естественно, понятие «европейского», соответствующее границам Европы в географическом смысле, не может быть сведено только к самим контурам границ. Не определяется оно и изначальной общностью индоевропейских языков, хотя их структурное сходство все еще влияет на склад души народов, населяющих Европу (не только по генетическим причинам, но и вследствие взаимопроникновения). Таким образом, понятие «европейского» — сложное понятие, хотя бы из-за самой пестроты в национальной принадлежности обитателей географической Европы. Мне кажется, однако, что такое деление не имело глубокого и решающего значения для духовной истории Европы, для появления на континенте внутренних границ, для разделения на Запад и Восток в Европе, а также для возникновения Центральной Европы (и для ее сдвига к востоку или к западу).

В подобном случае должны приниматься во внимание различные критерии и многие факторы, проявившиеся в истории нашего континента со времен падения Римской империи и завершения великого переселения европейских народов.

Процесс разделения Европы на Западную и Восточную, что произошло во втором тысячелетии,— процесс, способствовавший возникновению внутри более широкой категории «европейского» двух разновидностей этого понятия,— разворачивается параллельно религиозно-культурному влиянию двух центров, расположенных на южных границах Европы (один из них находится географически на другом бе-

регу Босфора, то есть на территории Азии). Эти центры — Рим и Константинополь.

То обстоятельство, что границы Европы, а вернее, «европейства», проходят и внутри ее географического пространства, находится в тесной связи с образованием этих двух центров, которые исконно обозначали лишь некое разграничение, но уже к началу нынешнего тысячелетия стали выявлять наличие определенного противостояния.

Речь идет не только о разделении и противостоянии двух центров власти (изначально также государственной и всегда — церковной), но и о различии культурных традиций. Подобное различие и противостояние лишь отчасти совпадает с дохристианскими различиями между Грецией и Римом; оно имеет собственный облик и проистекает из множества причин и обстоятельств, составляющих часть всей истории Церкви и политической истории Европы в начале нашего тысячелетия.

Известно, какое значение имело в первом тысячелетии для образования этого восточного центра энергичное влияние со стороны Греции и Малой Азии. Константинополь, который стал центром возникновения восточной разновидности «европейства» и остался ее символом, сам является результатом взаимодействия этих влияний. Следует обратить внимание на эту короткую часть географической границы между Европой и Азией. Особенно, быть может, потому, что большой ее южный отрезок идет вдоль Урала до Каспийского моря и вдоль Кавказа до Черного моря. Вероятно, это и есть та граница, вдоль которой прежде всего складывалась Восточная Европа, вернее, восточная разновидность «европейства»: не только граница внутренних противоречий и расхождений, которые несут в себе европейский Вос-

ток и Запад, но и граница взаимодополнения, той необходимости друг другу, в основе которой лежит общий источник.

Теперь я хотел бы затронуть процесс образования этих двух разновидностей «европейства» (западной и восточной) на примере тысячелетней истории Польши, моего отечества.

Я делаю это тем смелее, что с началом Второй мировой войны Польшу стали называть *ключом к Европе*¹.

Известно, что миссия святых Кирилла и Мефодия, отправившись из Константинополя, достигла южных границ исторической Польши, идущих вдоль Карпат. Не засвидетельствованная документально евангелизация Польши, то есть крещение вислян в IX веке, связана именно с этой миссией. Крещение, принятое первым исторически достоверным государем Польши в 966 году в Познани или в Гнезно, и сознательные действия династии Пястов, которой он положил начало, определили то обстоятельство, что народ и созданное им государство оказались непосредственно связаны со Святым Престолом и западной культурой, *чьим источником был Рим*. В ту же сферу влияния позднее (очевидно, в XIV веке) попала Литва, расположенная к северу от Польши.

В этой черте, которой обведены пределы влияния Рима, можно без тени сомнения признать границу, определяющую внутри Европы ее деление на Западную и Восточную. Именно на этой земле, где творилась история Польши — и как государства одной нации в эпоху Пястов, до 1370 года, и в особенности как Речи Посполитой, унии трех наций, образованной к концу XIV века,— на протяжении столетий происходила встреча двух потоков влияния, с Запада и с Востока, из Рима и из Константинополя.

Подобная встреча заслуживает глубокого изучения как раз в свете вопроса, сформулированного в названии этой статьи: «Граница Европы: где она?». Мы же здесь вынуждены ограничиться лишь постановкой этой проблемы, чье основополагающее значение не исчерпывается ни таким политическим событием, как уния Польши с Литвой в 1375 году, ни таким событием церковным, как Брест-Литовская уния 1596 года.

Очевидно, такие события сами по себе свидетельствуют о процессе взаимопроникновения — или противостояния — сил влияния, исходящих из двух разных центров-источников. Можно выдвинуть предположение, что подобный процесс взаимопроникновения или противостояния западных и восточных влияний сыграл существенную роль в образовании Центральной Европы. Вероятно, весьма важно тут и то обстоятельство, что этот процесс не вылился ни в поглощение Востока Западом или Запада Востоком, ни в появление какого-либо одностороннего конформизма. На протяжении веков он оставался скорее попыткой сосуществования или сотрудничества вышеуказанных двух видов «европейства», равномерно развивавшихся.

Это особенно важно, когда речь идет об оценке церковной унии, которая сегодня подвергается слишком поспешным упрощениям в свете экуменизма XX века.

Изучение вопроса о границе между Востоком и Западом, столь важного для развития Европы, требует рассмотрения еще одного обстоятельства, которое, хотя зачастую и не принимается во внимание, не лишено значения для древней и новой истории Европы. Я имею в виду военное нашествие на Европу из глубин Азии.

Это событие, или череда таких событий, по своему характеру существенно отличается от тех случаев плодотворного вторжения, которые происходили в

течение первого тысячелетия, в особенности на участке границы между Азией и Европой вдоль Босфора и Дарданелл. Эти вторжения были определенным образом связаны с процессом евангелизации, тогда как военные нашествия из Азии были предопределены стремлением завоевать и поработить народы, которые к тому времени (XIII век) начали обретать собственный, достаточно четкий культурный и политический облик.

Нашествия татар, которые уже в первой половине XIII века потрясли Россию (Украину), затем обрушились на польские земли, уничтожая города и деревни. Монголы, остановленные на Легницкой равнине сыном святой Ядвиги Генрихом Благочестивым, отступили на восток от Днепра, закрепившись на территории нынешней России.

Адам Мицкевич — с той неизменной приязнью, которую он сам и поляки вообще всегда питали к русскому народу,— в своих парижских лекциях, прочитанных в Сорбонне в 1840—1841 годах, говорил весьма осторожно о влиянии азиатов (то есть монголов) на формирование душевного склада славянских народов, которые более двухсот лет оставались на территории будущей царской (с 1450 года) России под этим влиянием². Более определенно высказывался по этому поводу историк Российской империи Карамзин³.

Таким образом, восточная граница Европы *есть прежде всего граница распространения Евангелия, а затем — граница нашествий из Азии*, имевших своей целью порабощение европейских народов.

Одновременно с этой удивительной диалектикой исторических событий на руинах многих границ, прочерченных и передвинутых историей, следует серьезно подумать и о том, как пролегает граница *внутри* самих людей. Докуда проникли в них по-

нятия о человеке и человеческом достоинстве, почерпнутые из Евангелия? Где начинается покорная пассивность, рожденная веками рабства? Все это нужно должным образом осмыслить, когда мы задаемся вопросом: «Граница Европы: где она?».

Когда этот вопрос ставится западными европейцами, следует сразу же подчеркнуть, что границы Европы именно в той ее части, откуда исходит вопрос, очевидны и не вызывают никаких сомнений.

Однако когда мы говорим о границах не только в географическом, но и в психологическом и нравственном смысле,— нетрудно заметить, что Западная Европа переживает сегодня глубокое потрясение, которое можно определить как *кризис ее границ*.

Речь идет не о границах в государственном смысле — они как будто устойчивы, чего давно уже не бывало. Речь идет, напротив, о феномене постколониализма, который можно охарактеризовать как возвращение европейского Запада к исходным границам. Колониальная эра распространила эти границы по всему миру, перенесла их на другие континенты.

Современное явление так называемого «сжатия» границ Западной Европы есть на самом деле не просто этическая проблема. Она несет в себе не только оправдание, но и угрызения совести и предупреждение.

Оправдание — поскольку народы и государства-колонизаторы Западной Европы стараются доказать, что их деятельность на территориях колоний, прежде им подчиненных, постепенно подготавливала народы к национальной независимости и государственному суверенитету.

Угрызения совести — поскольку они очевидно растрачивали природные и человеческие богатства так, что их экс-подданные, ныне независимые, не устают их за это упрекать.

Предупреждение — поскольку колониализм возрождается в различных формах неоколониализма.

Таким образом, размышляя о западной границе Европы, понимаемой в этом двойном смысле; пространственно-временном и вместе с тем человеческом по сути, то есть нравственном, мы должны одновременно обращаться к границе восточной со всеми ее историко-антропологическими особенностями. И наоборот.

Кроме того, признавая существование двух «миров», прежде всего в государственно-политическом смысле — как двух блоков, следует видеть и ту целостность и глубокую сложность, которые таятся за этим разделением.

Подобная сложность очень велика и многообразна, поскольку пласты истории и сама история человеческих душ и целых народов никогда не смогут быть вспаханы никаким трактором, никакой машиной. По-видимому, и европейский человек никогда не отождествит себя с процессами эксплуатации, производства и потребления, организованными тем или иным способом.

Иначе современному человеку может угрожать — а современному европейцу уже на деле угрожает — порождаемое этими процессами отчуждение, глубокий кризис самосознания отдельного человека и всего человечества.

Впрочем, мы не должны отклоняться от темы. Мне представляется, что отвечая на вопрос: «Граница Европы: где она?», мы можем прийти в результате подобных размышлений к определенным выводам и сформулировать эти выводы в виде следующих предложений.

1. Более чем когда-либо необходимо признать эти разновидности самого понятия «европейства», кото-

рые выкристаллизовались с помощью различных традиций независимо от принадлежности к определенному государственному устройству и политической системе.

2. Более чем когда-либо необходимо признать, что уважение человеческого достоинства и подлинной свободы не может быть прервано никакой границей, в особенности же границей, проходящей через европейский континент.

3. И более чем когда-либо необходимо отдавать себе отчет, что Европа в ее тесных географических границах, с ее наследственной культурой и цивилизацией может строить свое будущее только на основе незыблемых нравственных принципов и только если созидательное брожение евангельского духа не прекратится в ней из-за завоеваний и порабощения людей и народов.

К. Wojtyła, *Una frontiera per l'Europa: dove?*, «Vita e pensiero» LXI (1978), 4-5-6, сс. 160—168

ПРИМЕЧАНИЯ

1. R. L. Buell, *Poland: Key to Europe*, Alfred A. Knopf, New-York—London, 1939.

2. А. Мицкевич, «Лекции о славянской литературе, читанные в Коллеж де Франс в Париже в 1840—41 гг.».

3. «...самые купцы, самые бродяги монгольские обходились с нами как с слугами презрительными. Что должно было быть следствием? нравственное унижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду... чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обыкновенно производят мрачную суровость в нравах». Н. М. Карамзин «История Государства Российского», кн. II, сс. 216—217.

Проповедь в Гнезно

Гнезнинский собор, Польша

3 июня 1979

Высокопреосвященный и возлюбленный наш

Примас Польши!

Дорогие братья, архиепископы

и епископы польские!

Кланяюсь в вашем лице всему народу Божьему, живущему на моей родной земле: священникам, монашеским общинам, мирянам. Кланяюсь Польше, принявшей крещение более тысячи лет назад! Кланяюсь Польше, посвященной в таинства Божественной жизни через Крещение и Миропомазание. Кланяюсь Церкви на земле моих предков, в ее общении и иерархическом единении с преемником святого Петра. Кланяюсь Польской Церкви, от зарождения ведомой святыми епископами и мучениками Войцехом (Адальбертом) и Станиславом вместе с Царицей Польши, Ясногурской (Ченстоховской) Божьей матерью: придя к вам как паломник в великий праздник, приветствую братским лобзанием мира всех вас, дражайшие братья и сестры.

Вот и снова настал день Пятидесятницы, и мы духовно находимся с Апостолами в горнице Иерусалимской, а в настоящем времени присутствуем здесь, в этой нашей тысячелетней польской горнице, где с прежней силой напоминает о себе таинственная дата Начала, от которой отсчитываются годы

истории Отечества и Церкви в нем. История Польши, неизменно верной. И вот, в день Пятидесятницы, в горнице Иерусалимской исполняется обетование, скрепленное кровью Спасителя на Кресте: «Примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин 20, 22—23). Силой этих слов и рождается Церковь. Рождается силой этого дуновения. Приуготовленная всей жизнью Христа, она рождается окончательно, когда апостолы принимают от Христа дар Пятидесятницы, когда принимают от Него Духа Святого. Его сошествие означает начало Церкви, которая на протяжении жизни всех поколений будет вводить человечество — отдельных людей и целые народы — в единое Мистическое Тело Христово. Сошествие Святого Духа означает начало и продолжение этого таинства. Ведь продолжение есть постоянное возвращение к началу.

И вот мы слышим, как в горнице Иерусалимской апостолы, исполненные Духа Святого, «начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян 2, 4). Многие языки стали их собственными языками благодаря таинственному действию Святого Духа, Который «дышит, где хочет» (Ин 3, 8) и обновляет «лице земли» (Пс 103, 30). И хотя Автор Деяний не назвал нашего языка в числе тех, на которых в тот день начали говорить апостолы, должно было пройти время, когда преемники двенадцати апостолов заговорят на языке наших отцов и возвестят Евангелие народу, который только на этом языке мог его понять и принять.

Как много значат названия тех принадлежавших Пястам замков, в которых совершался этот исторический перевод Духа и вместе с ним возжигался све-

тильник Евангелия на земле наших отцов. Язык апостолов впервые обрел, как бывает с новыми переводами, то звучание, которое стало понятно народу, обитавшему по берегам Варты и Вислы, и которое понятно нам и сегодня. Действительно, замки, с которыми связано начало веры на земле поляков, наших предков,— это Познанский замок, где с давних пор, то есть спустя два года после крещения Мешко, находился епископский престол, и замок в Гнезно, где в 1000 году произошло великое церковное и государственное событие. У мощей святого Адальберта встретились посланцы папы Сильвестра II, прибывшие из Рима, и вместе с императором Оттоном III и первым польским королем (тогда еще князем) Болеславом Храбрым, сыном и преемником Мешко, учредили первую польскую митрополию, заложив тем самым *основы иерархического порядка* для всей дальнейшей истории Польши. В пределах этой митрополии находились в 1000 году три епископские кафедры: в Кракове, Вроцлаве и Колобжеге, связанные в единую церковную организацию. Всякий раз, оказываясь здесь, в этом месте, мы должны видеть, как горница Пятидесятницы снова распахивает двери. И слышать язык предков, на котором зазвучала весть о «великих делах Божиих» (Деян 2, 11). И здесь же Польская Церковь в 1966 году возгласила свое первое благодарственное «*Te Deum*»* по случаю Тысячелетия Крещения, в чем я имел счастье участвовать как митрополит Краковский. Позвольте же мне сегодня, как первому Папе польской крови, *возгласить с вами еще раз «Te Deum» в честь Тысячелетия*. Неисповедимы и чудны веления Господни, которые

* «Тебе, Бога хвалим».

предначертали пути, ведущие нас, от Сильвестра II до Иоанна Павла II, к этому месту!

Спустя много столетий снова отперта горница Иерусалимская, и теперь ей дивятся уже не только народы Месопотамии и Иудеи, Египта и Азии или те, что произошли от Рима, но и *славянские народы*, и другие, населяющие *эту часть Европы*, которые слышали, как апостолы Иисуса Христа говорят на их языке и на их языке рассказывают о «великих делах Божиих». Когда первый в истории государь Польши пожелал ввести в ней христианство и соединиться с Престолом святого Петра, он обратился прежде всего к соседним народам и взял в супруги Домбровку, дочь чешского князя Болеслава; она была христианка и стала крестной матерью собственного мужа и всех его подданных. К ней присоединились в Польше миссионеры, выходцы из разных стран Европы — Ирландии, Италии, Германии, такие, как святой епископ и мученик Бруно Кверфуртский. Еще глубже в памяти Церкви на землях Болеслава запечатлелся святой Адальберт, сын и пастырь соседнего чешского народа. Известна его история, когда он был епископом Пражским, известны его паломничества в Рим и в особенности его пребывание в Гнезно, которое подготовило его к последнему миссионерскому путешествию на Север. На берегах Балтийского моря этот епископ-скиталец, этот неутомимый миссионер становится тем зерном, которое, падши в землю, *умрет, чтобы принести много плода* (ср. Ин 12, 24). Свидетельство мученика, свидетельство крови особым образом скрепляет Крещение, которое приняли наши предки тысячу лет назад. Мученические останки апостола лежат в основании христианства на всей польской земле. И потому следует

хранить в душе эти слова, написанные на братском языке, языке святого Адальберта: «Помни, Святой Отец, твоих чад чехов». В былые времена эти славянские языки, столь близкие друг другу, звучали еще более похоже. Лингвистика подтверждает, что мы приходим от одного славянского корня, от общего корня христианства, от корня святого Адальберта. «Помни, Святой Отец, твоих чад чехов». Не может этот Папа, воспринявший наследие Адальберта, забыть этих чад. И все мы, дорогие братья и сестры, воспринявшие то же наследие Адальберта, не можем забыть наших братьев!

Когда сегодня, в 1979 году, в праздник сошествия Святого Духа, мы обращаемся мыслью к тем начальным мгновениям, мы непременно слышим — вместе с языком наших предков — и другие родственные славянские языки, на которых тогда заговорили в горнице, широко распахнутой в историю. В особенности же не может не слышать этих языков первый в истории Церкви Папа-славянин. Быть может, для того и избрал его Христос, для того и вел его Дух Святой, чтобы он приобщил Церковь к пониманию речей и языков, которые пока еще звучат странно для уха, привыкшего к романским, германским, англосаксонским, кельтским звукам. Не в том ли желание Христа, чтобы Святой Дух побудил *Матерь Церковь* в конце второго тысячелетия христианства с *любовным пониманием*, с особой чуткостью склонить свой слух к звукам этого человеческого наречия, которые переплетаются между собой благодаря общему корню, общему происхождению и, несмотря на явные различия (даже в орфографии), звучат друг для друга понятно и родственно? Не в том ли желание Христа, не в том ли воля Святого Духа, чтобы этот

Папа,— в чьей душе глубоко запечатлелась история его собственного народа с самого ее начала, но также и история соседних народов-братьев,— особо проявил и подтвердил в наше время *их присутствие в Церкви* и их своеобразный вклад в историю христианства? Нет ли такого замысла у Провидения, чтобы он показал, как именно здесь, в этой части Европы, развивалась богатая архитектура храма Святого Духа?

Не в том ли желание Христа, не в том ли воля Святого Духа, чтобы этот Папа-поляк, Папа-славянин явил ныне духовное единство христианской Европы? Мы знаем, что христианское единство Европы состоит из двух великих традиций: Запада и Востока. Мы, поляки, которые, как и наши братья литовцы, на протяжении целого тысячелетия избирали причастность к западной традиции, всю эту тысячу лет неизменно уважали христианские традиции Востока. В наших землях гостеприимно встречали эти чудесные традиции, берущие начало в новом Риме — Константинополе; но вместе с тем мы хотели бы громко воззвать к нашим братьям, выражающим традиции восточного христианства, чтобы они помнили слова Апостола: «Одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Отец Господа нашего Иисуса Христа» (ср. Еф 4, 5—6), чтобы они помнили все это и чтобы теперь, в эпоху поисков нового христианского единства, в эпоху нового экуменизма, они сотрудничали с нами в этом великом деле, в коем с нами Дух Святой. Да, таково желание Христа, такова воля Святого Духа, чтобы эти мои слова были сказаны именно здесь, сейчас, на земле Пястов, перед иконой Пресвятой Девы Владычицы нашей, Ясногурской Божьей Матери и Матери Церкви. Гово-

ря о Крещении Польши, следует вспомнить обращение в христианство всех славян: хорватов и словенцев, среди которых миссионеры работали уже около 650 года, в основном завершив евангелизацию к 800 году; болгар, чей князь Борис I принял крещение в 864 или 865 году; мораван и словаков, к которым первые миссионеры пришли до 850 года, а за ними в 863 году последовали святые Кирилл и Мефодий, прибывшие в Великоморавское княжество, чтобы укрепить веру у юной общины; чехов, чей князь Боривой был крещен святым Мефодием. В орбите апостольского просветительства святого Мефодия и его учеников оказались также висляне и славяне, населяющие Сербию. Уместно вспомнить и Крещение Руси в Киеве в 988 году. Наконец, нужно вспомнить обращение в христианство полабских славян: ободритов, велетов и лужицких сербов. Христианизация Европы завершилась с Крещением Литвы в 1386 и 1387 годах.

Папа Иоанн Павел II — славянин, сын польского народа — ощущает, как глубоко *вросли в почву истории те корни*, от которых он сам происходит, сколько веков имеет за собой то слово Святого Духа, которое он сам возвещает и с Ватиканского холма святого Петра, и здесь, в Гнезно, с Леховой горы, и в Кракове с Вавеля.

Этот Папа — свидетельствующий о Христе, поклоняющийся Кресту и Воскресению — сегодня пришел сюда, чтобы свидетельствовать о Христе, живущем в душе его собственного народа, *о Христе, живущем в душах народов*, которые давно приняли Его как «*путь, истину и жизнь*» (Ин 14, 6). Он пришел, чтобы говорить перед всей Церковью Европе и миру об этих народах и странах, зачастую остающихся забы-

тыми. Пришел, чтобы воззвать «в полный голос». Пришел, чтобы указать дороги, по-разному ведущие к горнице Пятидесятницы, к Кресту и Воскресению. Пришел, чтобы обнять все эти народы — вместе со своим собственным — и прижать их к *сердцу Церкви*, к сердцу Матери Церкви, на Которую безмерно уповаает.

Вскоре закончится пребывание Святой Иконы здесь, в Гнезно. Образ Ясногурской Божьей Матери, образ Владычицы нашей особо выражает Ее присутствие в таинстве Христа и Церкви, много столетий живущей на польской земле. Этот образ, который уже более двадцати лет посещает разные храмы, диоцезы, приходы на этой земле, *вскоре закончит свое пребывание в Гнезно* и будет перенесен в Ясну Гуру, чтобы начать свое паломничество по Ченстоховскому диоцезу. И к великой моей радости я могу проделать эту часть моего паломничества вместе с Марией и вместе с Ней оказаться на великом историческом пути, по которому я часто следовал *из Гнезно в Краков через Ясну Гуру*, от святого Адальберта к святому Станиславу через «Пресвятую Деву Матерь Божию, обретшую благодать у Бога, Марию».

Главный путь нашей духовной истории, по которому шли все поляки, и восточные, и западные, и те, которые живут вне Отечества, среди разных народов, на разных континентах и, надеюсь, слушают меня... Мне было бы тяжело думать, что какой-либо поляк или славянин, в каком-либо уголке земного шара, не может услышать слов Папы — поляка и славянина. Мои дорогие, я надеюсь, что нас слышат, что меня слышат, ибо мы живем в эпоху так громко провозглашаемой свободы обмена информацией, обмена культурными ценностями,— а мы здесь припа-

даем к самим истокам этих ценностей. Итак, братья и сестры, мы с вами находимся на главном пути нашей духовной истории. И в то же время это один из важнейших путей в истории Европы. В эти дни по этому пути впервые пройдет паломником Папа, епископ Римский, преемник Петра, первого из тех, кто пошел из горницы Пятидесятницы в Иерусалиме со словами: «Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием, Ты одеваешься светом, как ризою... Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих... Пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице земли» (Пс 103[104], 1—2, 24, 30). Так воспоеет вместе с вами, дорогие мои соотечественники, этот Папа, кровь от крови вашей, кость от кости вашей, и возгласит вместе с вами: «Да будет Господу слава во веки; да веселится Господь в делах своих!.. Да будет Господу слава во веки... Да будет благоприятна Ему песнь моя» (Пс 103[104], 31, 34). Пойдем же вместе по этой дороге нашей истории от Ясны Гуры к Вавелю, к святому Станиславу. Пойдем, думая о прошлом, но с душой, обращенной к будущему... Не будем возвращаться к прошлому! *Пойдем в будущее!* «Примите Духа Святого!» (Ин 20, 22). Аминь.

Проповедь за Божественной Литургией, отслуженной Вселенским Патриархом Димитрием в праздник святого апостола Андрея

*Собор святого Георгия в Фанаре
30 ноября 1979*

Святейший и возлюбленный брат мой,

«Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»
(Пс 132, 1).

Эти слова Псалмопевца звучат в моем сердце сегодня, когда я с вами. Да, как хорошо, как приятно братьям быть всем вместе.

Мы собрались, чтобы чествовать святого Андрея, Апостола, первозванного среди Апостолов, брата святого Петра — первого среди Апостолов. И это обстоятельство подчеркивает значение для Церкви нашей сегодняшней встречи. Андрей был апостолом, то есть одним из людей, избранных Христом, чтобы преобразить их Духом Своим и послать в мир, как Он Сам был послан Отцом (Ин 17, 18). Апостолы были посланы, чтобы возвестить Благою Вестью о примирении во Христе (ср. 2 Кор 5, 18—20) и призвать людей к общению с Богом через Христа в Духе Святом (ср. Ин I, 1—3) и так собрать воедино людей, ставших чадами Божьими в великом народе братьев (ср. Ин 11, 52). Соединить все во Христе к похвале и славе Божией (ср. Еф I, 10—12) — такова миссия тех, кто был избран и послан после них, такова миссия Церкви.

Мы чествуем сегодня Апостола, первозванного среди Апостолов, и этот праздник напоминает об основном требовании нашего призвания, призвания Церкви.

Этот Апостол, покровитель славной Церкви Константинопольской,— брат Петра. Несомненно, Апостолы связаны между собой новым братством, соединяющим тех, чье сердце обновлено Духом усыновления (ср. Рим 8, 15), и кому дано служение примирения (ср. 2 Кор 5, 18); но это не упраздняет особых уз, создаваемых рождением и воспитанием в одной семье. Андрей — брат Петра. Андрей и Петр были братья; и в лоне апостольской общины их, должно быть, соединяла бóльшая близость и более тесное сотрудничество в апостольском служении.

Сегодняшний праздник снова напоминает, что между Римской Церковью и Церковью Константинопольской существуют особые узы братства и близости и что более тесное сотрудничество естественно для этих двух Церквей.

Петр, брат Андрея,— первый среди Апостолов. По вдохновению от Отца он признал Иисуса Христом, Сыном Бога Живого (ср. Мф 16, 16); благодаря такой вере он получил имя Петра, чтобы на камне сем могла быть создана Церковь (ср. Мф 16, 18). Ему было вверено блюсти единство апостольской проповеди. Брат между братьями, он имел поручение утверждать их в вере (ср. Лк 22, 32); он первый несет ответственность за единство всех между собой, за укрепление согласия в святой Церкви Божией, подвигающейся «за веру, однажды преданную святым» (Иуд 3).

Подвигаемый такими чувствами, преемник святого Петра пожелал в эти дни посетить Церковь, покровителем своим имеющую святого Андрея; ее досточтимей-

шого пастыря, ее иерархов и всех ее братьев. Это посещение первенствующего Престола Православной Церкви ясно показывает стремление всей Католической Церкви продвигаться дальше по пути к всеобщему единению, а также ее убеждение в том, что восстановление полноты общения с Православной Церковью — основополагающее обстоятельство для решительного прогресса в экуменическом движении. Наше разделение не могло не повлиять и на все последующие расколы.

Мои начинания лежат в русле деятельности Иоанна XXIII. Они подхватывают и продолжают памятные начинания моего предшественника Павла VI, я имею в виду встречи: сначала в Иерусалиме, где впервые состоялось трогательное объятие и первый устный диалог со Вселенским Патриархом Константинопольским, в том самом месте, где совершилось таинство Искупления ради соединения разобщенных чад Божиих; затем, более двенадцати лет назад, здесь, в ожидании того, что Патриарх Афинагор в свой черед посетит Павла VI в его резиденции в Риме. Два этих великих человека покинули нас и предстали перед Богом; они завершили свое служение, стремясь к полному общению и словно торопясь его осуществить, пока еще были живы. Со своей стороны, и я тоже не хотел откладывать приезд сюда, чтобы помолиться вместе с вами, рядом с вами; среди всех моих апостольских странствий это обрело в моих глазах особую важность и особое значение. Смею надеяться также, что мы, Его Святейшество Патриарх Димитрий I и я, сможем снова помолиться вместе, на сей раз у гроба апостола Петра. Подобные начинания свидетельствуют перед Богом и перед всем народом Божиим о нашем горячем стремлении к единству.

На протяжении почти целого тысячелетия две Церкви-Сестры цвели рядом, как две великие, стойкие и дополняющие друг друга традиции одной Церкви Христовой; они не только хранили добрые и плодотворные отношения, но и помогали друг другу необходимым общением в вере, молитве и христианской любви, которых ни в коем случае не желали подвергать сомнению, несмотря на разницу в воззрениях. Напротив, второе тысячелетие было омрачено, если не считать нескольких мимолетных просветов, взаимным отдалением двух Церквей, со всеми его пагубными последствиями. Эта рана еще не затянулась.

Но Господь может ее исцелить и велит нам делать все, что в наших силах. Вот мы уже и в конце второго тысячелетия: не пора ли ускорить шаг навстречу полному братскому примирению, чтобы заря третьего тысячелетия увидела нас снова рядом, в полном общении, вместе свидетельствующими о спасении перед лицом мира, для евангелизации которого нужно это знамение единства?

На деловом уровне мой нынешний визит показывает также, какое значение Католическая Церковь придает богословскому диалогу, завязывающемуся с Православной Церковью. Реалистично и осмотрительно, в соответствии с рекомендациями Апостольского Римского Престола, а также с пожеланиями Всеправославного Совета, было решено возобновить признаваемые полезными связи и контакты и создать атмосферу, необходимую для плодотворного богословского диалога. Нужно восстановить контекст, прежде чем пытаться снова братья вместе за тексты. Этот период был точно назван диалогом любви. Такой диалог позволил осознать глубокую общность, нас соединяющую, и отсюда — возможность считать

друг друга Церквами-Сестрами и соответственно друг к друг относиться. Многие уже осуществлено, но нужно продолжать усилия. Нужно делать выводы из такого богословского открытия друг друга заново повсюду, где католики и православные живут вместе.

Нужно преодолеть привычку к изоляции, чтобы сотрудничать во всех областях пастырской деятельности, в которых такое сотрудничество стало возможным благодаря почти полному общению, уже существующему между нами. Не следует бояться пересматривать, с обеих сторон и при взаимных консультациях, канонические правила, установленные тогда, когда сознание нашей общности — ныне тесной, хотя еще и не полной — было затемнено; правила, которые, вероятно, уже не отвечают тому, что достигнуто в ходе диалога любви, и открывшимся при этом возможностям. Важно, чтобы верующие и с той, и с другой стороны отдавали себе отчет в уже достигнутом прогрессе, и желательно, чтобы те, кому поручено вести этот диалог, не забывали из грядущего прогресса извлекать выводы, насущные для нынешней жизни верующих.

Этот завязывающийся богословский диалог будет иметь своей целью преодолеть еще имеющиеся между нами недоразумения и разногласия, если не на уровне веры, то на уровне теологического воспитания. Это должно происходить не просто в духе диалога и взаимной любви, все более крепнущей и растущей, но также в духе поклонения и послушания Богу.

Только в поклонении Богу, с острым чувством трансцендентности того несказанного таинства, которое «превосходит разумение» (Еф 3, 19), можно понимать различия между нами и не навязывать ничего, что не есть необходимость» (ср. «Об экуменизме»*, 18).

* «Об экуменизме» — Постановление Второго Ватиканского Собора «Unitatis Redintegratio».

В самом деле, мне кажется, вопрос, который мы должны себе задать, состоит не в том, можем ли мы восстановить полное общение, а в том, имеем ли мы право и впредь оставаться разделенными. Мы должны задать себе этот вопрос ради нашей верности замыслу Христа о Его Церкви, неуклонно молясь о которой мы должны взаимно проявлять большую гибкость в ходе богословского диалога.

Если Церковь призвана объединить людей в хвале Богу, то святой Ириной, великий Учитель Церкви Востока и Запада, напоминает нам, что «слава Божия — в человеке живом» (св. Ириной, «Против ерес.» IV, 20, 7). Все в Церкви устроено так, чтобы позволить человеку жить поистине в той полной свободе, которая рождается из общения с Отцом через Сына в Духе Святом. И св. Ириной утверждает, что «жизнь человеческая есть видение Бога», видение Отца, явленное в Слове.

Церковь не может в полной мере отвечать такому призыванию, если не свидетельствует своим единством об этой новой жизни, данной во Христе. «Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин 17, 23).

С верой в то, что наша надежда не постыжает (ср. Рим 5, 5), я обращаю к вам, возлюбленные братья, слова радости о том, что нахожусь среди вас и вместе с вами возношу за то благодарность Отцу, от Коего нисходит всякий дар совершенный (ср. Иак I, 17).

Эгрегиэ виртутис*

Апостолическое послание,
провозглашающее святых Кирилла и Мефодия
Сопокровителями Европы

31 декабря 1980

1. Наши мысли и сердца вновь обращаются к прославленным образам святых Кирилла и Мефодия в тот год, на который приходятся две особо важные даты. Исполнилось сто лет со дня появления энциклики «Гранде мунус»**, в которой великий первосвященник Лев XIII напомнил всей Церкви о личности и апостольском делании этих двух святых и одновременно включил празднование в их честь в календарь Католической Церкви¹. Кроме того, тысяча сто лет назад, в июне 880 года, мой предшественник Иоанн VIII направил князю Святоплуку послание² «Индустриэ туэ»***, в котором он одобрял и поощрял употребление славянского языка в литургии, дабы «на этом языке возносились хвалы и славились дела Господа нашего Христа»³.

Кирилл и Мефодий, братья, греки родом из Фессалоник**** — города, где жил и проповедовал святой апостол Павел,— прежде чем начать свои апостольские труды, были связаны тесными культурными и духовными узами с Патриаршей Константинопольской Церковью, в то время переживавшей расцвет своей

* Egregiae virtutis — «За беспримерное подвижничество».

** Grande munus — «Великое служение».

*** Industriae tuae — «Твоим усердием».

**** Фессалоники — ныне Салоники, славянское название Солунь.

культуры и миссионерской деятельности; это и была школа, их воспитавшая⁴. Оба они избрали монашество, сочетая обязанности иноческой жизни с миссионерским служением, к которому приступили, отправившись проповедовать Евангелие крымским хазарам.

Но главным их делом в проповеди Евангелия была миссия в Великоморавском княжестве и среди племен, населявших тогда Балканский полуостров и земли по берегам Дуная; эта миссия была предпринята по просьбе моравского князя Ростислава, с которой он обратился к императору и Константинопольской Церкви. Для нужд их апостольского служения среди славянских племен они перевели на славянский язык священные книги, необходимые для литургии и катехизации, заложив тем самым основы литературы всех этих племен и всех этих народов. Потому они справедливо считаются не только апостолами славян, но и создателями культуры всех этих народов, для которых первые письменные памятники на славянском языке по сей день остаются отправной точкой в истории их литератур.

Кирилл и Мефодий несли свое миссионерское служение в единении как с Константинопольской Церковью, их пославшей, так и с Римским престолом св. Петра, подтвердившим их миссию, являя таким образом единство Церкви, которая в годы их жизни и трудов не была ввергнута в прискорбный раскол между Востоком и Западом, несмотря на серьезную напряженность, свойственную в то время отношениям между Римом и Константинополем.

В Риме Кирилл и Мефодий были с почетом приняты Папой и Римской Церковью и нашли одобрение и поддержку всей их апостольской деятельности, включая нововведение — служение литургии на славянском языке, чему кое-кто на Западе проти-

вился. В Риме завершил свою жизнь Кирилл (14 февраля 869 года) и был погребен в церкви Святого Климента, а Мефодия Папа назначил архиепископом на древний престол в Сирмии и послал в Моравию продолжать провиденциальную апостольскую деятельность, что тот и исполнял ревностно и мужественно, вместе со своими учениками и среди своего народа, вплоть до конца своих дней (6 апреля 885 года).

2. Сто лет назад папа Лев XIII энцикликой «Гранде мунус» напомнил всей Церкви об особых заслугах святых Кирилла и Мефодия в деле евангелизации славян. Поскольку в этом году Церковь отмечает 1500-летнюю годовщину со дня рождения святого Бенедикта, провозглашенного в 1964 году моим досточтимым предшественником, Павлом VI, покровителем Европы, мне представляется, что это покровительство, простирающееся на всю Европу, проявится еще очевиднее, если к великим делам святого патриарха Запада мы присоединим выдающиеся заслуги двух святых братьев, Кирилла и Мефодия. Для этого есть множество оснований исторического порядка, как в прошлом, так и в современности, имеющих богословское, церковное и чисто культурное подтверждение в истории Европейского континента. И потому, прежде чем закончится этот год, посвященный особому поминовению святого Бенедикта, я хочу, чтобы в столетнюю годовщину энциклики папы Льва все эти соображения обрели законную силу благодаря настоящему провозглашению святых Кирилла и Мефодия Сопокровителями Европы.

3. В своей географической целостности Европа представляет собой, так сказать, результат взаимодействия двух течений в христианской традиции, с которыми соединены также две различные, но в то же время друг друга глубоко дополняющие формы

культуры. Святой Бенедикт, чье воздействие охватило не только Европу, прежде всего Западную и Центральную, но благодаря бенедиктинским общинам достигло и других континентов, оказался в самом средоточии того течения, что исходит из Рима, от престола преемников святого Петра. Святые Солунские братья выводят на первый план прежде всего вклад древнегреческой культуры, а затем силу влияния Константинопольской Церкви и восточной традиции, которая так глубоко вписана в духовную жизнь и культуру многих народов и стран в восточной части Европейского континента.

Вот почему сегодня, когда после многих столетий раскола между Востоком и Западом, между Римом и Константинополем, начиная со II Ватиканского Собора предпринимаются решительные шаги, направленные к восстановлению полноты общения, представляется, что провозглашение святых Кирилла и Мефодия Сопокровителями Европы наряду со святым Бенедиктом полностью отвечает знамениям нашего времени. В особенности же если это происходит в тот год, когда две Церкви, Католическая и Православная, вступили в период решающего диалога, начатого на острове Патмос, который предание связывает со святым апостолом и евангелистом Иоанном. Настоящий документ имеет своей целью также увековечить эту дату.

Одновременно такое провозглашение должно стать для наших современников свидетельством первостепенной важности проповеди Евангелия, порученной Церкви Иисусом Христом, над чем и трудились два брата, апостолы славян. Их проповедь стала путем и орудием взаимного познания и единения разных народов в зарождающейся Европе и заложила для Европы основы нынешнего общего духовного и культурного достояния.

4. Мое желание и надежда — чтобы милосердием Пресвятой Троицы, заступничеством Матери Божией и всех святых исчезло все, что разделяет Церкви, а также народы и страны; и чтобы различие традиций и культур проявлялось, напротив, взаимодополнением в общем богатстве.

Чтобы сознание этого общего духовного богатства, разными путями собиравшегося в достояние обществ Европейского континента, помогало нынешним поколениям хранить взаимное уважение к законным правам народов и мир между собой, не уставая делать все необходимое для общего блага всего человечества и для будущего каждого человека на всей земле.

И потому я, с твердым убеждением и по зрелом размышлении, всей полнотой апостольской власти, настоящим Посланием и навечно устанавливаю и объявляю небесными Сопокровителями всей Европы перед Богом святых Кирилла и Мефодия и признаю за ними все литургические почести и отличия, по праву подобающие главным Покровителям какой-либо местности.

Мир людям доброй воли!

«Ins», III (1980), 2, сс. 1837—1839

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Leonis XIII Acta, vol. II, сс. 125—137.
2. Ср. Magnae Moraviae Fontes Historici, t. III, Brno 1969, сс. 197—208.
3. Там же, с. 207.
4. Ср. Costantinus et Methodius Thessalonicenses, Fontes, ed. F. Grivec.— F. Tomšič: Radovi Staroslovenskog Instituta, IV, Загреб 1960.

О I Константинопольском Соборе

Послание к епископам Католической Церкви
по случаю 1600-летней годовщины
I Константинопольского Собора
и 1550-летней годовщины Ефесского Собора

31 марта 1981

I

Возлюбленные братья епископы!

1. Обратиться к вам с этим Посланием — которое есть одновременно и богословское размышление и пастырский призыв, идущий из глубины сердца,— меня побуждает прежде всего 1600-летняя годовщина I Константинопольского Собора, заседавшего как раз в 381 году. Это был, как я подчеркивал в самом начале нового года в соборе святого Петра, «второй после Никейского Вселенский Церковный Собор... которому мы обязаны Символом Веры, неизменно читающимся на литургии. Особая заслуга этого Собора — учение о Святом Духе, в латинской литургии звучащее так: «Credo in Spiritum Sanctum, Dominum et vivificantem... qui cum Patre et Filio simul adoratur et conglorificatur, qui locutus est per prophetas»¹.

Эти слова, повторяемые в Символе Веры многими поколениями христиан, в нынешний год обретают для нас особый догматический и душевный смысл и напоминают о тех тесных узах, которые связывают Церковь наших дней — теперь уже накануне треть-

его тысячелетия ее жизни, необычайно богатой и полной испытаний, неизменно сопричастной Кресту и Воскресению Христову силой Святого Духа,— с Церковью IV века, обеспечивая преемственность ее, от самых истоков, в верности учению Евангелия и апостольской проповеди.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему учение I Константинопольского Собора по сей день остается *выражением единой общей веры* Церкви и всего христианского мира. Исповедуя эту веру — что мы делаем всякий раз, когда произносим «Верую»,— и еще живее ощущая ее с приближающейся годовщиной, мы хотели бы подчеркнуть то, что нас объединяет со всеми нашими братьями, невзирая на расколы, происшедшие в течение столетий. Подчеркивая это в 1600-летнюю годовщину I Константинопольского Собора, мы возносим хвалы Богу за Истину Господню, которая благодаря учению этого Собора освещает пути нашей веры и пути жизни в вере. По сему случаю следует не только напомнить о вере, неизменной в Церкви на протяжении шестнадцати веков, но и укреплять присутствие в нашей душе, в наших мыслях и молитвах, в духовном и теологическом Делании, той личной божественной животворящей силы, того ипостасного Дара — *Dominum et vivificantem* (Господа Животворящего),— того Третьего Лица Пресвятой Троицы, Которому по этой вере сопричастны каждая душа и вся Церковь. Дух Святой продолжает животворить Церковь и направлять ее на путях святости и любви. Как хорошо сказал святой Амвросий в своем труде «О Святом Духе»²: «Хотя Он и недостижим по природе, все же мы можем Его принять по милости Его; Он наполняет все Своей силой, но сопричастны Ему одни лишь праведные; Он прост в сущности Своей, богат силой, во

всех присутствует, разделяет Свое, чтобы оделить каждого, и всецел во всяком месте».

2. Воспоминание о Константинопольском Соборе, который был вторым Вселенским Церковным Собором, помогает нам, людям подходящего к концу второго христианского тысячелетия, осознать, насколько сильна была в первые века первого тысячелетия у растущей общины верующих потребность *правильно* понять и выразить в церковном исповедании неизреченную тайну Бога в Его абсолютной трансцендентальности: Отца, Сына и Святого Духа. Это понятие наряду с другими, основополагающими для истины и христианской жизни, прежде всего влекло к себе внимание верующих, однако содержание их подвергалось многочисленным, порой весьма различным, толкованиям, требовавшим голоса Церкви, ее торжественного свидетельства силой обетования, данного Христом на Тайной Вечере: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое... напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин 14, 26); Он, Дух истины, «наставит вас на всякую истину» (Ин 16, 13).

И потому в нынешнем 1981 году мы должны особо возблагодарить Духа Святого за то, что посреди бесчисленных шатаний человеческой мысли Он дал Церкви выразить подлинную веру — хотя и учитывая словесные особенности времени, но в полном соответствии со «всякой истиной».

«Верую... в Духа Святаго, Господа Животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцом и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки», — так звучат слова Символа Веры, *принятого на I Константинопольском Соборе в 381 году*³, слова, которые осветили тайну Духа Святого, Его исхождения от Отца, утвердив тем самым единство и равенство в божестве Святого Духа с Отцом и с Сыном.

II

3. Отмечая 1600-летнюю годовщину I Константинопольского Собора, нельзя обойти молчанием другое важное событие, относящееся к 1981 году: 1550-летие Ефесского Собора, заседавшего в 431 году. Эта дата располагается как бы в тени предшествующего Собора, но также исполнена особой важности для нашей веры и несомненно достойна нашей памяти.

В том же самом Символе Веры, посреди литургического собрания, готовящегося вновь причаститься Божественных Тайн, мы произносим: «Et incarnatus est de Spiritu Sancto ex Maria Virgine, et homo factus est» «и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася». Ефесский Собор имел *прежде всего христологическое значение*, определив две природы Христа — божественную и человеческую, чем уточнял подлинное учение Церкви, уже выраженное Никейским Собором в 325 году, но подвергшееся опасности из-за распространения иных толкований истины, уже проясненной этим Собором, и особенно из-за некоторых несторианских формул. С этим утверждением тесно связано то, что Ефесский Собор имел также и сотериологическое* значение, разъяснив, согласно известному положению: «что не воспринято, то не спасено». Но столь же тесно связана с этими догматическими определениями истина о Пресвятой Деве, облеченной единственным и неповторимым достоинством Божьей Матери, Богородицы («Theotokos»), как очевидно явствует главным образом из писем святого Кирилла к Несторию⁴ и из замечательной Formula unionis, принятой в 433 году⁵. Все это стало вдохновенным гимном древних Отцов во-

* Сотериология — учение о Спасении.

плочению едиnorodного Сына Божия в совершенной истинности обеих природ в одном Лице; гимном Спасению, свершившемуся в мире Духом Святым; и все это не могло не звучать также в честь Божьей Матери, первой соработницы силы Всевышнего, осенявшей ее от мига Благовещения в светоносном нисхождении Духа. Так и понимали это наши сестры и братья в Ефесе, когда вечером 22 июня, в день открытия Собора, которое происходило в храме Божьей Матери, славили под этим именем Деву Марию и ликуя приветствовали Отцов Собора по окончании того первого заседания.

Мне представляется весьма уместным вспомнить этот Собор, третий в истории Церкви, во всем богатстве его богословского и церковного смысла. Пресвятая Дева — это Та, Кто, осененная силой Троицы, стала тем созданием Божиим, которое теснее всех было связано с делом Спасения. Воплощение Слова совершилось у Нее под сердцем, от Духа Святого. В Ней занялась заря нового человечества, явившегося в мир со Христом, чтобы завершить предвечный замысел Завета с Богом, нарушенного непослушанием первого человека. «И воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы».

4. Две эти годовщины, хотя и разной значимости и разной исторической важности, служат к чествованию Духа Святого. Все это совершилось *«от Духа Свята»*. Очевидно, сколь глубоко эти две великие даты, которые нам надлежит отметить в 1981 лето Господне, связаны между собой в учении и в исповедании веры Церкви, веры всех христиан. Веры в Пресвятую Троицу: в Отца, от Которого нисходит всякий дар совершенный. Веры в Христа Спасителя людей. Веры в Духа Святого. И этим светом освещается поклонение Пресвятой Деве, Которая, «согла-

сившись с божественными словами, стала Матерью Иисуса, и прияв всей душой и без всякого препятствования греха спасительную волю Божию, как Раба Господня всю Себя посвятила личности и деланию Сына Своего» и потому «была не только простым орудием в руках Божиих, но... соработала спасению человека свободной верой и послушанием».* И сколь прекрасно, что как Мария с верой ждала явления Господа, так и в конце нашего второго тысячелетия Она будет с нами, чтобы просветить нашу веру, в чаянии Пришествия.

Все это для нас — источник безмерной радости, источник благодарности за свет этой веры, через которую мы становимся сопричастны неисповедимым божественным тайнам; она составляет важнейшее содержание наших душ, расширяя границы наших духовных сил и наших человеческих судеб. И потому эти великие даты не могут оставаться для нас лишь воспоминанием о далеком прошлом. Они должны обрести новую жизнь в вере Церкви, отозваться новым эхом в ее духовном делании, найти внешнее выражение своего вечно насущного смысла для всего сообщества верующих.

5. Я пишу все это прежде всего вам, мои возлюбленные и почитаемые *братья по епископскому служению*. Одновременно я обращаюсь к *братьям священникам*, ближайшим нашим сподвижникам в пастырских заботах *in virtute Spiritus Sancti***. Я обращаюсь к братьям и сестрам из всех *монашеских общин*, мужских и женских, среди которых должно быть особенно крепко свидетельство о Духе Христовом и которым должно быть особенно дорого предназначение Той, Кто пожелала быть Рабой Господней. Нако-

* Из постановления Второго Ватиканского Собора — Догматической Конституции «О Божественном Откровении», *Lumen Gentium*, 56.

** силой Духа Святого.

нец, я обращаюсь *ко всем* братьям и сестрам *мирян* нашей Церкви, которые, исповедуя христианскую веру, вместе со всеми другими членами церковного сообщества непрестанно, на протяжении множества поколений хранили вечно живую память о двух великих Соборах. Я убежден, что они с признательностью воспримут празднование этих дат и годовщин, особенно если мы все вместе сумеем осознать, сколь «актуальны» для нас те тайны, которым два этих великих Собора нашли подобающее выражение еще в первой половине первого тысячелетия истории Церкви.

Наконец, я смею надеяться, что воспоминание о Константинопольском и Ефесском Соборах, выразивших веру, исповедуемую неразделенной Церковью, поможет нам укрепиться во взаимном понимании с нашими возлюбленными братьями на Востоке и на Западе; нас еще не связывает с ними полное церковное общение, но мы вместе с ними, в молитве, со смирением и упованием, ищем пути к единству в истине. И вправду, что может укоротить дорогу к единству больше, чем совместное воспоминание и оживление того, что долгие века было содержанием исповедуемой сообща веры и не перестало им быть даже после всех прискорбных разделений, происшедших на протяжении столетий?

III

6. Я хотел бы также, чтобы эти события переживался *в их глубоком церковном значении*. Мы должны не просто отметить эти важные годовщины в память о прошлом, но наполнить их духом современности и прочно связать с жизнью и задачами Церкви *в нашу эпоху*, как их сформулировал Собор нашей эпохи — Второй Ватиканский. Как полно живут в

его наставлениях истины, определенные на тех Соборах, и как проникнуто ими важнейшее для II Ватиканского Собора содержание учения Церкви! Сколь существенны и определяющи для этого учения основные, важнейшие истины нашего «Верую», и вместе с тем — какой они живут напряженной, можно сказать, новой жизнью, каким сияют новым светом в учении II Ватиканского Собора!

Если главная обязанность нашего поколения, а быть может, и будущих поколений в Церкви,— осуществить и привнести в саму жизнь уроки и наставления этого великого Собора, то годовщины I Константинопольского и Ефесского Соборов дают нам возможность исполнить эту обязанность в живом присутствии той истины, что длится вечно сквозь столетия.

7. По совершении дела, которое Отец поручил Сыну исполнить на земле (ср. Ин 17, 4), в день Пятидесятницы был послан Дух Святой, чтобы непрестанно освящать Церковь, и потому верные через Христа имеют доступ к Отцу в одном Духе (ср. Еф 2, 18). Он есть Дух Животворящий, источник воды, текущей в жизнь вечную (ср. Ин 4, 14; 7, 38—39); через Него Отец оживляет людей, мертвых через грех, пока не воскресит во Христе их смертные тела (ср. Рим 8, 10—11). Дух живет в Церкви и в сердцах верных, как во храме (ср. I Кор 3, 16; 6, 19), в них молится и свидетельствует, что они — чада Божии (ср. Гал 4, 6; Рим 8, 15—16 и 26). Он наставляет Церковь на всякую истину (ср. Ин 16, 13), объединяет ее в причастии и таинстве, поучает и направляет различными дарами иерархическими и харизматическими, украшает плодами Своими (ср. Еф 4, 11—12; I Кор 12, 4; Гал 5, 22). Силой Евангелия Он непрестанно обновляет Церковь и ведет ее к совершенному союзу с Женихом. Ибо Дух и Невеста говорят Господу Иисусу: «При-

иди» (ср. Откр 22, 17). Так вселенская Церковь предстает как «народ, соединенный в единстве Отца, Сына и Святого Духа» («Люмен генциум», 4); вот определение без сомнения самое содержательное, краткое, хотя и не единственное, показывающее, как во всей целокупности учения II Ватиканского Собора живет новой жизнью и сияет новым светом истина о Святом Духе, которую 1600 лет назад так верно выразил I Константинопольский Собор.

Все дело обновления Церкви, которое II Ватиканский Собор провиденциально провозгласил и начал — обновления, которое должно со временем стать «упорядочением» и укреплением вечного и основополагающего в предназначении Церкви,— не может осуществиться иначе, как в Святом Духе, то есть с помощью Его света и Его силы. Это важно, очень важно и для всей Церкви в ее вселенскости, и для каждой поместной Церкви в ее общении со всеми другими поместными Церквями. Это важно также для экуменического пути внутри христианства и для пути христианства в современном мире, который должен вести в направлении справедливости и мира. Это важно также для исполнения священнических и монашеских обязанностей и в то же время — для апостольского делания мирян, плода их по-новому зрелой веры.

8. Два члена Никейско-Константинопольского Символа Веры: «Et incarnatus est de Spiritu Sancto... Credo in Spiritum Sanctem, Dominem et vivificantem» («И воплотившагося от Духа Свята... Верую... в Духа Свята, Господа Животворящаго») напоминают нам, что величайшее дело Духа Святого, с которым соотносятся все остальные, принося к нему как к источнику,— это *воплощение Вечного Слова в лоне Девы Марии.*

Христос, Спаситель человека и мира, есть средоточие истории: «Иисус Христос вчера и сегодня... тот

же» (Евр 13, 8). Если наши мысли и сердца неизменно обращаются к Нему из второго тысячелетия, уже заканчивающегося и отделяющего нас от Его первого Пришествия в мир, то одновременно они обращаются к *Святому Духу*, через Которого совершилось Его земное зачатие; они обращаются также к Той, Кем Он был зачат и рожден: к *Деве Марии*. Поистине годовщины двух великих Соборов в этот год особо устремляют наши мысли и сердца к Святому Духу и к Матери Божией Марии. Если мы вспомним, какую радость и восторг вызвало 1550 лет назад в Ефесе исповедание веры в божественное материнство Девы Марии (Богородицы Theotokos), то поймем, что в этом исповедании веры одновременно прославляется *особое действие Духа Святого*: то, которое заключает в себе и человеческое зачатие и рождение Сына Божьего от Духа Святого, и свершившееся также через Духа Святого пресвятое материнство Девы Марии. Это материнство — не только источник и основание всей церковной святости Марии и Ее совершенно особой сопричастности ко всему домостроительству спасения; оно укрепляет также Ее нерушимые материнские узы с Церковью, проистекающие из того обстоятельства, что Она была избрана Пресвятой Троицей в качестве Матери Христа, Который есть «*Глава Тела Церкви*» (Кол I, 18). Эта связь особо открывается на Кресте, когда Мария, «глубоко сострадав Сыну Своему Единородному и разделяя материнской душой Его жертву... была самым Иисусом, умирающим на кресте, названа матерью Его ученику, в таких словах: «Жено! Се, сын Твой» (ср. Ин 19, 26—27) («Люмен генциум», 58).

II Ватиканский Собор удачно определил неразрывные узы Пречистой Девы с Христом и Церковью: «Коль скоро Богу было угодно не являть торжественно тайну

спасения рода людского прежде излияния Духа, обещанного Христом, то Апостолы до дня Пятидесятницы «единодушно пребывали в молитве и молении с некоторыми женами и с Мариею, Материю Иисуса и с братьями Его» (Деян I, 14), а Мария призывала в Своих молитвах дар Духа, Который уже снизошел на Нее в Благовещении» («Люмен генциум», 59). Так в тексте Собора соединены между собой два мига, в которых материнство Марии теснее всего связано с действием Святого Духа: сначала — миг Воплощения, а затем — миг рождения Церкви в Иерусалимской горнице.

IV

9. Все эти серьезные и важные причины и столь знаменательное стечение обстоятельств побуждают нас в нынешнем, дважды юбилейном году с особой торжественностью отпраздновать Пятидесятницу во всей Церкви.

И потому я приглашаю в Рим на этот день все Конференции Епископов Католической Церкви и Патриархаты и Митрополии Католических Церквей Восточного обряда, тех их представителей, которых они пожелают послать, чтобы мы могли вместе вновь обратиться к наследию, полученному нами из горницы Пятидесятницы и в действии Духа Святого: это Он указал Церкви, в час ее рождения, тот путь, который ведет ко всем странам, ко всем народам и языкам и к сердцу всех людей.

Собравшись в пастырском единении, как наследники апостольской заботы о всех Церквях (ср. 2 Кор 11, 28), приникнем к обильному источнику Духа, Который ведет Церковь с ее призванием по путям современного человечества в конце второго тысячелетия по Воплощении Слова от Духа Свята и Марии Девы.

10. В первой части празднества мы соберемся утром в *базилике святого Петра в Ватикане*, чтобы возгласить всем сердцем наше «Верую» «...в Духа Святаго, Господа Животворящего... глаголавшаго пророки. Во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь». К этому побуждает нас 1600-летняя годовщина I Константинопольского Собора: как Апостолов в горнице Пятидесятницы, как Отцов Собора соединяет нас Тот, Кто «силой Евангелия омолаживает Церковь» и «непрестанно ее обновляет» («Люмен генциум», 4).

Таким образом празднование Пятидесятницы в этом году станет торжественным и благодарным исповеданием той веры в Духа Святого, Господа и Подателя жизни, которой мы особо обязаны этому Собору. И в то же время оно станет смиренной молитвой Святому Духу и жарким призыванием Его помочь нам «обновить лице земли» через дело обновления Церкви, по мысли II Ватиканского Собора. Да будем мы вести это дело мудро и неустанно по всей Церкви, по всем христианским общинам; да совершится оно прежде всего в душах людских, ибо подлинное обновление невозможно без непрерываемого обращения к Богу. Будем молить Дух Истины дать нам остаться на путях этого обновления неизменно верными тем «речам Духа», какими является ныне для нас учение II Ватиканского Собора, да не собьемся с этого пути, как бы ни манил нас к себе мирской дух. Взываем к Тому, Кто есть «*fons vivus, ignis, caritas*» — вода живая, огонь, любовь,— да исполнит Он нас самих и всю Церковь и род людской той любви, которая «всего надеется, все переносит» и «никогда не перестает» (I Кор 13, 7—8).

Нет никакого сомнения, что на нынешнем этапе истории Церкви и человечества особо ощущается нужда в углублении и возрождении этой истины. Та-

кую возможность предоставляет нам в день Пятидесятницы празднование 1600-летней годовщины I Константинопольского Собора. Да примет Дух Святой это наше изъявление веры. Да позволит Он за литургией в праздник Пятидесятницы нашим смиренным сердцам открыться Ему, Утешителю, в Коем является и осуществляется дар единства.

11. Во второй части празднества мы соберемся вечером в *базилике Санта Мария Маджоре*, где утренняя часть будет дополнена тем содержанием, которое предлагает нам для раздумий 1550-ая годовщина Ефесского Собора. Это подсказано также удивительным совпадением: Пятидесятница в нынешнем году приходится на 7 июня, как было и в 431 году; в этот торжественный день, на который было намечено начало заседаний (отложенных затем до 22 июня), первые группы епископов стали прибывать в Ефес.

Все, о чем пойдет речь, следует воспринимать в свете того, что принес с собой II Ватиканский Собор, обращая особое внимание на замечательную главу VII Постановления «Люмен генциум» — «О Божественном Откровении». Как Ефесский Собор своим христологическим и сотериологическим учением подтвердил истину о Божественном Материнстве Марии-Богородицы, так II Ватиканский Собор подтверждает, что Церковь, родившаяся в Иерусалимской горнице силой Духа Святого, взирает на Марию как на пример духовного материнства самой Церкви и потому видит в Ней свой архетипический образ. В этот день Та, Кого Павел VI провозгласил также *Матерью Церкви*, ходатайствует о *Церкви-Матери* и дарит Свое покровительство апостольскому деланию Церкви, которым она живет по сей день, рождая Богу верных во все времена и под всеми широтами.

И потому вечерняя литургия праздника Пятидесятницы соберет нас в главном из посвященных Марии храмов Рима, чтобы во время этого действия совершить особое поминовение того, как в горнице Иерусалимской Апостолы «единодушно пребывали в молитве и молении, с ... Мариєю, Материю Иисуса...», готовясь к сошествию Духа Святого. Так же и мы в этот столь важный день стремимся *пребывать в усердной молитве* вместе с Той, Кто, согласно словам догматического Постановления II Ватиканского Собора о Церкви, как Матерь Божия «есть образ Церкви... в вере, любви и совершенном союзе со Христом». И так, пребывая в молитве вместе с Ней и уповая на Нее, мы вручаем силе Пресвятого Духа Церковь и ее миссию среди всех народов мира, ныне живущих и будущих. Мы — истинные наследники тех, кому Христос Воскресший повелел идти по всему миру проповедовать Евангелие всей твари (ср. Мк 16, 15).

В день Пятидесятницы, соединенные в молитве с Мариєю, Материю Иисуса, они твердо верили, что *смогут исполнить это повеление силой Святого Духа, сошедшего на них по обетованию Господню* (ср. Деян I, 8). В этот же день мы, их наследники, соединимся в таком же акте веры и молитвы.

V

12. Возлюбленные братья мои!

Я знаю, что в Великий Четверг вы вместе с духовенством ваших диоцезов воскрешаете память о Тайной Вечере, во время которой хлеб и вино словом Христовым и силой Духа Святого пресуществились в Тело и Кровь Спасителя нашего — в Евхаристию нашего искупления.

В этот день и в других уместных случаях говорите всему народу Божьему об этих важных годовщинах и событиях, как они того заслуживают, чтобы о них помнили и знали также в каждой поместной Церкви и в каждой церковной общине, а каким именно образом говорить, будут решать сами пастыри, следуя указаниям соответствующих Конференций Епископов и Патриархов и Митрополий Восточных Церквей.

Пребывая в живейшем ожидании возвещенных торжеств, я рад дать всем вам, досточтимые и дражайшие братья епископы, а вместе с вами вашим церковным общинам, мое особое апостольское благословение.

«Ins», IV (1981), 1, сс. 829—839

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *L'Osservatore Romano*, 2-3 января 1981, с. 1.
2. S. Ambrosius, *De Spiritu Sancto*, I, V, 72; изд. O. Faller, CSEL 79, Vindobonae 1964, с. 45.
3. Так впервые в «Актах Халкидонского Собора», акт II: изд. E. Schwartz, *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, II Concilium Universale Chalcedonense, Berlini et Lipsiae 1927—1932, I, 2, с. 80; ср. также *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, Bologna 1973³, с. 24.
4. *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, I Concilium Universale Ephesinum: изд. E. Schwartz, I, I, сс. 25—28, 223—242; ср. также *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, Bologna 1973³, сс. 40—44; 50—61.
5. *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, I, I, 4, сс. 8 и сл. (A); ср. также *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, сс. 69 и сл.

Общие христианские корни европейских народов

**Речь, обращенная к участникам
международного коллоквиума**

6 ноября 1981

Досточтимые господа!

Вы пожелали этой аудиенции, этой встречи со мной по случаю дней, посвященных «общим христианским корням европейских народов».

Сердечно приветствую вас всех, людей культуры из Европы и со всего мира, собравшихся в Риме, и благодарю вас не только за этот визит, доставивший мне такое удовольствие, но и за то, что вы избрали отправной точкой и предметом ваших размышлений идеи, глубоко укоренившиеся в моей душе; я имел возможность их изложить в самом начале моего понтификата (речь от 22 октября 1878 года), а затем развить в Проповеди на Соборной площади в Гнезно (3 июня 1979 года), в речи, обращенной к польским епископам в Ченстохове (5 июня 1979 года), во время визитов в Субиако, в Монтекассино, в Нурсию по случаю 1550-й годовщины со дня рождения святого Бенедикта, в речи на Генеральной Ассамблее ЮНЕСКО (2 июня 1980 года), но наиболее ясно и последовательно — в Апостолическом Послании «Эгрегие виртутис», которым я провозгласил святых Кирилла

и Мефодия покровителями Европы вместе со святым Бенедиктом.

Благодарю вас за чуткость и внимание к апостольским заботам, наполняющим жизнь верховного пастыря Церкви; который, во имя Христово, ощущает себя также любящим и ответственным Отцом всего человечества.

Голос, внезапно раздавшийся в моем сердце в тот незабвенный день, когда впервые в истории Церкви Папа славянин, сын распинаемой и вечно славной Польши, приступил к своему первосвященническому служению, был не чем иным, как отзвуком порыва, подвигнувшего святых Кирилла и Мефодия взять на себя миссию благовестников: «Откройте, распахните двери Христу! Не бойтесь принять Христа и признать Его власть... Откройте Его спасительной силе границы государств, экономические и политические системы, обширное поле культуры, цивилизации, развития. Не бойтесь. Позвольте Христу говорить с человеком. Он один имеет глаголы вечной жизни».

Вы знаете судьбу и дела святых; можно с полным правом сказать, что их жизнь предстает перед нами в двух важнейших аспектах: бесконечной любви к Христу и тройной верности.

Их пламенная и отважная любовь к Христу проявилась в верности миссионерскому и проповедническому служению, в верности Римскому престолу и наконец в верности славянским народам. Они возвещали истину, спасение, мир; они хотели мира! И потому с уважением относились к духовным и культурным богатствам каждого народа, будучи убеждены в том, что благодать Христова не разрушает, но возвышает и преображает природу. Движимые этой верностью Евангелию и местным культурам, они

изобрели особый алфавит, чтобы стало возможно переложить священные книги на язык славянских народов, и таким образом, невзирая на упреки тех, кто почитал едва ли не догмой три священных языка, еврейский, греческий и латинский («пилатян»*, как называл их святой Кирилл), они ввели славянский язык и в литургию, при весомой поддержке Папы, и в качестве первых слов обращения к Богу перевели Пролог Евангелия от Иоанна. «Греки родом, славяне сердцем, посланные Римом с соблюдением канонических правил, они являют собой блистательный пример христианского универсализма. Того универсализма, который ломает барьеры, искореняет ненависть и объединяет всех в любви ко Христу, всеобщему нашему Спасителю» (Послание кардинала — государственного секретаря верующим, участникам празднеств в честь святых Кирилла и Мефодия в Велеграде, в Чехословакии. «Оссерваторе Романо» от 6—7 июля 1981 года).

Провозглашая двух святых апостолов славян покровителями Европы вместе со святым Бенедиктом, я хотел прежде всего напомнить о 1000-летней годовщине Послания «Индустриэ туэ», направленного Папой Иоанном VIII князю Святоплуку в июне 880 года, в котором он одобрял и поощрял употребление славянского языка в литургии, и столетнюю годовщину появления энциклики «Гранде мунус» (30 сентября 1880 года), которой первосвященник Лев XIII вызывал в памяти всей Церкви образ и апостольские деяния двух святых. Но особо я хотел подчеркнуть, что «Европа в своей географической целостности представляет собой, так сказать, результат взаимодейст-

* Ср. Ин 19, 19—20.

вия двух течений в христианской традиции, с которыми соединены также две различные, но в то же время друг друга глубоко дополняющие формы культуры» (см. в настоящем изд. сс. 33—34): Бенедикт охватывает своим влиянием главным образом культуру Западной и Центральной Европы, более логическую и рациональную, которая благодаря разным бенедиктинским общинам распространяется и на другие континенты; Кирилл и Мефодий выводят на первый план древнегреческую культуру и восточную традицию, более мистическую и интуитивную. Это провозглашение должно было стать торжественным признанием их заслуг перед историей, культурой, религией в деле евангелизации европейских народов и созидания духовного единства Европы.

И вы, досточтимые господа, съехавшиеся со всех частей света, сосредоточились на размышлениях об этом несомненном явлении — духовном единстве континента. Руководители Латеранского университета в Риме и Католического университета в Люблине пожелали созвать здесь, в Вечном Городе, близ престола Петра, на четыре дня напряженных трудов более двухсот ученых из двадцати трех европейских и неевропейских стран, предложив им план работы по двенадцати секциям с сотнями докладов. Два культурных учреждения, пользующиеся международным признанием, пригласили мыслящих и ответственных людей разделить, в ходе братского и конструктивного диалога, дух и круг забот не только Католической Церкви, но и всемирных организаций. Была подобающим образом определена линия полного совпадения: поиски христианских корней европейских народов, дабы предложить жизненные ориентиры каждому отдельному гражданину и придать всеобъемлю-

щий и целенаправленный смысл истории, которую мы переживаем,— порой с беспокойством и тревогой.

У нас есть культурная Европа с ее великими делами в философии, искусстве, религии, отличающими ее среди всех континентов и делающими ее их наставницей; есть Европа-труженица, которая с помощью научных и технических изысканий прошла через разные стадии цивилизации, пока не достигла нынешней эпохи, эпохи промышленности и кибернетики; но есть и Европа трагическая для многих народов и стран, Европа крови, слез, борьбы, расколов, чудовищной жестокости. Несмотря на заветы великих умов, и в Европе разыгрывается грозная драма греха и зла, сеющего, согласно евангельской притче, пагубные плевелы на поле истории. И сегодня вопрос, неотступно стоящий перед нами,— это само спасение Европы и мира от дальнейших катастроф!

Разумеется, Конгресс, в котором вы принимаете участие, имеет непосредственно научную программу и значение. Но оставаться на академическом уровне тут недостаточно. Нужно кроме того искать духовные основания всей Европы и каждого народа, чтобы найти место встречи для противостоящих сторон и различных течений мысли, чтобы избежать последующих трагедий и, главное, дать каждому человеку, «одиночке», который своей особой тропинкой пробирается к Дому Отца, смысл и цель его существования.

Вот завет Бенедикта, Кирилла и Мефодия, всех христианских мистиков и святых, завет Евангелия, которое есть свет, жизнь, истина, спасение человека и народов. К кому же нам обратиться за ответом на вопрос «для чего?» — в нашей жизни и в истории,— как не к Богу, Который вочеловечился, чтобы открыть нам спасительную истину и избавить челове-

ка от пустоты и от бездны бессмысленной и отчаянной тоски? «Христос Искупитель,— писал я в энциклике «Редемптор гоминис»*,— полностью открывает человека самому человеку. Таково... человеческое измерение таинства Искупления. В этом измерении человек вновь обретает величие, достоинство и ценности, присущие его человечеству... Человек, который хочет до конца себя понять... должен, со всей своей тревогой, растерянностью, слабостью и греховностью, приблизиться ко Христу. Должен, если можно так выразиться, войти в Него всем своим существом...» Европа нуждается в Христе! Нужно соприкоснуться с Ним, усвоить Его завет, Его любовь, Его жизнь, Его прощение, Его вечные и возвышенные истины! Нужно понять, что Церковь, возникшая по Его воле и Им основанная, имеет единственную цель: оберегать и передавать Истину, Им открытую, и хранить живыми и действенными средствами спасения, Им Самим установленные,— таинства и молитву. Это понимали избранные и глубокие умы, такие, как Паскаль, Ньюмен**, Розмини***, Соловьев, Норвид.

Мы живем сегодня в Европе, в которой все сильнее становятся искушения атеизма и скептицизма; в которой распространяется моральная растерянность, и, как следствие ее, наблюдается распад семьи и упадок нравов; в которой возобладала опасная распря идей и движений. Кризис цивилизации (Хойзинга) и закат Европы (Шпенглер) означают лишь крайнюю насущность и необходимость Христа и Евангелия. Христианское понимание человека, образа Бо-

* «Redemptor hominis» — «Искупитель людей».

** Ньюмен, Джон Генри (1801—1890) — кардинал, вдохновитель английского «католического возрождения» второй половины XIX века.

*** Розмини, Антонио (1797—1855) — итальянский католический философ и религиозный деятель.

зия в греческом богословии, которое так чтит свя-
тые Кирилл и Мефодий и развивал святой Авгу-
стин,— это корень народов Европы, к нему и следует
с любовью и доброй волей обратиться, чтобы прине-
сти мир и спокойствие нашему времени: только так
раскрывается человеческий смысл истории, которая
на самом деле есть «История спасения».

Досточтимые и дорогие мои слушатели!

В заключение я хотел бы напомнить последнее
деяние и последние слова великого славянина, свя-
занного с Европой узами глубокой любви, Федора
Михайловича Достоевского, который умер сто лет
назад вечером 28 января 1881 года в Петербурге.
Пламенный почитатель Христа, он писал: «...Одна
наука никогда не восполнит всего человеческого
идеала, и... спокойствие для человека, источник жиз-
ни, и спасение от отчаяния всех людей, и условие
sine qua non, и залог для бытия всего мира и заклю-
чается в трех словах: «Слово плоть бысть...» Перед
смертью он велел принести и читать Евангелие, быв-
шее с ним в тяжкие годы его сибирской каторги, и
вручил его детям.

Европа нуждается в Христе и Евангелии, ибо
здесь корни всех ее народов. Слушайте же и вы эту
весть!

Да сопутствует вам мое сердечное благословение
во имя Господне!

Общая ответственность епископов и Епископских Конференций Европы за евангелизацию континента

Речь перед участниками V Симпозиума
Совета Епископских Конференций Европы

5 октября 1982

Дорогие братья епископы.

Я рад присоединиться к вам и принять участие в размышлениях V Симпозиума Совета Епископских Конференций Европы (СЕКЕ). Я рассматриваю его как особую важную встречу, ибо она позволяет всем нам острее осознать ту заботу о Церквах Европы, которая касается нас всех. Понимая серьезность и обширность возложенной на нас миссии, мы хотим в эти дни горячо, как братья, воззвать к Святому Духу, чтобы Он просветил и укрепил нас в нашем апостольском служении.

Наше собрание имеет особый характер, выделяющий и отличающий его среди прочих. Действительно, Симпозиум — важное свидетельство, на уровне всей Европы, той связи между епископами, которая стала одним из главнейших и весомейших результатов, вытекающих из эkkлeзиологии* II Ватиканского Собора. Мы здесь еще глубже переживаем особый опыт той церковной «койнонии»**, чей животворный источник — в самой тайне Троицы. В вашем лице

* Эkkлeзиология — учение о Церкви.

** Койнония — общение.

здесь представлены различные поместные Церкви целого континента, со всем их духовным наследием и своеобразием. Наши Церкви рождены из проповеди Апостолов, оплодотворены кровью первых мучеников, оживлены харизмой святых. Это Церкви, которые на заре Европы ее крестили; Церкви, которые создали воодушевляющие эпопеи веры и благовествования и пережили мучительные кризисы и драматические моменты. Ваши Церкви счастливо сохранили полное общение с Римской Церковью, даже если в какой-то точке истории приходилось с грустью признать отделение некой их части. Любовно и почтительно приветствую эти Церкви, которые пришли из первого тысячелетия и направляются к третьему тысячелетию христианской эры. Я вижу их Церквами-Сестрами, составляющими вместе, в Духе Святом и совершении Евхаристии, единое Тело Христово. Таково богословское «место», в котором мы должны расположиться, чтобы обдумать «сегодняшнее состояние» истории Спасения в Европе, приготовившись услышать то, что говорит Святой Дух нашим Церквам, чтобы исполнить возложенную на них миссию евангелизации.

Наш взгляд в эти дни обращен к Европе, и, пытаясь понять замысел и зов Божий, мы размышляем о том, что такое Европа сегодня, о ее сознании, о ее стремлениях, о ее болезнях, о ее судьбе.

Прежде всего я хотел бы вам сказать, что ваш Симпозиум сам по себе *есть проявление особого лица Европы и утверждение надежды для всей Европы.*

На теле Старого Света еще зияют раны прошлого, отдаленного и недавнего, отмеченного военными, идеологическими, политическими, экономическими противостояниями. Можно задуматься, не стала ли сегодня Европа мифом, можно доказывать, что в

действительности существуют разные Европы: от Европы экономической и политической до культурной и военной. Несмотря на тягу к преодолению возникшей в ходе истории дробности, на силы, подвигающие к единству, разделительные линии обозначают на континенте границы между Востоком и Западом, Севером и Югом. Наше собрание сознает, но не принимает эти границы, деления и противостояния.

Наша подлинная общность в этой встрече, в нашей миссии, не только не освящает существующие деления, но напротив, служит свидетельством создания и возрождения единой Европы. Наш Симпозиум подтверждает призывание Европы к братству и солидарности всех народов, ее составляющих, от Атлантики до Урала. В лоне Симпозиума вы представляете этнически разные народы и несете с собой великое многообразие культур. Ваше собрание не принижает и не уничтожает богатств отдельных национальных цивилизаций, но дает им возможность общаться между собой, открывает путь ко взаимному обогащению. Как христианство в первом тысячелетии Европы сплавило в себе греко-римское наследие, культуру германских и славянских народов, создав из этнической и культурной пестроты общеевропейский дух,— так вы, без ностальгии по прошлому, но с полным сознанием внутренней объединяющей силы христианства и его исторической роли, совместно берете на себя труд — из многообразия местного национального опыта создать новую общеевропейскую цивилизацию.

Вы должны передать нынешней Европе эту живущую в вас надежду. Разумеется, вы не собираетесь строить другую Европу, параллельную существующей; но то, что вы делаете, означает открывать Европе самой себе. Вы показываете Европе ее душу и подлинную сущность, вы предлагаете Европе ключ к пониманию собственного призвания.

Церковь и Европа. Это два мира, тесно связанные и по сути своей, и по судьбе. Они проделали вместе многовековой путь, и общая история оставила на них свой след. Европа была обращена в христианство; и европейские народы, при всех их различиях, дали плоть и кровь существованию христианства. При встрече они взаимно обогащались ценностями, которые стали не только душой европейской цивилизации, но и достоянием всего человечества. В ходе следовавших один за другим кризисов европейская культура стремилась оторваться от веры и Церкви, но то, что провозглашалось тогда как воля к освобождению и самостоятельности, в действительности было кризисом самого европейского сознания, подвергнувшегося испытаниям и искушениям в своей глубинной сущности, в своем основополагающем выборе и в своей исторической судьбе.

Европа не сможет расстаться с христианством как со случайным попутчиком, так же как человек не может расстаться с тем, что дает ему основания жить и надеяться, не впад при этом в глубокий кризис.

Поэтому изменения европейского сознания в сторону более радикального отрицания христианского наследия могут быть поняты до конца только в глубокой связи с христианством. Кризисы европейца — это кризисы христианина. Кризисы европейской культуры — это кризисы культуры христианской.

Крайне важно исследовать метаморфозы, которые претерпело европейское сознание в нынешнем веке. Сегодня в Европе немало различных течений, идеологических систем, устремлений, которые объявляют себя чуждыми вере, если не прямо противостоящими христианству. Но интересно проследить, как, отправляясь от положений и установок, имеющих своей целью абсолютизировать человека и его зем-

ные достижения, они ныне приходят к тому, что ставят под сомнение как раз самого человека, его достоинство и внутренние ценности, сознание вечности и жажду абсолюта. Где сегодня торжественные заявления сциентизма, обещавшего открыть человеку бесконечные горизонты прогресса и благосостояния? Где надежды, что человек, как только будет объявлено о смерти Бога, окончательно займет место Бога в мире и истории и положит начало новой вере, в которой он собственными силами победит все свои невзгоды?

Трагические события, обagrившие землю Европы кровью в чудовищных братоубийственных схватках; приход к власти авторитарных и тоталитарных режимов, которые попирали и попирают свободу и основные права человека; сомнения и оговорки относительно прогресса, который, хотя и использует богатства Вселенной для роста изобилия и благосостояния, не только вредит среде обитания, но и создает ужасные орудия разрушения,— вот роковой итог философско-культурных течений и освободительных движений, не признающих трансцендентности; все это в конце концов принесло человеку разочарование, подтолкнуло его к скептицизму и релятивизму, если не замуровало его в нигилизме, ощущении бессмысленности жизни, экзистенциальной тревоге.

Подобные противоречия, подобные драматические и непредвиденные последствия кажутся парадоксальными и труднообъяснимыми. Кто-то может сказать, что речь идет о кризисе роста, связанном с самой природой человека, чьи важнейшие свойства — конечность и историчность его удела. Но в этой драме как будто заключен и другой, тайный смысл, который вы должны до конца раскрыть, придав ему духовное истолкование в свете теологии истории, кото-

рая видит человека в диалоге свободы с Богом и с Его замыслом спасения.

В этом свете христианство может разглядеть в блужданиях европейского духа те искушения, то маловерие, те опасности, которые подстерегают человека в его сущностных отношениях с Богом.

А на еще более глубоком уровне мы можем утверждать, что эти искушения и исход этой драмы европейского человека не просто испытывают христианство и Церковь извне, как некая внешняя трудность или препятствие, которое надо преодолеть в деле евангелизации; они в подлинном смысле слова *живут внутри христианства и Церкви*. Европейский атеизм — это вызов, который можно понять изнутри европейского сознания; это скорее бунт против Бога и измена Богу, чем простое отрицание Бога. Секуляризм, который Европа распространила по миру с риском иссушить пышно цветущие культуры других континентов, питался и питается библейским представлением о творении и отношении человек—космос.

Разве научно-техническая деятельность, покоряющая мир, не отвечает библейскому пониманию задачи, возложенной Богом на человека? И не является ли воля к власти и обладанию искушением человека и целых народов под знаком завета с Богом?

Можно продолжить наш анализ. И тогда мы не без удивления обнаружим, что кризис и искушение европейца и Европы — это кризис и искушение христианства и Церкви в Европе.

Но если верно, что трудности и препятствия в евангелизации Европы исходят из самой Церкви и самого христианства, то и лекарства и решения следует искать внутри Церкви и христианства, в истине и благодати Христа, Спасителя людей, Средоточия космоса и истории.

Церковь должна евангелизовать саму себя, чтобы ответить на сегодняшнее вопрошание человека.

Если атеизм — это искушение веры, то он может быть побежден углублением и очищением веры.

Если вина за секуляризм ложится на определенные понятия о человеке в мире и утилизации вселенной,— евангелизация должна заново предложить ту теологию, ту теорию космоса, которые, будучи основаны на Библии и представлены в литургии, имеют столь поучительное значение для будущего после II Ватиканского Собора.

Если индустриальная революция, зародившись в Европе, создала такую модель экономики, социальных отношений и развития, которые как будто противостоят Церкви и препятствуют евангелизации, то, подтверждая своей жизнью, возвещая и воплощая Евангелие справедливости, братства и труда, мы можем восстановить в мире труда мир человеческий и христианский.

Можно приложить эти цели к вещам столь важным, как семья, молодежь, зоны бедности и «новые бедные» в Европе, этнические и религиозные меньшинства, отношения между Европой и Третьим Миром.

Обращение к вере и святости Церкви, чтобы ответить на такие вопросы и такой вызов,— это не воля к самоутверждению, не реставрация, а путь, по которому необходимо идти, чтобы добраться до самой сути этих вопросов и этого вызова.

Для выполнения своей нынешней миссии в Европе Церковь должна осознать, что она не чужая современному европейцу; тем более не должна она чувствовать себя бесполезной и бессильной в разрешении трудностей и проблем Европы, но напротив, она несет в самой себе лекарства от недугов и надежду на завтрашний день.

С глубинной и все укрепляющейся верностью Христу, со святостью жизни и евангельской добродетелью, прозрачностью для Христа войдет Церковь в душу и сердце Европы.

Наша ответственность и наша миссия по отношению к Европе велики настолько, насколько велика надежда, которую мы несем.

Наши общины, евангелизованные в самом начале истории Церкви, получили драгоценные таланты в свое распоряжение. Конечно, мы не можем, подобно работникам из евангельской притчи, похвалиться своими заслугами перед новыми Церквями на других континентах. Мы должны также с искренним смирением просить прощения за нашу неверность, за наши раздоры и болезни, которые мы разнесли по миру.

Но вместе с тем мы должны с удвоенной убежденностью приступить к исполнению своей миссии в Европе, возложенной на нас Богом.

Мы не можем предложить ни экономических рецептов, ни политических программ. Но мы можем возвестить глагол и благовест.

От нас также зависит, замкнется ли Европа в своих мелких земных стремлениях и в своем эгоизме, поддастся ли она чувству тревоги и бессмысленности жизни, отказавшись от своего призвания и исторической роли, или вновь обретет свою душу в цивилизации жизни, любви и надежды.

Желаю вам найти в ходе размышлений на этом Симпозиуме те пути, которые Святой Дух открывает перед Церковью, перед вашими Церквями, чтобы возвещать Его глагол современной Европе.

Да пребудет с вами мое благословение.

Акт европейского единства

Сантьяго де Компостела*

9 ноября 1982

Ваше Величество, досточтимые дамы и господа,
братья!

Приближаясь к концу своего паломничества по испанской земле, я пожелал остановиться в этом великолепном соборе, тесно связанном с апостолом Иаковом и верой Испании. Позвольте мне прежде всего горячо поблагодарить Его Величество Короля за исполненные глубокого смысла слова, с которыми он ко мне обратился.

Это место, столь дорогое для благочестивых галисийцев и всех испанцев, многие века было точкой притяжения и единения Европы и всего христианского мира. Поэтому мне хотелось именно здесь встретиться с уважаемыми представителями европейских правительств, епископата и различных организаций со всего континента. Я почтительно и сердечно приветствую всех вас и хотел бы сегодня поразмышлять вместе с вами о Европе.

В этот час я окидываю мысленным взглядом весь европейский континент, необозримую сеть путей сообщения, связывающих между собой города и страны, его составляющие; я вижу дороги, по которым со Средних веков шли и идут к Сантьяго де Ком-

* Сантьяго де Компостела — город на северо-западе Испании, в Галисии, где находится гробница святого Иакова, апостола Испании.

постела (как показывает Святой Год, который мы ныне празднуем), бесчисленные толпы паломников, влекомых к Апостолу благочестием.

С XI и XII веков, под влиянием клюнийских* монахов, верующие со всех концов Европы стекались все более многочисленными толпами к гробнице святого Иакова, продлевая до места, считавшегося тогда «Finis terrae» (краем земли), тот знаменитый «путь к Сантьяго», который проложили паломники-испанцы, находя по дороге помощь и приют у таких образцов милосердия, как святой Доминик де ла Кальцада и святой Хуан Ортега, или в таких местах, как часовня Мадонна де ла Эстрада.

Сюда сходились из Франции, из Италии, из Центральной Европы, из северных и славянских стран христиане всех сословий: от царственных особ до нищих крестьян; христиане любого духовного уровня: от таких святых, как Франциск Ассизский и Бригитта Шведская (не говоря уж об испанских святых), до грешников, ищущих публичного покаяния.

Вся Европа собиралась здесь для «поминовения» святого Иакова в те самые столетия, когда она строилась как однородный и духовно единый континент. Именно поэтому Гёте и говорил, что европейское сознание родилось в паломничестве.

Паломничество к Сантьяго было одним из важных обстоятельств, благоприятствовавших взаимопониманию таких несхожих европейских рас, как латиняне, германцы, кельты, англосаксы и славяне. Действительно, паломничество сближало, приводило в соприкосновение и объединяло друг с другом эти племена, которые от столетия к столетию, по мере

* Ключи — старинное бенедиктинское аббатство во Франции, центр церковных реформ XI—XII веков.

того, как достигала до них проповедь свидетелей Христа, принимали Евангелие и одновременно, если можно так выразиться, рождались как народы и страны.

История образования европейских наций шла параллельно истории их евангелизации, до такой степени, что границы Европы совпадают с границами проникновения Евангелия. За двадцать веков ее истории, несмотря на кровавые столкновения, в которых народы Европы противостояли друг другу, и несмотря на духовные кризисы, которыми отмечена жизнь континента,— настолько серьезные, что само его будущее оказывается под вопросом,— все-таки следует сказать, что сущность Европы нельзя постичь без христианства, что именно в нем — те общие корни, из которых произросла цивилизация старого континента, его культура, динамизм, предприимчивость, способность к благотворной экспансии даже на другие континенты; одним словом, все то, что составляет его славу.

И сегодня душа Европы все еще остается едина, ибо питается, кроме общего происхождения, еще и общими христианскими и человеческими ценностями, ее отличающими,— такими, как достоинство человеческой личности, глубокое чувство справедливости и свободы, трудолюбие, дух инициативы, любовь к семье, уважение к жизни, терпимость, стремление к сотрудничеству и к миру.

Я окидываю взором Европу как континент, более всех сделавший для развития мира, и в области мысли, и в области труда, наук и искусств. Но благословляя Господа за то, что Он озарил Европу евангельским светом от самого начала апостольской проповеди, я не могу умолчать о состоянии кризиса,

который она переживает на пороге третьего тысячелетия христианской эры.

Я обращаюсь к представителям организаций, возникших ради европейского сотрудничества, и к моим братьям-епископам различных поместных Церквей Европы. Кризис охватил и гражданскую жизнь, и жизнь религиозную. На гражданском уровне Европа расколота. Противоестественные трещины лишают народы всеобщего права встречаться друг с другом в дружеской атмосфере и свободно объединять свои усилия и таланты ради мирного общежития и совместных попыток помочь в разрешении проблем, угрожающих другим континентам. Гражданская жизнь отмечена также секуляристскими идеологическими тенденциями — от отрицания Бога и ограничения свободы религии до предпочтения экономических успехов человеческим ценностям труда и производства; от материализма и гедонизма, подтачивающих ценности большой и дружной семьи, едва зачатой жизни, нравственной опеки молодежи — до «нигилизма», обезоруживающего волю перед лицом таких насущных проблем, как новые бедные, эмигранты, этнические и религиозные меньшинства, здоровое обращение со средствами массовой информации, но зато вкладывающего оружие в руки террористов.

Европа расколота и на уровне религиозном. Не столько из-за расхождений, возникавших на протяжении столетий, сколько из-за отхода крещеных и верующих от глубоких оснований веры и действительности учения и морали, присущей тому христианскому видению мира, которое обеспечивает равновесие личности и общества.

И потому я, Иоанн Павел, сын польского народа, всегда считавшего себя европейским по своему про-

исхождению, традициям, культуре и жизненным связям, народа славянского среди латинян и латинского среди славян; я, преемник Петра на Римском престоле, престоле, который Христос пожелал установить в Европе и который почитается в Европе за усилия по распространению христианства во всем мире; я, епископ Римский и пастырь Вселенской Церкви, из Сантьяго взываю с любовью к тебе, древняя Европа: «Обрети вновь саму себя. Стань сама собой. Найди свои истоки. Оживи свои корни. Живи подлинными ценностями, которые сделали славной твою историю и благодетельным твое присутствие на других континентах. Воссоздай свое духовное единство при полном уважении к другим религиям и настоящей свободе. Отдай кесарю кесарево, а Богу — Богово. Не гордись твоими завоеваниями настолько, чтобы забывать об их возможных дурных последствиях; не считай себя униженной количественными потерями твоего величия в мире или социальными и культурными кризисами, которые ты переживаешь. Ты все еще можешь быть светочем цивилизации и двигателем прогресса для всего мира. Другие континенты смотрят на тебя и ждут от тебя ответа, который святой Иаков дал Христу: «Могу».

Если Европа будет едина, а это возможно при должном уважении ко всем внутренним различиям, включая различия в политических системах; если Европа в социальной жизни будет мыслить с той глубиной, которой обладают некоторые принципиальные заявления, такие, как Всемирная Декларация прав человека, Европейская Декларация прав человека, Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе; если Европа в жизни собственно религиозной будет содействовать с

должной благодарностью и благоговением к Богу — основанию всякого права и всякой справедливости; если Европа снова распахнет двери перед Христом и не будет бояться открыть его спасительной силе границы государств, экономические и политические системы, обширное поле культуры, цивилизации, развития (ср. Речь Иоанна Павла II от 22 октября 1978 года), — ее будущее не потонет в тревоге и страхе, но откроется к новой жизни внутренней и внешней, благодетельной и определяющей для всего мира, над которым по-прежнему нависают черные тучи войны и, возможно, ядерной катастрофы.

В эту минуту перед моим мысленным взором проходят имена великих людей, мужчин и женщин, прославивших этот континент своим гением, своими познаниями, своей добродетелью. Их так много в этом ряду — мыслителей, ученых, художников, исследователей, изобретателей, правителей, апостолов и святых, что нет нужды объяснять, кого я имею в виду. Они — наше наследие, они вселяют в нас уверенность и стремление им подражать. Европа и сегодня хранит несравненные запасы человеческой энергии, способные поддержать ее в исполнении этой исторической задачи — возрождении континента и служении человечеству.

Для меня поистине важно напомнить в этот час о силе духа таких, как Тереза от Иисуса*, чью память я намеревался почтить отдельно во время этого путешествия, и великодушии таких, как Максимилиан Кольбе, мученик милосердия в концентрационном лагере Освенцим, которого я недавно провозгласил святым.

* Тереза Мартен (1873—1897) — французская монахиня-кармелитка, канонизированная в 1925 году.

Но особо мысль моя обращается к святым Бенедикту Нурсийскому и Кириллу и Мефодию, покровителям Европы. С первых же дней моего понтификата я непрестанно подчеркивал свою озабоченность жизнью Европы и указывал, какие наставники завещаны нам духом и делом патриарха Запада и двух братьев-греков, апостолов славянских народов.

Бенедикт сумел соединить Рим и Евангелие, понятия универсализма и права с понятиями ценности Бога и человеческой личности. Его знаменитый девиз *ога et labora* — молись и трудись — и сегодня остается для нас действенным правилом, помогающим достичь равновесия личности и общества, которым угрожает победа *иметь над быть*.

Святые Кирилл и Мефодий смогли предвосхитить некоторые из тех обретений, которые полностью были достигнуты Церковью во время II Ватиканского Собора — в том, что касается «внедрения» евангельской вести в неповторимые, самобытные культуры благодаря усвоению языка, обычаев, духа племени, во всей полноте их собственной ценности. Они сделали это в IX веке, с одобрения и при поддержке Апостольского престола, положив тем самым начало присутствию христианства среди славянских народов, которое неистребимо и сегодня, несмотря на нынешние временные невзгоды. Я посвятил трем покровителям Европы паломничества, речи, официальные документы и публичное поклонение, моля их заступничества за наш континент и одновременно предлагая их мысль и пример вниманию новых поколений.

Церковь сознает, какую роль ей надлежит сыграть в духовном и человеческом обновлении Европы. Не отстаивая тех положений, которые она выдвигала в прошлом и которые оказались обветшавшими в

новое время, она как Святой Престол и как католическое сообщество видит свой долг в том, чтобы способствовать достижению таких целей, которые ведут к подлинному материальному, культурному и духовному благоденствию народов. Поэтому на дипломатическом уровне она присутствует через своих наблюдателей в различных общественных неполитических организациях; поддерживает дипломатические отношения с как можно большим числом государств; в качестве полноправного члена участвовала в Хельсинкском Совещании и в подписании его важного Заключительного акта, а также во встречах в Белграде и в Мадриде; эта последняя как раз сегодня возобновляет свою работу, и я посылаю ей наилучшие пожелания в нелегкий для Европы час.

Но прежде всего следует обратить пристальное внимание на церковную жизнь, чтобы она могла продолжать свое свидетельство служения и любви, содействовать преодолению нынешнего кризиса на континенте, как я имел случай повторить недавно на Симпозиуме Совета Конференций Епископов Европы (ср. Речь Иоанна Павла II от 5 октября 1982 года).

Помощь Божия с нами. Нам сопутствуют молитвы всех верующих. Среди нас живет добрая воля многих известных людей, зиждителей мира и прогресса, и это залог того, что Весть, обращенная к народам Европы, падет на плодоносную почву.

Иисус Христос, Владыка истории, держит врата грядущего открытыми для благородных и свободных замыслов всех тех, кто, приемля благодать добрых побуждений, приступает к решительным действиям во имя справедливости и милосердия, в духе полного уважения к истине и свободе.

Вручаю эти помыслы покровительству Пресвятой Девы, дабы Она благословила их и дала им осуществиться; и в память о том поклонении, которое воздается Матери Божией во множестве храмов Европы, от Фатимы* до Остра Браны**, от Лорето*** до Ченстоховы, взываю к Ней, да услышит Она молитвы, идущие из многих сердец; да пребудет добро радостной действительностью в Европе, и Христос да укоренит в Боге наш континент.

«ОР», СХХII (1982), suppl. n. 255, 3.11.1982, с. XLIII

* Фатима — городок в Португалии, где Пресвятая Дева в 1917 году явилась трем детям.

** Остра Брама — часовня с чудотворной иконой Божьей Матери в Вильнюсе.

*** Лорето — небольшой городок в Италии с церковью, посвященной Деве Марии; место паломничества.

Восток и Запад: два «легких» единого организма Церкви

Выступление перед участниками международного
симпозиума на тему: «Вячеслав Иванов
и культура его времени»

28 мая 1983

Многоуважаемые участники симпозиума,
дамы и господа.

Для меня большая честь ваше посещение и большая радость принять вас по окончании этого Международного симпозиума, организованного Римским университетом, международной ассоциацией «Конвивиум» и городом Римом, и посвященного великому русскому поэту, философу, филологу Вячеславу Иванову и культуре его времени.

Вы съехались сюда из разных университетов и институтов культуры из славянских и латинских, англосаксонских и средиземноморских стран, от Соединенных Штатов Америки до Западной и Восточной Европы. Хочу подчеркнуть, сколь символично наше совместное пребывание здесь, рядом с президентом ассоциации «Вячеслав Иванов Конвивиум» проф. Джексоном из Йейльского университета и с проф. Колуччи, представляющим Отделение русской литературы в Римском университете, которому желал бы выразить живейшую признательность за его слова. В особенности я хотел бы приветствовать Лидию Иванову и Дмитрия

Иванова, дочь и сына замечательного мыслителя, которому мой предшественник Пий XI пожелал доверить кафедру русского и старославянского языка и литературы в Восточном папском институте.

Как не порадоваться тому, что ваши исследования посвящены труду, поистине связующему *Восток и Запад* и тем самым глубоко европейскому, ибо он есть, так сказать, «результат взаимодействия двух течений в христианской традиции, с которыми соединены также две различные, но в то же время друг друга глубоко дополняющие формы культуры», как писал я в моем Апостолическом послании «Эгрегиз виртутис», посвященном святым Кириллу и Мефодию¹. Что есть более нужного и настоящего, чем сближение культурного наследия христианского Востока с культурой западной в «Европе крови, слез, расколов, чудовищной жестокости»².

Восстановить *духовное единство людей и прежде всего человека*, преодолев трагическое разделение внутри каждого человека и между людьми, вернуться к своим духовным корням — таков был великий замысел славного новообращенного, как с сыновней любовью очертил этот замысел Дмитрий Иванов в выступлении на недавнем Коллоквиуме об общих христианских корнях европейских народов: «Вячеслав Иванов или вселенский Анамнезис во Христе как основание славянского гуманизма».

Мне радостно перечитать вместе с вами эту лирическую страницу: «Я со своей стороны вижу диалектику исторического процесса в непрестанном трагическом диалоге между человеком и Тем, кто, создав его свободным и бессмертным по образу Своему и дав ему власть быть Его сыном, даровал ему даже Свое таинственное Имя АЗ ЕСМЬ, дабы земной носи-

тель этого Имени, блудный сын, мог в годину возврата, после стольких заблуждений и измен, сказать Отцу: воистину ТЫ ЕСИ, и только потому есмь аз»³.

Ты еси — значит, я есмь. Человек, икона Божия, это тот, кто во имя всей теофорной твари говорит Богу: «Всякое творение на небе и на земле Твое пред Богом»⁴.

Человек, примиренный с самим собой и со всем творением, может этим путем восстановить *сущностное сообщество — Соборность* — людей. Отсюда вытекает первостепенная важность диалога культур. «Всякая большая культура, поскольку она эманация памяти, воплощает важное духовное событие... и есть не что иное, как многовидное выражение религиозной идеи, образующей ее зерно»⁵. И у каждого народа есть свое особое призвание: воплотить среди трагических перипетий истории какую-либо сторону откровения Слова.

В богатой славянской традиции весь народ понимается как богоносный, «христофорный», призванный как народ воскреснуть во Христе, дабы таинственно обожиться. И уже на этой земле Церковь предстает как тайный Рай преображенного во Христе человечества: «Единственная сила, организующая хаос нашего душевного тела, есть свободное и цельное приятие Христа как единого всеопределяющего начала нашей духовной и внешней жизни»⁶.

Но *исторический раскол Церкви* — это все еще зияющая рана. Исповедуя в базилике св. Петра в Риме 17 марта 1926 года католическое «Верую», Вячеслав Иванов, как он писал в письме Шарлю дю Бос, «впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, обладателем священного клада, который был моим со дня моего крещения,

но обладание которым до тех пор, в течение уже многих лет, омрачалось наличием чувства какой-то неудовлетворенности, становящейся все мучительней и мучительней от сознания, что я лишен другой половины живого того клада святости и благодати, что я дышу наподобие чахоточных одним только легким»⁷. Это же говорил и я представителям христианских не католических общин 31 мая 1980 года, вспоминая свое братское посещение Константинопольского Вселенского Патриархата: «как христианам, скажу даже, как католикам, нам невозможно дышать одним легким; надо иметь два легких — восточное и западное»⁸.

Да обретем мы мудрость, которую вдохнул Создатель в наши сердца, восстановив утраченное единство от Востока до Запада, от Севера до Юга, и да дышит вся наша ойкумена обоими легкими в восстановленном братстве изначального духовного единства чад Божиих, братьев Христа и братьев во Христе!⁹

Это мое глубокое обетование. Ваша культурная деятельность, вместе с трудом поэтов, мыслителей и художников, составляет самую сердцевину этого жизненно важного сближения. Ибо — позвольте мне сказать вам это накануне апостольского посещения моей родины — славянская душа, чье содержание вы стремитесь выразить, принадлежит как Востоку, так и Западу и питается из этого двойного источника общего достояния, укорененного в вере Христовой¹⁰. Не говорил ли Вячеслав Иванов: «Я живо чувствую, как прибывают силы Польше, точно Антею, от прикосновения к родной религиозной почве, и как они оскудевают, когда слабнут связи с Вселенской Церковью»¹¹.

Благодарю вас, дорогие друзья, за сотрудничество — по стопам Вячеслава Иванова — в восстановле-

нии единства, подлинного гуманизма, укорененного в Боге, и во вселенском анамнезисе во Христе.

«La Traccia» IV (1983), 5, сс. 536—538

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 31 декабря 1980 ср. «Ins», III(1980), 2, с. 1835
2. Ср. «Общие христианские корни европейских народов», 6 ноября 1981; в настоящем издании см. с. 51.
3. В. Иванов. Письмо к Александру Пеллегрини о «Docta Pietas» в «Собрании сочинений», Брюссель, изд. Foyer Oriental Chretien, 1979, т. III, сс. 445—447.
4. В. Иванов. «Человек» в «Собрание сочинений», Брюссель, изд. Foyer oriental chretien, 1971, т. III.
5. В. Иванов. Письмо к Шарлю дю Босу, цит. соч. с. 431.
6. В. Иванов «О русской идее» (1909) в «Собрание сочинений», цит. соч. т. III, сс. 323—324.
7. В. Иванов. Письмо к Шарлю дю Босу, цит. соч. с. 90.
8. Allocutio Lutetiae Parisiorum ad christianos fratres a Sede apostolica seiunctos habita (31 мая 1980), «AAS», LXXII (1980) с. 704.
9. Ср. St. Tyszkiewicz, L'ascension spirituelle de V.Ivanov, в Nouvelle Revue théologique, t. LXXXII, 1950, сс. 1050—1062.
10. Ср. «Проповедь в Гнезно» 3 июня 1979 «AAS» LXXI (1979), в настоящем издании см. с. 16.
11. В. Иванов в «Родное и Вселенское, польский мессианизм как живая сила», Москва 1919.

Совместная декларация Папы и Сиро-Православного Патриарха Антиохийского Моран Мар Игнатия Закки I Иваса

23 июня 1984

*Святой Отец и Сиро-Православный Патриарх
Антиохийский Его Святейшество Моран Мар
Игнатий Закка I Ивас*

подписали нижеследующую совместную декларацию:

Его Святейшество Иоанн Павел II, Епископ Римский, Папа Католической Церкви, и Его Святейшество Моран Мар Игнатий Закка I Ивас, Патриарх Антиохийский и всего Востока, верховный глава Сиро-Православной Вселенской Церкви, со всем смирением преклоняя колена перед высоким и преславным престолом Господа нашего Иисуса Христа, возносят благодарение за дарованную им чудесную возможность встретиться друг с другом в любви к Нему, дабы еще больше укрепить отношения между нашими двумя Церквями-Сестрами, Римской Церковью и Сиро-Православной Антиохийской Церковью,— отношения, уже и к настоящему времени отличные, благодаря совместным начинаниям Его Святейшества блаженной памяти папы Павла VI и Его Святейшества блаженной памяти Моран Мар Игнатия Якуба III.

Его Святейшество Иоанн Павел II и Его Святейшество Закка I торжественно заявляют о своем желании расширить горизонты их братства и тем самым поддержать все проявления глубокого духовного общения, объединяющего как их самих, так и прела-

тов, священников и верующих обеих Церквей, дабы упрочить узы веры, надежды и любви и продвигаться дальше в поисках полной и общей церковной жизни.

Прежде всего Его Святейшество Иоанн Павел II и Его Святейшество Закка I подтверждают, что исповедуют веру обеих Церквей в формуле, предложенной Никейским Собором в 325 году от Р. Х., общеизвестной как «Никейский символ». Они сознают ныне, что недопонимания и расколы, разделявшие их Церкви на протяжении веков, никоим образом не затрагивают и не задевают сущности их веры, поскольку происходят исключительно из-за различий в терминологии и культуре, возникающих благодаря разным словесным формам, принятым различными богословскими школами, но выражающим одни и те же мысли. Как следствие этого, мы не видим сегодня никакой реальной основы для прискорбных расхождений и схизм, случавшихся между нами по поводу доктрины Воплощения. Словом и жизнью мы исповедуем учение о Христе Господе нашем, несмотря на разницу в толковании этого учения, идущую от эпохи Халкидонского Собора.

И потому мы пожелали вновь торжественно подтвердить наше общее исповедание веры в Воплощение Господа нашего Иисуса Христа, как подтвердили его в 1971 Папа Павел VI и Патриарх Моран Мар Игнатий Якуб III. Они отрицали, что существуют различия в исповедуемой ими вере в таинство Слова Божия, воплотившегося и вочеловечившегося. И мы в свой черед исповедуем, что Он воплотился ради нас, приняв настоящее тело и разумную душу. Он разделил наше человечество во всем, кроме греха. Мы исповедуем, что Господь наш и Бог наш, наш Спаситель и царь всего сущего Иисус Христос есть Бог совершенный в божестве Своем и человек совер-

шенный в человечестве Своем. Соединение это действительно, совершенно, без смешения или примеси, без слияния, без изменения, без разделения, без малейшего разлучения. Он, Бог вечный и невидимый, стал видимым во плоти и «принял зрак раба». В Нем человечество и божество соединились действительно, совершенно, нераздельно и неразлучно, и в Нем все Его свойства присутствуют и действуют.

Так как мы имеем единое понятие о Христе, то исповедуем и единое понятие о Его тайне. Воплотившись, умерев и воскреснув, Господь наш, Бог и Спаситель победил грех и смерть. Через Него, пока длится время от Пятидесятницы до Его Второго Пришествия,— а это есть также заключение времен,— человеку дан опыт новой твари, Царствие Божие, закваска преображающая (ср. Мф 13, 33), уже существующая внутри нас. Ради этого Бог избрал новый народ, Свою святую Церковь, которая есть Тело Христово. Через слово и таинства Святой Дух действует в Церкви, зовя каждого из нас стать членом Тела Христова. Верные крещаются в Дух Святой, во имя Святой Троицы, дабы образовать единое тело, и через таинство Миропомазания (Конфирмации) их вера становится совершенна и укрепляется самим Духом Святым.

Заключение и вершина тайнодейственной жизни — святая Евхаристия, ибо через Евхаристию Церковь самым глубоким образом осуществляет и открывает свою природу. Через святую Евхаристию событие Пасхи Христовой распространяется на всю Церковь. Через святое Крещение и Миропомазание члены Христовы соединяются Святым Духом, прививаются ко Христу; а через святую Евхаристию Церковь становится тем, чем ей назначено быть через Крещение и Миропомазание. Причащаясь Тела и

Крови Христовой, верующие утверждаются в том таинственном обожении, которое, через Дух Святой, позволяет нам обитать в Сыне как чадам Отца.

Другие таинства, общие для Католической Церкви и Сиро-Православной Антиохийской Церкви в их одинаковом преемстве апостольского служения, то есть Священство, Брак, Покаяние и Елеосвящение, сходятся к совершению Евхаристии — основанию всей тайнодейственной жизни и величайшему выражению церковного общения. Это общение христиан между собой и поместных Церквей, собирающихся вокруг их законных епископов, осуществляется в объединяющей встрече тех, кто исповедует одну веру, кто с надеждой обращен к грядущему миру в ожидании Второго Пришествия Спасителя и помазан Духом Святым, обитающим в них с неубывающей вовеки любовью.

Коль скоро святая Евхаристия есть величайшее выражение единства между верными и епископами и священнослужителями, она еще не может совершаться нами совместно. Подобное совместное совершение Евхаристии предполагает полное тождество веры, тождество, нами еще не достигнутое. Действительно, остается еще разрешить некоторые вопросы, как в том, что касается воли Господа о Его Церкви, так и в том, что относится к сложным богословским проблемам и к отдельным канонам, традиционно свойственным нашим общинам, которые слишком долго пребывали в разлуке.

Тождество нашей веры, хотя и не полное, позволяет тем не менее предусмотреть сотрудничество наших Церквей в пастырском попечении, — в обстоятельствах, которые в наши дни случаются часто, как из-за рассеяния наших верных по миру, так и благодаря тревогам нашего трудного времени. Наши верные нередко оказываются морально или физически

не в состоянии снести со священником своей Церкви. Желая помочь им в их нужде и заботясь об их духовном благе, мы разрешаем в подобных случаях и когда это необходимо обращаться за таинствами Покаяния, Евхаристии и Елеосвящения к рукоположенным священнослужителям той или другой из наших Церквей-Сестер. Из пастырского сотрудничества должно логически вытекать сотрудничество в воспитании священнослужителей и теологическом образовании. Епископы должны смелее поощрять взаимное участие в структурах теологического образования всякий раз, когда считают это возможным. Поступая таким образом, мы, разумеется, не упускаем из виду, что обязаны делать все, что в наших силах, чтобы осуществилась полнота видимого общения между Католической Церковью и Сиро-Православной Антиохийской Церковью, и молим Господа нашего ниспослать такое единство, которое одно лишь может позволить даровать миру согласное и единоедушное свидетельство о Евангелии.

Вознося благодарение Господу за то, что Он дал нам эту встречу в радость и утешение нашей общей веры (ср. Рим 1, 12) и позволил провозгласить перед всем миром тайну Лица Слова Воплощенного и домостроительства спасения, неколебимого основания этой общей веры, мы торжественно обязуемся делать все возможное для удаления последних препятствий, которые еще мешают полноте общения между Католической Церковью и Сиро-Православной Антиохийской Церковью, чтобы единым сердцем и единым голосом мы могли проповедовать то Слово, что есть «Свет истинный, Который просвещает всякого человека» и «верующим во имя Его дает власть быть чадами Божиими» (ср. Ин 1, 9—12).

Славорум апостоли*

Энциклика в память о заслугах святых
благовестников Кирилла и Мефодия одиннадцать
веков спустя

2 июня 1985

I

Введение

1. Апостолы славян, святые Кирилл и Мефодий остались в памяти Церкви нераздельно с великими делами благовествования, ими совершенными. Можно также утверждать, что воспоминание о них в наши дни стало особенно живым и своевременным.

Имея в виду то исполненное благодарности поклонение, которым уже много веков окружены святые братья из Салоник (древняя Фессалоника), особенно у славянских народов, и память о неоценимой лепте, внесенной ими в возведение Евангелия этим народам и одновременно в дело примирения, дружеского сосуществования этих народов, а также их уважение к собственному достоинству каждого из этих народов, Апостолическим Посланием «Эгрегиз виртутис»¹ от 31 декабря 1980 года я провозгласил Кирилла и Мефодия сопокровителями Европы. Таким образом я двигаюсь по пути, предуказанному моими предшественниками, в особенности же Львом XIII, который более ста лет назад, 30 сентября 1880 года Энцикли-

* «Slavorum apostoli» — «Апостолы славян».

кой «Гранде мунус»² ввел культ этих святых по всей Церкви, и Павла VI, который Апостолическим Посланием от 24 октября 1960 года «Пацис нунциус»^{*3} провозгласил святого Бенедикта покровителем Европы.

2. Этот документ пятилетней давности имел своей целью оживить в умах упомянутые торжественные постановления Церкви и привлечь внимание христиан и всех людей доброй воли, кому дороги благо, покой и единство Европы, к непреходящей современности величественных образов Бенедикта, Кирилла и Мефодия как наглядного примера и духовной опоры для христиан нашего века, в особенности же для народов европейского континента, которые давно уже, благодаря прежде всего молитвам и делам этих святых, сознательно и каждый по-своему крепко укоренились в Церкви и в христианской традиции.

Появление вышеназванного моего Апостолического Послания в 1980 году, проникнутого твердой надеждой на постепенное преодоление всего, что разделяет Церкви, страны, народы, связано с тремя обстоятельствами, составляющими предмет моих молитв и размышлений. Первым стала 1100-летняя годовщина Папского Послания «Индустриэ туэ»⁴, которым Иоанн VIII в 880 году одобрил употребление славянского языка в литургии, переведенной двумя святыми братьями. Вторым явился столетний юбилей упомянутой Энциклики «Гранде мунус». Третьим было начало как раз в 1980 году успешного и многообещающего богословского диалога между Католической и Православной Церквями на острове Патмос.

3. В настоящей Энциклике я хотел бы сослаться прежде всего на Послание, в котором Папа Лев XIII

* «Pacis nuntius» — «Вестник мира».

пожелал напомнить Церкви и миру об апостольских заслугах обоих братьев: не только Мефодия, который по преданию окончил свою жизнь в 885 году в Велеграде, в Великоморавском княжестве, но и Кирилла, которого смерть разлучила с братом в 869 году в Риме — в городе, принявшем и по сей день с искренним благоговением хранящем его мощи в старинной базилике святого Климента.

В воспоминание святой жизни и апостольских заслуг двух солунских братьев папа Лев XIII установил литургическое празднование их 7 июля. После II Ватиканского Собора, как следствие литургической реформы, оно было перенесено на 14 февраля — дату, которая с исторической точки зрения обозначает небесное рождение святого Кирилла⁵.

Более века спустя после появления Послания папы Льва, новые обстоятельства, с которыми совпала тысяча-часть годовщина блаженной кончины святого Мефодия, побуждают нас дать новые свидетельства той памяти, что хранит Церковь об этой важной дате. И в особенности чувствует себя обязанным сделать это первый Папа, призванный на престол святого Петра из Польши, то есть из гущи *славянских народов*.

События нашего века и прежде всего последних его десятилетий содействовали тому, что наряду с религиозным поминовением в Церкви оживился историко-культурный интерес к двум святым братьям, чья особая харизма становится еще понятнее в свете проблем и опыта нашей эпохи. Этому способствовали многие происшествия, которые, как подлинные знамения времени, принадлежат истории XX века, и прежде всего то великое событие, каким оказался в жизни Церкви II Ватиканский Собор. В свете учения и пастырских наставлений этого Собора мы можем

посмотреть иным взглядом — более зрелым и глубоким — на эти два святых образа, от которых нас отделяют уже одиннадцать столетий, и извлечь из их жизни и апостольских трудов тот смысл, который начертало мудрое Провидение Господне, *чтобы он в наши дни раскрылся с новой полнотой и принес новые плоды.*

II

Краткое жизнеописание

4. Следуя примеру, поданному Посланием «Гранде мунус», хочу напомнить историю святого Мефодия, не упуская при этом из виду судьбу его брата, святого Кирилла, столь тесно с ней связанную. Сделаю это в общих чертах, оставляя ученым-историкам уточнения и дискуссии относительно отдельных моментов.

Город, видевший рождение двух святых братьев,— это нынешние Салоники, которые в IX веке представляли собой важный центр торговой и политической жизни Византийской империи и занимали заметное место в социальной и умственной жизни этой части Балкан. Поскольку город расположен на границе со славянскими землями, то он имел также и славянское название — Солунь.

Мефодий был старшим и при крещении получил, вероятно, имя Михаил. Он родился между 815 и 820 годами. Младший, Константин, впоследствии известный под своим монашеским именем Кирилл, появился на свет в 827 или 828 году. Отец их занимал высокую чиновничью должность в государственной администрации. Общественное положение семьи открывало подобную же карьеру перед двумя братьями; Мефодий, впрочем, ее и начал, приняв пост архонта в одной из приграничных провинций, где

жило много славян. Однако уже к 840 году он отказался от этого поста и удалился в один из монастырей; расположенных у подножия горы Олимп в Вифинии, известной в то время под названием Священная гора.

Его брат Кирилл весьма успешно продолжал свое ученье в Византии, где принял священнический сан, решительно отказавшись от блестящей чиновничьей карьеры. Благодаря его необыкновенной одаренности и познаниям в культуре и религии ему еще в молодости доверялись непростые церковные обязанности, такие, как должность библиотекаря в архиве при Соборе святой Софии в Константинополе и видный пост секретаря Патриарха в том же городе. Однако вскоре он выказал желание уклониться от подобных обязанностей, чтобы посвятить себя ученым занятиям и созерцательной жизни, свободной от всяких честолюбивых устремлений. Во исполнение этого намерения он тайно бежал в один из монастырей на побережье Черного моря. Через полгода его разыскали и убедили заняться преподаванием философских предметов в Константинопольской академии; за свою редкую ученость он получил прозвище «философ», под которым и до сих пор известен. Позднее Император и Патриарх послали его с поручением к сарацинам. Завершив эту миссию, он оставил общественное поприще и присоединился к своему старшему брату Мефодию, чтобы делить с ним монашескую жизнь. И снова был вместе с ним включен в состав византийского посольства к хазарам — в качестве эксперта по религиозным и культурным делам. Во время их пребывания в Крыму, близ Херсонеса, они по всей видимости определили ту церковь, в которой издревле находилась гробница святого Климента, римского папы и мученика, изгнанного в эти отда-

ленные края; они извлекли и унесли с собой его мощи⁶, сопровождавшие святых братьев в их последующем миссионерском странствовании на Запад до той минуты, когда они смогли оставить их в Риме, торжественно вручив папе Адриану II.

5. Событием, определившим все последующее течение их жизни, была просьба великоморавского князя Ростислава к императору Михаилу III прислать его народу «епископа и учителя... который был бы способен толковать им истинную христианскую веру на их языке»⁷.

Выбор пал на святых Кирилла и Мефодия, которые охотно согласились и отправились в путь, достигнув Великой Моравии (княжества, населенного тогда разными славянскими племенами Центральной Европы, расположенного на перекрестке различных влияний с Востока и Запада), по всей вероятности, уже в 863 году, и стали исполнять среди этих народов свою миссию, которой оба они посвятили весь остаток жизни, пройдя через долгие странствования, лишения, страдания, вражду и преследования, которые для Мефодия закончились суровым заточением. Все это они сносили с твердой верой и непоколебимой надеждой на Господа. Они были отлично подготовлены к исполнению своей задачи: они несли с собой тексты Священного Писания, необходимые для служения святой литургии, подготовленные и переведенные ими на славянский язык и написанные на новом алфавите, разработанном Константином Философом и прекрасно приспособленном к звукам этого языка. Миссионерской деятельности двух братьев сопутствовал несомненный успех, но также и вполне понятные сложности, созданные для новых миссионеров предыдущей, изначальной христианизацией, проведенной соседними латинскими Церквями.

Примерно через три года, во время путешествия в Рим, они задержались в Паннонии, где князь-славянин Коцел — бежавший из Нитры, важного государственного и культурного центра,— оказал им гостеприимство. Оттуда они через несколько месяцев продолжили путь в Рим в сопровождении своих учеников, для которых надеялись добиться священнического сана. Их путь пролегал через Венецию, где начался публичный спор о новаторских подходах к той миссии, которую они исполняли. В Риме папа Адриан II, незадолго до того сменивший папу Николая I, принял их весьма благосклонно. Он одобрил славянские литургические книги, которые велел торжественно возложить на алтарь церкви Санта Мария ад Презепе, ныне Санта Мария Маджоре, и приказал рукоположить их учеников в священники. Этот период их трудов завершился как никогда благоприятно. Но следующий этап Мефодию пришлось начинать одному, ибо его младший брат, тяжело больной, едва успев произнести монашеские обеты, умер вскоре после того, 14 февраля 869 года, в Риме.

6. Святой Мефодий остался верен словам, которые сказал ему Кирилл на смертном одре: «Мы делим одну участь, брат, идем за плугом по одной пашне; я ныне падаю на поле по окончании моих дневных трудов. Я знаю, ты сильно любишь свою Гору; и все же не покидай ради Горы своего учительства. Поистине, где может быть для тебя спасение надежнее?»⁸

Поставленный во епископы старинного диоцеза Паннонии, назначенный папским легатом «ad gentes» (при этом разумелись славянские народы), он принял церковный сан по восстановленному епископскому престолу в Сирмии. Однако апостольское делание Мефодия было прервано вследствие религиозно-политических

осложнений, окончившихся его двухлетним заточением: его обвинили во вмешательстве в чужую епископскую юрисдикцию. Он был освобожден только благодаря личному заступничеству папы Иоанна VIII. К тому же новый государь Великой Моравии, князь Святоплук, под конец стал питать враждебность к деятельности Мефодия, противился литургии на славянском языке и возбуждал в Риме подозрения относительно ортодоксальности нового архиепископа. В 880 году Мефодий был вызван *ad limina Apostolorum**, чтобы снова изложить всю проблему лично Иоанну VIII. В Городе, оправдавшись по всем обвинениям, он добился от Папы издания буллы «Индустриэ туэ»⁹, которая восстанавливала, по крайней мере, в основном, те права, что были даны литургии на славянском языке предшественником Иоанна VIII, папой Адрианом II.

Подобное же признание совершенной законности и каноничности своих действий Мефодий получил, отправившись в 881 или в 882 году в Константинополь, от византийского императора и от Патриарха Фотия, в то время сохранявшего полноту общения с Римом. Последние годы жизни он посвятил прежде всего продолжению работы над переводом Священного Писания и трудов Отцов Церкви, а также своду византийских церковных и гражданских законов, так называемому «Номоканону». Озабоченный тем, чтобы начатое им дело не погибло, он назвал в качестве преемника своего ученика Горазда. Умер он 6 апреля 885 года на службе Церкви, воздвигнутой среди славянских народов.

7. Дальновидные поступки, глубокое и ортодоксальное учение, уравновешенность, справедливость, апостольское рвение, бестрепетное мужество снискали ему

* «В апостольские пределы», то есть в Рим.

признательность и доверие римских первосвященников, константинопольских патриархов, византийских императоров и многих государей молодых славянских стран. Благодаря этому Мефодий сделался наставником и законным пастырем Церкви, утверждавшейся в те времена среди этих народов, и вместе со своим братом Константином единодушно почитался как благовестник и учитель, «данный Богом и святым апостолом Петром»¹⁰, как свидетель полноты общения между вновь образованными Церквями и Церквями более древними.

«Оттого мужчины и женщины, простого звания и знатные, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовы и сироты, чужеземцы и местные жители, здоровые и недужные»¹¹ составили толпу, со слезами и песнопениями провожавшую к месту упокоения доброго учителя и пастыря, который «сделался всем» для всех, чтобы спасти всех¹² (ср. 1 Кор 9, 22).

Истины ради надо сказать, что после смерти Мефодия дело святых братьев пережило тяжелый кризис, а преследования его учеников ужесточились настолько, что те были принуждены покинуть поле их миссионерской деятельности. Тем не менее посеянные ими семена Евангелия продолжают приносить свои плоды, а избранный ими образ пастырских трудов, целью которых было нести истину Откровения новым народам, уважая при этом их культурную неповторимость, остается живым примером для Церкви и для миссионеров всех времен.

III

Благовестники

8. Будучи византийцами по культуре, братья Кирилл и Мефодий сумели стать апостолами славян в

полном смысле слова. Разлука с родиной, которой Бог порою требует от избранных Своих и которая принимается с верой в Его обетование,— это всегда непостижимое и благотворное условие для развития и возрастания Народа Божьего. Господь сказал Аврааму: «Пойди от земли твоей, от родства твоего и из дома отца, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение» (Быт 12, 1—2).

В ночном видении, которое апостол Павел имел в Троаде, в Малой Азии, предстал ему Македонянин, и значит житель европейского континента, и просил отправиться в его страну, чтобы возвещать там Слово Божие: «Приди в Македонию и помоги нам» (Деян 16, 9).

Провидение Божие, которое для двух святых братьев было представлено голосом и властью византийского императора и Патриарха Константинопольской Церкви, обратилось к ним с подобным воззванием, когда повелело отправиться миссионерами к славянам. Такое поручение означало для них необходимость покинуть не только почетные должности, но и созерцательную жизнь; оно означало оставление пределов Византийской империи и долгое паломничество в служении Евангелию среди народов, которые во многих отношениях оставались далеки от правил общежития, основанных на развитом государственном устройстве и утонченной культуре Византии, проникнутой христианским началом. С подобной же просьбой трижды обращался к Мефодию Римский Первосвященник, когда посылал его епископом к славянам Великой Моравии на церковной территории старинного диоцеза Паннонии.

9. Славянское «Житие» Мефодия излагает такими словами просьбу князя Ростислава к императору

Михаилу III, переданную его посланцами: «Многие среди нас живут учителя христианские из Италии, из Греции и из Германии и наставляют нас всякими способами. Но нет у нас, славян... никого, кто поучал бы нас способом, нам внятным»¹³. Тогда и предложили Константину и Мефодию отправиться в путь. Их глубоко христианский ответ на эту просьбу, тогда и во всех подобных случаях, замечательно выражен в словах Константина, обращенных к императору: «Как ни утомлен я и немощен телесно, отправлюсь с радостью в ту страну»¹⁴; «иду с радостью за веру христианскую»¹⁵.

Истинность и сила их посланничества рождались из глубокой тайны Искупления, и то, что они сделали для евангелизации славянских народов, должно составить важное звено миссии, которая была возложена Спасителем до конца времен на Вселенскую Церковь. То было исполнение — в определенном времени и в определенных обстоятельствах — слов Христа, Который властью Креста и Воскресения повелел Апостолам: «Проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк 16, 15); «Идите, научите все народы» (Мф 28, 19). Поступая так, благовестники и учителя славянских народов следовали апостольскому идеалу святого Павла: «Ибо все вы сыны Божии во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3, 26—28).

Наряду с глубоким уважением к личности и бескорыстной заботой об истинном благе, оба святых брата обладали необходимыми запасами энергии, благоразумия, рвения и милосердия, без чего нельзя нести свет будущим христианам и указывать им

подлинное благо, предлагая одновременно реальную помощь, чтобы его достичь. Ради этого они старались во всех отношениях уподобиться тем, кому несли Евангелие, желали стать частицей этих народов и разделить во всем их судьбу.

10. Именно по этим причинам они считали естественным занимать ясную позицию во всех конфликтах, потрясавших тогда только складывающееся славянское общество, принимать свои собственные трудности и проблемы, неизбежные для народов, которые защищали свою самобытность под военным и культурным давлением новой Римской империи и старались отталкивать от себя те формы жизни, которые казались им чуждыми. Тогда же начались и более глубокие расхождения, которым, к несчастью, суждено было усиливаться,— расхождения между восточным и западным христианством, и оба святых миссионера оказались лично в них вовлечены; но они всегда умели придерживаться безупречной догматической ортодоксальности и уделять бережное внимание как сохранению традиций, так и обновлению жизни тех народов, которым проповедовали Евангелие. Спорные ситуации часто возникали перед ними во всей их противоречивости и мучительной сложности; Константин и Мефодий не пытались из-за этого уклониться от испытаний: непонимание, явная клевета, а для святого Мефодия даже оковы,— все это принималось из любви к Христу и не могло отвратить ни одного, ни другого от твердого намерения содействовать и служить благу славянских народов и единству Вселенской Церкви. Такова была цена, которую им суждено было заплатить за распространение Евангелия, за миссионерские труды, за отважные поиски новых форм жизни и действенных

способов приобщения к Благой Вести становящихся славянских народов.

Ради успешной евангелизации — как явствует из их биографии — святые братья взяли за сложную задачу перевести тексты Священного Писания, известные им по-гречески, на язык того славянского племени, которое селилось у границ их края и их родного города. Опираясь на свое владение греческим языком и собственную культуру, они поставили себе целью понять и почувствовать язык, обычаи и традиции славянских племен, точно передавая те устремления и человеческие ценности, которые в них содержались и выражались.

11. Чтобы перевести евангельские истины на новый язык, они должны были заняться пристальным изучением внутреннего мира тех, кому собирались возвещать Слово Божие с помощью образов и понятий, которые были бы тем хорошо знакомы. Поместить библейские понятия и категории греческого богословия, не искажая их, в контекст совсем иного исторического опыта и образа мысли — это казалось им необходимым условием для успеха их миссионерской деятельности. Речь шла о новом методе катехизации. Чтобы защитить его правомерность и доказать его достоинства, святой Мефодий, сначала вместе с братом, а затем и один, не колеблясь, с покорностью принял приглашения отправиться в Рим — и в 867 году от папы Николая I, и в 879 году от папы Иоанна VIII, которые пожелали сопоставить учение, проповедовавшееся ими в Великой Моравии, с тем, что было завещано, вместе с преславным сокровищем их мощей, святыми апостолами Петром и Павлом первой епископской кафедре Церкви.

Предварительно Константин и его сотрудники занялись созданием нового алфавита, чтобы те истины, ко-

торые они намеревались возвещать и разъяснять, могли быть написаны на славянском языке и тем самым стали совершенно понятны и доступны тем, к кому были обращены. Узнать язык и душу молодых народов, которым они несли веру,— это подвиг, поистине достойный миссионерского духа, как достойны подражания готовность принять и разделить все нужды и упования славянских народов. Благородное решение отождествить себя с их жизнью и традициями, очистив и просветив их Откровением, превращает Кирилла и Мефодия в подлинные образцы для всех миссионеров, которые в разное время внимали призыву святого Павла «сделаться всем» для всех, чтобы спасти всех, и в особенности для тех из них, кто с древности до наших дней — от Европы до Азии и ныне на всех континентах — трудился над переводом Библии и литургических текстов на живые языки разных народов, чтобы на них зазвучало единое Слово Божие и стало доступно в том способе выражения, который присущ каждой культуре.

Совершенное общение в любви хранит Церковь от любой формы этнической обособленности и от расовых предрассудков, как и от всякого национального высокомерия. Такое общение должно возвышать и облагораживать любое позволительное чувство, собственное человеческому сердцу.

IV

Возведение Церкви Божией

12. Но та черта в поведении апостолов Кирилла и Мефодия, которую я хочу отметить особо,— это их *мирный* способ строительства Церкви, в чем они следовали своему видению, единой, святой и соборной Церкви.

И хотя христиане-славяне охотнее, чем другие, признавали святых братьев «славянами душой», те оставались тем не менее людьми эллинской культуры и византийского воспитания, людьми, целиком принадлежавшими как гражданским, так и церковным традициям христианского Востока.

Уже в их времена различия между Константинополем и Римом становились поводом для расхождений, хотя прискорбный раскол между двумя частями единого христианства был еще далеко. Благовестники и учителя славян отправились в Великую Моравию, проникнутые всем опытом и всеми богатыми религиозными традициями, отличавшими восточное христианство и нашедшими свое отражение в богословском учении и в богослужении.

Несмотря на то, что все богослужение давно уже шло на греческом языке во всех Церквах, находившихся в пределах Византийской империи, традиции многих национальных Церквей Востока — таких, как Грузинская или Сирийская, — пользовавшихся при богослужении языком своего народа, были хорошо известны константинопольской культуре и в особенности Константину Философу благодаря его научным занятиям и постоянным контактам с христианами этих Церквей как в столице, так и во время путешествий.

Оба брата, признавая древность и правомочность этих священных традиций, не побоялись использовать в литургии славянский язык, превращая его в действенное орудие приближения божественных истин к тем, кто говорил на этом языке. Они поступали так без всякого высокомерия или ощущения собственного превосходства, из любви к справедливости и в ревностном апостольском попечении о мужающих народах.

После переселения молодых народов западное христианство сплавило пришлые этнические группы с коренными латинскими народностями, с помощью Римской Церкви распространяя между всеми, с намерением объединить их, латинский язык, латинскую литургию и культуру. Из достигнутого тем самым единообразия в относительно юном, становящемся обществе рождалось ощущение силы и сплоченности, способствовавшее как более тесному внутреннему единству, так и более энергичному самоутверждению в Европе. Можно представить себе, что в подобных обстоятельствах всякое отличие воспринималось порой как угроза еще хрупкому единству, и сколь велико могло быть искушение искоренить такое отличие, даже прибегая к определенным видам насилия.

13. В этом смысле удивления и восхищения достойно, как святые братья, действуя в столь сложных и шатких условиях, не стали навязывать внимавшим их проповеди народам ни неоспоримого превосходства греческого языка и византийской культуры, ни навыков и обычаев более продвинутого общества, в которых они выросли и которые неизбежно оставались им привычны и дороги. Стремясь к идеалу соединения во Христе новообращенных, они перекладывали на славянский язык великолепные, утонченные тексты византийской литургии, приспособляли к складу ума и нуждам молодых народов изощренные и сложные достижения греко-римского права. Следуя все тем же принципам согласия и мира, они неукоснительно соблюдали все обязанности, налагавшиеся на них их миссией, признавая традиционные prerogatives и незыблемые церковные права соборных канонов, и почитали сво-

им долгом — они, подданные Восточной империи и верные чада Константинопольского патриархата,— отчитываться перед Римским Первосвященником в своей миссионерской деятельности и отдавать на его суд, в надежде заслужить одобрение, то учение, которое они исповедовали и проповедовали, литургические книги, написанные на славянском языке, и принятые ими методы евангелизации этих народов.

Приступив к своей миссии с благословения Константинополя, они затем пожелали в каком-то смысле подтвердить его, отправившись к Римскому Апостольскому Престолу, видимому центру церковного единства¹⁶. Так, ощущая Церковь вселенской, они возводили ее как Церковь единую, соборную и апостольскую. Еще более ясным и наглядным образом это вытекает из всего их поведения. Можно сказать, что молитва Иисуса об учениках и их пастве, взывающая: «Да будут все едино» (Ин 17, 21), стала девизом их миссионерского делания, по слову Псалмопевца: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена» (Пс 117[116], 1). Для нас сегодня в их апостольских трудах слышится экуменический призыв: это приглашение заново, в тишине примирения, воссоздавать единство, давшее со времен святых Кирилла и Мефодия глубокую трещину, и прежде всего единство между Востоком и Западом.

Убеждение святых солунских братьев, согласно которому каждая поместная Церковь призвана собственными дарами обогащать католическую «плерому», находилось в совершенной гармонии с их евангелическими прозрениями о том, что различные условия жизни отдельных христианских Церквей ни в коем случае не могут оправдывать расхождений, распрей, разрывов в исповедании единой веры и в делах любви.

14. Известно, что согласно разъяснению II Ватиканского Собора под «экуменическим движением» следует понимать «такие действия и начинания, которые, возникая в соответствии с различными нуждами Церкви и потребностями времени, направлены на усилия по объединению христиан»¹⁷. Однако нам вовсе не кажется анахронизмом видеть в святых Кирилле и Мефодии подлинных предшественников экуменизма, поскольку они на деле стремились убраться или хотя бы смягчить любые уже проявившиеся или только намечающиеся расхождения между отдельными общинами, принадлежавшими к одной Церкви. Действительно, разделение, все же свершившееся в истории Церкви и, к несчастью, длящееся по сей день, «не только явно противоречит воле Христа, но и являет собой соблазн для мира и вредит пресвятому делу проповедания Евангелия всей твари»¹⁸.

Ревностная забота обоих братьев (в особенности Мефодия, в силу его епископских обязанностей) о сохранении единства в вере и любви между Церквами, членами которых они были, то есть Константинопольской Церковью и Римской Церковью, с одной стороны, и Церквами, рождавшимися в славянских землях, с другой, была и всегда останется их великой заслугой; тем более если вспомнить, что их миссия осуществлялась в 863—885 годах, следовательно, в критическое время, когда возникали и начинали углубляться роковые раздоры и жестокие распри между Церквами Востока и Запада. Расхождения усилились из-за вопроса о канонической принадлежности Болгарии, которая как раз тогда официально приняла христианство.

В этот бурный период, отмеченный вооруженными конфликтами между соседними христианскими

народами, святые солунские братья хранят неколебимую и бдительную верность истинному учению и преданию совершенно единой Церкви и в особенности «божественным установлениям» и «церковным установлениям»¹⁹, на которых, согласно канонам древних Соборов, зиждилось ее строение и организация. Подобная верность позволила им довести до конца их великую миссионерскую задачу и остаться в полном духовном и каноническом единстве с Римской Церковью, с Константинопольской Церковью и с новыми Церквями, которые они основали среди славянских народов.

15. В особенности Мефодий, не дрогнув, противостоял непониманию, нападкам и даже клевете и физическим преследованиям, чтобы не нарушать своей образцовой верности Церкви, чтобы строго исполнять свой долг христианина и епископа и обязательства перед Византийской Церковью, воспитавшей его и пославшей миссионером вместе с Кириллом; перед Римской Церковью, благодаря которой он отправлял свою должность архиепископа *pro fide* на «территории святого Петра»²⁰; как и перед теми новорожденными Церквями на славянских землях, которые он считал своими и, будучи уверен в правоте дела, умел защищать перед церковными и гражданскими властями, отстаивая прежде всего литургию на славянском языке и основные права поместных Церквей.

При этом он всегда, как и Константин Философ, прибегал к диалогу с теми, кто был не согласен с его воззрениями или с его пастырскими начинаниями и ставил под сомнение их правомерность. В этом смысле он навсегда останется учителем для всех, кто когда-либо пытался сгладить противоречия, затрагивающие многообразную полноту Церкви, которая, согласно воле Основателя своего Иисуса Христа,

должна всегда пребывать единой, святой, соборной и апостольской: этот завет со всей полнотой звучит в Символе веры 150 Отцов II Вселенского Константинопольского Собора, составляющем неприкосновенное исповедание веры всех христиан.

V

Кафолическое понимание Церкви

16. Не только евангельское содержание учения, проповеданного святыми Кириллом и Мефодием, заслуживает особого нашего внимания. Для современной Церкви весьма важен и поучителен также и тот метод их катехизаторских и пастырских трудов, который они применяли в их апостольском служении среди народов, которые еще не участвовали в почитании божественных тайн на своем родном языке, еще не слышали слова Божия, возвещенного в полном соответствии с их складом ума и с уважением к обычным для них условиям жизни.

Известно, что II Ватиканский Собор двадцать лет назад своей главной задачей имел пробудить самосознание Церкви и через ее внутреннее обновление дать новый импульс миссионерской деятельности, чтобы возвещать вечный глагол о спасении, мире и взаимном согласии между народами и странами, поверх всех границ, еще разделяющих нашу планету, волею Бога, Создателя и Искупителя нашего предназначенную служить общим обиталищем для всего человечества. Угрозы, сгущающиеся над ней в наши дни, не могут стереть из нашей памяти пророческой интуиции папы Иоанна XXIII, созвавшего Собор в надежде и убеждении, что он сумеет подготовить и начать эпоху весны и возрождения в жизни Церкви.

На тему вселенскости Церкви этот Собор, среди прочего, высказался так:

«Образовать новый Народ Божий призваны все люди. Потому этот Народ, оставаясь единым и единственным, должен распространиться по всему миру и на все века, дабы свершилась воля Господа, Который в начале сотворил человеческую природу единой и пожелал в конце собрать во едино рассеянных чад Божиих (ср. Ин 11, 52)... Церковь, то есть Народ Божий, возвещая это Царство, отнюдь не отнимает у какого-либо народа его земных благ, но напротив, поощряет и вбирает в себя способности, возможности и обычаи народов в том, что есть в них доброго, и вбирая их в себя, их очищает, укрепляет и возвышает... Такая вселенскость, украшающая и отличающая Народ Божий, есть дар самого Господа... В силу подобной кафоличности отдельные части приносят свои дары другим частям и всей Церкви, и таким образом целое и части возрастают, сообщаясь одно с другими и действуя совместно ради полноты в единстве»²¹.

17. Мы можем с уверенностью утверждать, что подобное традиционное и вместе с тем остро современное представление о кафоличности Церкви — ощущаемой как согласное звучание различных литургий на всех языках мира, слитых в одну литургию, или как гармоничный хор, который, состоя из бесконечного множества людских голосов, бесчисленными своими модуляциями, оттенками и сплетениями возносится в хвале Богу из каждой точки земного шара, в каждый миг истории,— особо перекликается с богословскими представлениями и пастырскими принципами, которые вдохновляли апостольскую и миссионерскую деятельность Константина Философа и Мефодия и были им опорой в их подвигах среди славянских народов.

В Венеции, перед теми представителями церковной культуры, которые держались более узких воззрений на Церковь и потому не принимали подобных понятий, святой Кирилл отважно их защищал, указывая на то обстоятельство, что многие народы уже в прошлом ввели у себя и служат литургию, которая и совершается на их собственном языке, к примеру, «армяне, персы, грузины, согдийцы, готы, авары, тюрки, хазары, арабы, копты, сирийцы и многие другие»²².

Напомнив, что Бог повелевает Солнцу светить и дождю проливаться на всех людей без исключения (ср. Мф 5, 45), он говорил: «Разве мы все не одинаково дышим воздухом? А вы не стыдитесь утверждать только три языка (еврейский, греческий и латинский), полагая, что все другие народы и племена слепы и глухи! Ответьте мне: вы говорите так, потому что считаете Бога столь немощным, что Он не в состоянии наделять таким даром, или столь злобным, что Он не желает этого делать?»²³ На исторические и логические доводы, которые они приводили ему в возражение, святой отвечал, обращаясь к самому основанию своей мысли, внушенному Священным Писанием: «Всякий язык исповедует, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца»²⁴; «Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему (Вышний)»²⁵; «Хвалите Господа, все народы, прославляйте его, все племена»²⁶.

18. Церковь католическая еще и потому, что умеет из любых человеческих обстоятельств извлечь истину Откровения, которую хранит во всей чистоте ее божественного содержания так, чтобы она могла соприкасаться с возвышенными помыслами и справедливыми упованиями каждого человека и каждого народа.

Прибавим к этому, что внутренние наследственные сокровища добра, которые каждое поколение передает последующим вместе с бесценным даром жизни, составляют как бы огромное множество разноцветных кусочков смальты, складывающихся в живой мозаичный образ Пантократора, Который явится в полной славе Своей только в миг Второго Пришествия.

Евангелие не ведет к оскудению или угасанию того, что каждый человек, народ и страна, каждая культура на протяжении истории признавали и воплощали как добро, истину и красоту. Оно скорее побуждает усваивать и развивать все эти ценности: жить в них достойно и радостно и дополнять их таинственным и ликующим светом Откровения.

Предметные очертания кафоличности, заложенной Господом Иисусом Христом в самооснование Церкви, не суть нечто статичное, внеисторическое и плоско единообразное; в определенном смысле они возникают и расширяются ежедневно, как обновление человеческой веры всех тех, кто верует в Бога Единого и Троичного, явленного нам Иисусом Христом и проповедуемого Церковью силой Святого Духа. Эти очертания складываются совершенно произвольно из взаимного уважения (присущего братской любви) к каждому человеку и каждой нации, большой или малой, и из честного признания особенностей и прав братьев по вере.

19. Кафоличность Церкви проявляется также в совместной деятельности и самоотверженном сотрудничестве всех ради общего блага. Церковь осуществляет свою вселенскость прежде всего тем, что принимает, соединяет и возвышает свойственным ей образом, с материнской заботливостью, все подлинные человеческие ценности. В то же самое время на лю-

бой географической широте и долготе, в любых исторических обстоятельствах она стремится завоевать для Бога каждого человека и всех людей, чтобы соединить их между собой и с Ним в Его истине и Его любви.

Каждый человек, каждый народ, каждая культура и цивилизация имеют свою роль и свое место в неисповедимом промысле Божиим и всеобщей историй спасения. Такова была мысль двух святых братьев: Бог «благой и милосердный, ожидая, пока все люди раскаяются, чтобы все спаслись и достигли познания истины (ср. I Тим 2, 4)... не допустит, чтобы род людской поддавался слабости и погиб, впад в искушение Дьявола, но во все лета и времена непрестанно умножает благодать, изначала и поныне одним способом: прежде через патриархов и праотцев, а после них через пророков; а затем через апостолов и мучеников, праведников и учителей, которых Он избирает посреди треволений земной жизни»²⁷.

20. Евангельскую весть, которую святые Кирилл и Мефодий переложили для славянских народов, мудро черпая из сокровищницы Церкви «старое и новое» (ср. Мф 13, 52), они передавали с помощью проповеди и катехизации, не отступая от вечной истины и в то же время приспособлявая ее к конкретным историческим обстоятельствам. Благодаря миссионерскому подвигу обоих братьев славянские народы смогли впервые осознать собственное призвание и участвовать в вечном промысле Пресвятой Троицы, во всеобъемлющем плане спасения мира. Они поняли также свою почетную роль в целостной истории человечества, сотворенного Богом Отцом, купленного Сыном Спасителем и просвещенного Духом Святым. Благодаря их проповеди, одобренной в свое время церковными властями, римскими еписко-

пами и константинопольскими патриархами, славяне смогли ощутить себя, вместе с другими народами, отпрысками и наследниками обетования, данного Богом Аврааму (Быт 15, 1—21). Таким образом, благодаря церковному устройству, созданному святым Мефодием, и осознанию собственного лица в христианстве, они заняли предназначенное им место в Церкви, возникшей с тех пор и в этой части Европы. И за это их нынешние потомки хранят благодарную и неугасающую память о том, кто стал звеном, соединившим их с цепью великих провозвестников божественного Откровения Ветхого и Нового Заветов: «После всех них Бог милосердный в наши дни воздвиг ради народа нашего — о ком до тех пор никто не заботился — на благое дело учителя нашего, блаженного Мефодия, чьи добродетели и подвиги мы сравниваем поочередно, не постыжаясь, с добродетелями и подвигами угодников Божиих»²⁸.

VI

Евангелие и культура

21. Солунские братья были наследниками не только веры, но и культуры Древней Греции, которую Византия продолжала. Известно, какое значение имело это наследие для всей европейской культуры и, прямо или косвенно, для культуры мировой. В трудах евангелизации, за которые они взялись как первопроходцы на землях, заселенных славянами, содержалась и модель того, что сегодня называется «внедрением в культуру» — воплощение Евангелия в местных культурах, и одновременно их приобщение к жизни Церкви.

Способствуя воплощению Евангелия в самобытной культуре тех народов, которым они благовествовали,

святые Кирилл и Мефодий имели особые заслуги перед становлением и развитием самой этой культуры или, вернее, многих культур. Культуры всех славянских народов обязаны своим возникновением трудам солунских братьев. Своим неповторимым и гениальным изобретением — алфавитом для славянского языка — они поистине заложили основы культуры и письменности всех славянских народов.

Позднее перевод священных книг, осуществленный Кириллом и Мефодием вместе с учениками, придал новые культурные возможности и достоинства литургическому славянскому языку, который на многие века стал языком не только церковным, но и официальным и литературным и даже языком общения для образованных слоев у большинства славянских народов, прежде всего у славян, принявших восточный обряд. Он употреблялся также в краковской церкви Святого Креста, близ которой обосновалась славянская община бенедиктинцев. Там были отпечатаны первые богослужебные книги на этом языке. И по сей день этот язык используется в византийской литургии восточных славянских Церквей константинопольского обряда, как католических, так и православных, в Восточной и Юго-Восточной Европе, а также в разных странах Западной Европы и в римской литургии католиков Хорватии.

22. В историческом развитии славян восточного обряда богослужение на славянском языке играло такую же роль, как латинский язык на Западе. Впрочем, оно сохранялось дольше и оказало более непосредственное влияние на образование местных литературных языков благодаря прямому родству с ними.

Подобные заслуги перед всей славянской культурой позволяют евангельским трудам святых Кирилла

и Мефодия в определенном смысле постоянно сохранять свое присутствие в истории и жизни этих народов и стран.

VII

Значение и воздействие тысячелетия христианства в славянском мире

23. Апостольско-миссионерская деятельность святых Кирилла и Мефодия, падающая на вторую половину IX века, может считаться первой эвангелизацией славян.

Она по-разному затронула различные территории, сосредоточившись главным образом в землях, входивших в тогдашнее Великоморавское княжество. Прежде всего она коснулась областей митрополии, пастырем которой был Мефодий, а именно Моравии, Словакии и Паннонии, то есть части нынешней Венгрии. В пределах более широкого влияния этих апостольских трудов, особенно деятельности подготовленных Мефодием миссионеров, оказались и другие группы западных славян, прежде всего в Богемии. Первый засвидетельствованный историей богемский князь, Боривой, предположительно был крещен по славянскому обряду. Позднее это влияние достигло племени лужицких сербов, а также земель южной Польши. Однако после падения Великоморавского княжества (около 905—906) этот обряд сменился обрядом латинским, и Богемия в церковном смысле отошла к Регенсбургской епархии и Зальцбургской митрополии. Все же заслуживает внимания то обстоятельство, что еще в середине X века, во времена святого Вацлава, продолжалось мощное взаимопроникновение элементов обоих обрядов, поддерживая их сим-

биоз, и в литургии использовались оба языка, латинский и славянский. Впрочем, христианизация народов была невозможна без обращения к их родным языкам. Только на такой основе мог развиваться богословский словарь в Богемии, из которого впоследствии выросла и развилась церковная терминология в Польше. Упоминание о князе вислян в «Житии Мефодия» — это древнейший исторический документ, касающийся одного из польских племен²⁹. Но у нас нет достаточных оснований для того, чтобы связывать с этим упоминанием возникновение в польских землях церковной организации славянского обряда.

24. Крещение Польши в 966 году, в лице ее первого исторического государя, Мешко, женатого на богемской княжне Домбровке, совершилось прежде всего благодаря богемской Церкви, и таким путем христианство пришло в Польшу из Рима в латинской форме. Это ни в коем случае не отменяет того обстоятельства, что зарождение христианства в Польше в какой-то степени связано с трудами братьев из далеких Салоник.

Среди славян Балканского полуострова усилия святых братьев принесли еще более заметные плоды. Благодаря их апостольскому деланию укрепилось христианство, уже пустившее корни в Хорватии.

Главным образом через посредство учеников, изгнанных из областей их начальной деятельности, кирилло-мефодиевская миссия чудесно утвердилась и расцвела в Болгарии. Здесь, благодаря святому Клименту Охридскому, возникли бурно растущие центры монашеской жизни, здесь нашла свое особое развитие кириллица. Отсюда же христианство распространилось на другие территории, через соседнюю Румынию на Киевскую Русь, а из нее через Москву на Восток. Через несколько

лет, а именно в 1988 году, будет праздноваться тысячелетие Крещения киевского князя святого Владимира.

25. Итак, святые Кирилл и Мефодий были очень скоро признаны всей семьей славянских народов как отцы их христианской веры и их культуры. На многих упомянутых территориях, хотя там и действовали различные миссионеры, большинство славянского населения вплоть до IX века сохраняло языческие обычаи и верования. Только на земле, возделанной нашими святыми или подготовленной ими к возделыванию, христианство окончательно вошло в историю славян в течение последующего столетия.

Их труды стали выдающимся вкладом в образование общих христианских корней Европы, тех корней, которые благодаря своей жизненной силе и крепости представляют собой одну из самых твердых опор, без какой не сможет обойтись ни одна серьезная попытка заново, в современных условиях, воссоздать единство континента.

По прошествии одиннадцати столетий христианства у славян мы ясно видим, что наследие солунских братьев было и остается глубже и сильнее любых расколов. Обе христианские традиции — восточная, идущая из Константинополя, и западная, идущая из Рима,— вышли из лона единой Церкви, хотя и на основе разных культур и разных подходов к одним и тем же проблемам. Подобное многообразие, если правильно понимать его источник и здраво осмыслять его ценность и значение, может только обогащать и культуру Европы, и ее христианскую традицию, и стать таким образом надежной основой для ее вожделенного духовного обновления.

26. С IX века, когда в христианской Европе складывался новый порядок, святые Кирилл и Мефодий

внушают нам мысль, оказавшуюся особенно насущной для нашего времени, которое как раз вследствие многочисленных и сложных проблем религиозного и культурного, гражданского и международного свойства ищет жизнеспособного единства в подлинном общении между собой различных составных частей. Можно сказать, что обоих благовестников отличала тяга к общению со Вселенской Церковью как на Востоке, так и на Западе, а внутри нее с той отдельной Церковью, которая рождалась у славянских народов. От них исходит также призыв к христианам и нашим современникам *строить общение совместно*.

Но есть особая область миссионерской деятельности, в которой пример Кирилла и Мефодия обретает еще большее значение. Такая деятельность является важной задачей Церкви, и сегодня она крайне необходима в уже упоминавшейся форме «внедрения в культуру». Оба брата не только исполняли свою миссию с полным уважением к уже существовавшей у славянских народов культуре, но неустанно и весомо способствовали ее росту и развитию, наряду с религией. Подобным же образом и сегодня древние Церкви могут и должны помогать юным Церквям и народам возвращать собственную неповторимость и мужать вместе с нею³⁰.

27. Кирилл и Мефодий — это словно соединительные звенья или духовный мост между восточной и западной традициями, которые *вместе* образуют *единую* великую традицию Вселенской Церкви. Они для нас — примеры и одновременно покровители экуменических усилий Церквей-Сестер Востока и Запада, направленных на обретение посредством диалога и молитвы видимого единства в совершенном и полном общении, единства, которое, как я говорил по

случаю моего визита в Бари, «не есть ни поглощение, ни слияние»³¹. Единство есть встреча в истине и любви, дарованных Духом Святым. Кирилл и Мефодий как своей личностью, так и своими делами пробуждают во всех христианах великую «ностальгию по единству» и тесным узам между двумя Церквями-Сестрами Востока и Запада³². Для полноты кафоличности каждый народ, каждая культура имеет свою роль во вселенском замысле спасения. Каждая национальная традиция, каждая поместная Церковь должны быть открыты и доступны для других Церквей и традиций и вместе с тем для кафолического общения со всеми; если она останется замкнутой в самой себе, то подвергнется опасности самообеднения.

Осуществляя свою харизму, Кирилл и Мефодий внесли решающую лепту в построение Европы, в области не только религиозного христианского общения, но и государственных и культурных связей. И сегодня нет иного пути к преодолению напряженностей и улаживанию, как в Европе, так и в мире, тех разрывов и противоречий, которые несут ужасную угрозу жизни и человеческим ценностям. Быть христианами в наше время означает быть творцами связей между Церковью и обществом. Ради этого мы с открытой душой предлагаем нашим братьям взаимопонимание, готовность к сотрудничеству через щедрый обмен культурными и духовными ценностями.

Одно из основных устремлений современного человечества — вновь обрести единство и общение ради жизни поистине достойной человека на всей планете. Церковь, сознавая себя общим для всех знаменем и таинством спасения и единства рода людского, заявляет, что готова исполнить свой долг, «кото-

рый условия нашего времени делают особо настоящим: чтобы все люди, сегодня более тесно связанные узами общества, техники и культуры, смогли также достичь полноты единения во Христе»³³.

VIII

Заключение

28. И потому следует, чтобы вся Церковь торжественно и радостно отпраздновала одиннадцативековой юбилей завершения апостольских трудов первого архиепископа, поставленного Римом среди славянских народов, Мефодия, и его брата Кирилла, в память о появлении этих народов на сцене истории спасения и в числе европейских наций, которые в течение предшествовавших столетий уже приняли евангельскую весть. Всем понятно, с каким глубоким волнением собирается принять участие в этом праздновании первый сын славянского племени, спустя почти два тысячелетия призванный занять епископский престол, который занимал святой Петр здесь, в Риме.

29. «В руки Твои предаю дух Мой»: мы встречаем 1100-летие со дня кончины святого Мефодия с теми же словами, которые были им произнесены — согласно его «Житию» — на старославянском³⁴ перед смертью, когда он готовился соединиться со своими отцами по вере, надежде и любви: патриархами, пророками, апостолами, учителями, мучениками. Свидетельством своего слова и своей жизни, подкрепленным даром Духа Святого, он дал образец делания благотворного и для того века, в котором жил, и для последующих веков, и в особенности для нашего времени.

Его блаженное «преставление» весной 885 года от Рождества Христова (а по византийскому летосчислению, в 6393 году от Сотворения Мира) совершилось в тот период, когда над Константинополем сгустились мрачные тучи и острая вражда все больше угрожала спокойствию и самой жизни народов и святым узам христианского братства и общения между Церквями Востока и Запада.

В соборе, заполненном разноплеменными верующими, ученики святого Мефодия воздали торжественные почести покойному пастырю в благодарность за ту весть спасения, мира, согласия, которую он нес и которой посвятил свою жизнь: «Отправили святую службу на латыни, греческом и славянском»³⁵, поклонившись Богу и почтив первого архиепископа Церкви, основанной им у славян, которым он вместе с братом проповедовал Евангелие на их родном языке. Эта Церковь еще укрепилась, когда с открытого согласия Папы получила собственную иерархию, имеющую апостольскую преемственность и связанную единством веры и любви как с Римской, так и с Константинопольской Церковью, откуда была послана миссия к славянам.

Ныне, когда исполнилось одиннадцать столетий со дня его смерти, я хотел бы оказаться, хотя бы духовно, в *Велеграде*, где, очевидно, Провидение дало Мефодию завершить свою апостольскую жизнь;

— я желал бы также постоять в базилике святого Климента в Риме, где погребен святой Кирилл;

— и у гробниц обоих братьев, Апостолов славян, я желал бы в особой молитве *вверить Пресвятой Троице их духовное наследие*.

30. «В руки Твои предаю...» О великий Боже, единый в трех Лицах, Тебе вверяю сокровище веры сла-

вянских народов; сохрани и благослови это создание Твое!

Помни, Отче всемогущий, тот миг, когда по воле Твоей совершилась для этих племен и народов «полнота времен», и святые миссионеры из Фесалоник в точности исполнили повеление, которое Сын Твой Иисус Христос дал Своим апостолам: следуя апостолам и их преемникам, братья принесли в земли, населенные славянами, свет Евангелия, благу ю вест ь спасения, и свидетельствовали перед славянами:

— что Ты — Творец человека, что Ты наш Отец и в Тебе все мы, люди,— братья;

— что через Сына, Твое предвечное Слово, Ты создал все и призвал людей разделить Твою бесконечную жизнь;

— что Ты так возлюбил мир, что даровал ему Сына Твоего едиnorodного, нас ради и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося;

— что, наконец, Ты послал Духа силы и утешения, чтобы всякий человек, искупленный Христом, мог в Нем обрести сыновнее достоинство и стать сонаследником нерушимого обетования, данного Тобою людям!

Твой замысел творения, Отче, увенчавшийся в Искуплении, обращен к человеку живому и объемлет всю его жизнь и историю всех народов.

Исполни, Отче, то, о чем молит Тебя вся Церковь; дай, чтобы *люди и народы*, которые благодаря апостольской миссии святых солунских братьев познали и прияли Тебя, Бога истинного, и через Крещение вошли в святую общину чад Твоих, могли и впредь беспрепятственно принимать, с восторгом и доверием, задуманную святыми братьями евангели-

зацию и осуществлять все свои человеческие возможности на основе их учения!

— Чтобы они могли в согласии со своей совестью следовать Твоему призывному гласу по пути, указанному им впервые одиннадцать веков назад!

— Чтобы никто из них не счел принадлежность к Царству Сына Твоего противоречащей благу земной родины!

— Чтобы они могли возносить подобающую Тебе хвалу и в частной жизни, и публично!

— Чтобы они могли жить в истине, любви, праведности и радости мессианского мира, который объемлет сердца людские, общины, землю и все мироздание!

— Чтобы, сознавая свое достоинство людей и чад Божиих, они имели силу одолеть всякую ненависть и победить зло добром!

И даруй также всей Европе, о Пресвятая Троица, чтобы она предстательством двух святых братьев все больше ощущала необходимость религиозно-христианского единства и братского общения между всеми ее народами и, одолев непонимание и недоверие и победив идеологические расхождения в общем сознании истины, смогла стать для всего мира примером справедливого и мирного общежития во взаимном уважении и неприкосновенной свободе.

31. Тебе же, Бог Отец всемогущий, Бог Сын Искупитель мира, Бог Дух, опора и наставник всякой святости, вверяю всю Церковь — вчерашнюю, сегодняшнюю, завтрашнюю, ту, что в Европе, и ту, что распространена по всей земле. В руки Твои предаю это неповторимое богатство, состоящее из множества даров, старых и новых, внесенных в общую сокровищницу множеством чад Твоих.

Вся Церковь благодарит Тебя, позвавшего славянские народы к общению в вере, за ту богатую лепту, что вложили они в общее достояние. Особо благодарит Тебя за это Папа славянского происхождения. Да не перестанет никогда эта лепта обогащать Церковь, европейский континент и весь мир! Да не иссякнет она в Европе и в нынешнем мире! Да не исчезнет она из сознания наших современников! Мы хотели бы принять в целостности все то своеобразное и ценное, что славянские народы вносили и вносят в духовное наследие Церкви и человечества. Вся Церковь, в сознании общего богатства, заявляет о своей духовной солидарности с ними и подтверждает свою ответственность перед Евангелием за дело спасения, которое она и сегодня призвана осуществлять во всем мире, до краев земли. Необходимо обращаться к прошлому, чтобы в его свете понимать нынешнюю действительность и предугадывать будущее. Миссия Церкви всегда с неколебимой надеждой обращена в грядущее.

32. Грядущее! Сколь ни кажется оно человеческому взору чреватым угрозами и опасностями, мы с упованием предаем его в руки Твои, Отче небесный, и призываем заступничество Матери Сына Твоего и Матери Церкви, заступничество апостолов Твоих Петра и Павла и святых Бенедикта, Кирилла и Мефодия, Августина и Бонифация и всех других проповедников Евангелия в Европе, которые, будучи тверды в вере, надежде и любви, возвещали предкам нашим Твой дар спасения и мира и своими трудами сеятелей духовных положили начало строительству *цивилизации любви*, новому порядку, основанному на Твоих святых законах и на помощи Твоей благодати, которая в конце времен оживотворит всех и вся в небесном Иерусалиме. Аминь.

Вам, возлюбленные братья и сестры, мое апостольское благословение.

«Ins», VIII (1985), 2, сс. 34—59

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иоанн Павел II, Апост. послание «Эгрегиэ виртутис» (31 декабря 1980): сс. 31—35 наст. издания.

2. Лев XIII, Энцикл. «Гранде мунус» (30 сентября 1980) Leonis XIII Pont. Max. Acta, II сс. 125—137; ср. также Пий XI, посл. «Квод С. Кириллум» (13 февраля 1927) архиепископам и епископам Королевства Сербохорватско-Словенского и Чехо-Словацкой республики: «AAS», XIX (1927) сс. 93—96; Иоанн XXIII, Апост. послание «Магнифици эвентус» (11 мая 1963) «AAS», LX (1963) сс. 434—439; Павел VI, Апост. послание «Антикве нобилитатис» (2 февраля 1969) в ознаменование XI столетия кончины св. Кирилла: «AAS», LXI (1969), сс. 137—149.

3. Павел VI, Апост. послание «Пацис нунциус» (24 октября 1964), «AAS», LVI (1964), сс. 965—967.

4. Ср. Magnae Moraviae Fontes Historici, t. III Brno 1969 сс. 197—208.

5. Только в некоторых славянских странах этот праздник празднуют по-прежнему 7 июля.

6. Ср. Vita Costantini VIII, 16—18: Costantinus et Methodius Thessalonicensis, Fontes, recensuerent et illustraverunt Fr. Grivec et Fr. Tomšič (Radonovi Staroslavenskog Instituta, Knjiga 4, Zagreb 1960), с. 184.

7. Ср. Vita Constantini XIV, 2—4; цит. соч. сс. 199 и сл.

8. Vita Methodii VI, 2—3; цит. соч. с. 225.

9. Ср. Magnae Moraviae Fontes Historici, t. III Brno 1969, сс. 197—208.

10. Ср. Vita Methodii VIII, 1—2; цит. соч., с. 225.

11. Ср. Vita Methodii XVII, 13; цит. соч., с. 237.

12. См. там же.

13. Ср. Vita Methodii V, 2; цит. соч., с. 223.

14. Vita Costantini XIV, 9; цит. соч., с. 200.

15. Vita Costantini VI, 7; цит. соч., с. 179.

16. Преемники папы Николая I, хотя и высказывали беспокойство из-за противоречивых сведений относительно учения и деяний Кирилла и Мефодия, при непосредственной встрече с ними полностью признали правоту обоих братьев. Запреты на ограничение в употреблении новой славянской литургии следует приписать давлению обстоятельств, главным образом, изменениям в политических отношениях и необходимостью поддерживать и оберегать согласие.

17. Постановление «Об экуменизме» («Унитатис Рединтеграцио»), 4.
18. Постановление «Об экуменизме» («Унитатис Рединтеграцио»), 1.
19. Ср. *Vita Methodii* IX, 3, VIII, 16; с. 229, 228.
20. Ср. *Vita Methodii* IX, 2; с. 229.
21. Второй Вселенский Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви — «О Божественном Откровении» («Люмен генциум»), 13.
22. *Vita Costantini* XVI, 8; цит. соч., с. 205.
23. *Vita Costantini* XVI, 4—6; с. 205.
24. Там же XVI, 58; цит. соч., с. 208; Фил 2, 11.
25. *Vita Costantini* XVI, 12; цит. соч., с. 206; Пс. 66, 4.
26. *Vita Costantini* XVI, 13, цит. соч., с. 206; Пс 117, 1.
27. *Vita Costantini* I, 1; цит. соч., с. 169.
28. *Vita Methodii* II, 1; цит. соч., с. 220 и сл.
29. Ср. *Vita Methodii* XI, 2—3; цит. соч., с. 231.
30. Ср. Второй Вселенский Ватиканский Собор, Постановление «О миссионерской деятельности Церкви» («Ад гентес»), 38.
31. Иоанн Павел II, Выступление на экуменической встрече в базилике св. Николая Мирликийского в Бари (26 февраля 1984), 2, «*Ins*», VII (1984), I, с. 531.
32. Там же, I: с. 531.
33. Второй Вселенский Ватиканский Собор; Догматическая конституция «Люмен генциум», I.
34. Ср. *Vita Methodii* XVII, 9—10; цит. соч. с. 237; Лк 23, 46; Пс 31, 6.
35. *Vita Methodii* XVII, 11: цит. соч., с. 237.

Проповедь за Божественной литургией по армянскому обряду

*Храм св. Марии в Трастевере
21 ноября 1987*

«Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима, се Царь твой грядет к тебе» (Зах 2, 14).

Таково было обетование Бога, данное через пророка Захарию народу израильскому. Мы знаем, как оно сбылось: Мария, ковчег завета, воистину сделалась обителью Бога в среде народа израильского. Юная невеста вместила более, чем небеса, ибо небеса не объемлют славы Безмерного, Ее же чрево в тепле материнской любви заключило Того, Кому нельзя очертить пределов.

Сколько раз, дражайшие сестры и братья армянской Церкви, в вашей литургии прочувствованно славится это дивное таинство! И сколько ваших святых поэтов достигло высот духовного созерцания, стремясь, пусть несовершенным человеческим языком, передать трепет луча бесконечной Божественной премудрости, ставшей плотью ради беззаветной любви к людям — «божественного человеколюбия», по излюбленному вами выражению. Но сегодня я желал бы вместе с вами услышать того из них — из этих святых песнопевцев Божиих — кто есть перл в венце: Григора Нарекаци, упомянутого мной в энциклике о Матери Искупителя («Редемпторис Матер», 31).

Григор Нарекаци сознал, сколь таинственно сретение неба и земли, через которое Мария сделалась обителью Всевышнего и которому остается лишь дивиться в радостном славословии: «Слава Тебе, свет пречистый,— восклицает он,— ...ибо Ты, Мать, как сына приняла на рамена Дитя безотчее и, вознеся в ладонях Сущность беспредельную, вочеловечившуюся, приблизила Его к Своим устам. Через Тебя и мы сподобились благодати, Матерь Божия, Отцом величая Бога нашего» (Панегирик Деве, 7). Святой монах Григор — поэт бедности человеческой, пожелавшей облечься в подобие Господа своего. Но в его глазах грешное естество с неменьшей силой облачается — через тайну пресвятой Девы — дивным достоинством, «ибо эта смиренная земля,— говорит он,— носивши на себе Господа, уподобилась небу, Бога носящему» (Панегирик Деве, 3).

Тут источник той глубокой любви к человеку, ко всему человеческому, которую христианин хранит в сердце, точно драгоценное сокровище; эта любовь одушевляет его в стремлении сделать мир добрее и справедливее, дарует ему надежду, преодолевающую всякое страдание. Ибо ничто не может устоять перед верой в Бога, восприявшего человеческое естество и преобразившего его так, чтобы оно стало способно Его вместить. Говоря словами сегодняшней литургии, Он — «Божественный зиждитель, который, воздвигнув новое творение, уподобил землю небесам».

Мария — как и Иерусалим пророка Захарии — «богоизбранная», скиния, чертог брачный, где совершается невиданное таинство божественного домостроительства. Мистик созерцает высшую красоту Марии — «Ангела из людей, херувима в видимом облики, Царицу небесную, воздуха прозрачайшую,

света чистейшую, непорочное подобие предутренней звезды в небесной выси» (Молитва, LXXX,I). Эти слова не только о чистейших чертах Девы израильской, но еще прежде о красоте человеческого существа, существа совершенного, законченного, восстановленного в полном достоинстве, какое и было от начала создано по образу и подобию Того, Кто есть наивысшая красота.

На той высоте, где богословие претворяется в поэзию, Григор Нарекаци славословит Деву в бессмертных строках — этом творении веры и искусства, которое вошло в общую сокровищницу всех народов.

«Дева Мария, непорочная, святая Церковь величает Тебя Божьей Матерью, Ты подательница нетленного хлеба и чаши радости».

В этом антифоне раскрывается неразрывная связь Матери Божией с таинством Евхаристии. Она дарует нам Того, Кто подает себя как хлеб жизни.

Сегодняшнее богослужение имеет особый смысл, ибо совершается по тексту, принадлежащему общей для всех армян, католиков и православных традиции. И это знак того, сколь глубока наша общность — она не только в единой вере, но и во внешнем ее выражении. Я хотел бы, чтобы это богослужение имело также символическое значение, свидетельствуя о том, что Апостольский престол, при действенной поддержке Собора, со всей убежденностью призывает Восточные Церкви, находящиеся с ним в полном общении, решительнее возрождать собственные традиции во всей их чистоте, освобождая их, буде это необходимо, от внешних наслоений, возможно накопившихся в течение веков (ср. «Ориенталиум Экклезиарум», 6).

Сказанное особенно касается вас, возлюбленные дети Армении; мне дорога возможность обра-

титься к вам с приветствием в этом столь чтимом храме Пресвятой Девы. Добро пожаловать — в год, объявленный мною годом Божьей Матери, смиренной отроковицы галилейской, которая в сегодняшнем чтении Евангелия предстает паломницей милосердия к своей родственнице Елисавете. Иные из вас, подобно Ей, проделали неблизкий путь из Франции и даже истерзанного Ливана, чтобы сегодня в нашем собрании вознести молитвы к Богу жизни, прося о заступничестве Марию, владычицу мира в мире. Благодарю вас от всего сердца за это проявление общения и веры. Вашей исполненной мученичества и страданий историей, как драгоценной жемчужиной, гордится Вселенская Церковь. Вера в Христа, Спасителя людей, исполнила вас поразительного мужества на вашем, не раз уподобившемся Крестному, пути, придала вам решимость сохранить себя как народ и соблюсти свою веру. Христианское сообщество дорожит вашим богатейшим вкладом в сокровищницу веры. Знайте, что вы всегда найдете понимание и поддержку Церкви, матери преданной и любящей, заботящейся о том, чтобы голос ваш, даже и в диаспоре, звучал с неослабевающей силой.

Ваша история пронизана верой: не только вашу литературу и искусство, но даже народные традиции и самый алфавит — по преданию, внушенный свыше просветителю св. Месропу* — едва ли можно понять, если не почувствовать их обращенности к Господу Иисусу Христу, к Его живому присутствию.

В литургии вера эта провозглашается и выражает себя в чествовании Бога. И потому литургия получает особое значение как то, что связует верующих в

* Месроп Маштоц (361—440) — армянский богослов, просветитель.

общении и братстве: в вашей литургии сама душа армянского народа раскрывает Богу свои чаяния и скорби, но более всего — несокрушимую веру в то, что жизнь навеки победила смерть. Литургия объединяла в молитве ваших отцов и ваших мучеников, в ней источник их стойкости в вере.

Церковь желает, чтобы армянская католическая община и все восточные общины, пребывающие в полноте общения с Престолом св. Петра, всемерно радели о том, чтобы быть примером верности истине, сохраняя при этом верность себе, ценя свои традиции и первой заботой полагая их возрождение, если они как-либо ослабли или повредились. Это самый верный путь к единению всех христиан — в едином исповедании веры и в причащении из одной чаши. Ваша открытость к вселенскому церковному общению не ущемляет, но утверждает вас как армян, побуждает к выражению вашего своеобразия во всем его богатстве — ко всеобщему благу.

Почтительно и с любовью я обращаюсь мыслью и к братьям Армянской апостолической церкви. Всей душой надеюсь, что мы с новым одушевлением продолжим начатое движение, изыскивая новые благоприятные возможности для встреч и сердечного обмена мнениями, в отчетливом осознании того, сколь многое нас объединяет в свидетельствовании братской любви и служении. Мне особенно хотелось бы выразить пожелание, чтобы армяне, католики и православные сотрудничали прежде всего в деле изучения литургии и тех изменений, которым она неизбежно подвергалась. Возлюбленные братья и сестры армянского народа, путь Церкви это путь единства; если мы не жаждем единства, мы изменяем «великому поручению» Христову, данному ученикам: быть

едиными, как едина Пресвятая Троица. Попросим же взаимно прощения за разделявший нас, а порой и разделяющий недостаток любви, поистине разрывающий на части несшитый хитон Христов. С сокрушенным сердцем выслушаем нашего общего святого — Нерсеса из Ламброна*, чьи слова, сказанные в XII в., звучат столь злободневно: «Мы оставили любовь, которая есть первая заповедь и источник добра, и пристали к вражде — источнику всякого зла».

Именно тут, в Евхаристии, наш грех особенно явственен: хлеб причастия — общения — становится хлебом разделения: «По обычаю,— продолжает Нерсес,— мы благословляем этот хлеб во славу и в памятование Христа: едино благословение, едино имя Христово, которое мы, народы, произносим каждый на своем языке... Хлеб этот, по благодати одной молитвы, одного благословения мы называем Христом, этот-то хлеб, освященный Духом Святым, принадлежащий и тем, и другим, мы ныне презираем» (из Синодальной речи). По самому смыслу Евхаристии наш долг — стремиться к полному единству, и здесь же, в Евхаристии — мы уверены — единство наше обретет совершенную полноту в восстановленном общении веры.

Пресвятая Матерь Божия, Ты, что в горнице Пятидесятницы прияла Духа Святого, единого в разделяющихся огненных языках, возлюбившая малых, ибо Бог призрел на твое смирение и возвеличил Тебя милостью, благослови армянский народ: Григор Нарекаци славит Тебя, «жертву не закаланную, но сжегшую на жертвеннике жизнь, исполненную страдания» (Панегирик Деве, 9). Обрати Твой взор к ар-

* Нерсес Шнорали (1102—1172/73) — армянский богослов и поэт, с 1166 г. — католикос.

мянской земле, к церквам ее, утвержденным точно скала в скале, пронизанным лучом Троицы; к ее каменным крестам — памяти о Твоем Сыне, чьи страдания повторены страданиями мучеников, к ее сыновьям и дочерям, в чьей душе вечно поется Трисвятое и слава Тебе, неизменно нежной к ним Матери. Сохрани их на путях мира, дай силу старикам помнить зачастую столь горькое прошлое, мужчинам и женщинам — нередко ставшим гражданами мира — исполнять свой долг, внуши юным желанья и надежды, дабы впоследствии также гордились своими корнями. Пусть, куда ни забросит их жизнь, они слышат свое армянское сердце — в глубине его неизменно звучит молитва к Господу и трепетное упование на Тебя, осеняющую их своим покровом.

О Дева сладчайшая, о Мать Христа и Мать наша, Мария!

«Ins», X (1987), 3, сс. 1174—1179

Киев — град святой, ибо град Мариин

При молитве «Ангелус»*

22 ноября 1987

Сегодня наши взоры и наши сердца обращены ко граду пресвятой Девы Марии, носящему имя Киева и стоящему на берегах Днепра, посреди обширных степей Украины.

Обратившись в христианство тысячу лет назад, Киевская Русь получила веру от Византийской церкви — еще до наступившего впоследствии раскола с латинской Церковью, получила, стало быть, в ее византийской форме — вместе со Священным писанием, трудами Святых отцов и богослужебными книгами, которые перевели на славянский язык солунские братья Кирилл и Мефодий, называемые Апостолами славян. За миссионерами последовали во множестве и монахи-художники, украсившие церкви мозаиками, фресками, иконами.

Церковь древней Киевской Руси унаследовала от Византийской Церкви великое почитание Божьей Матери. Бесчисленны храмы во имя Богоматери. Первый собор в Киеве, матери городов, освящен был в честь Успения Богородицы. По свидетельству летописца, красотой он превосходил все церкви Киев-

* «Ангелус» — молитва Богородице «Ангел Господень».

ской Руси: «Князь украсил его золотом, серебром, драгоценными камнями и богатым убранством, и не было ему равных в соседних пределах».

В апсиде Софийского собора сияет золотом грандиозная мозаика: на золотом фоне выделяется величественная фигура Богоматери-оранты, как символ, вернее как икона молящейся Церкви, вечно ходатайствующей о спасении людей. Имя ей «Нерушимая стена». Творец мозаики с большой точностью рассчитал, с какой силой и куда падают лучи солнца в полдень, когда именно и читается молитва Богородице «Ангел Господень».

Освещенное солнечными лучами, лазурное и фиолетовое шитое золотом одеяние Владычицы испускает яркое сияние. Впечатление монументальности, нездешнего величия и святости усиливается очертаниями одежды, орнаментом. В своде апсиды читается надпись по-гречески: стих из 46 псалма «Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра» (Пс 46,6).

Киев град святой, ибо град Мариин прежде всего. К Богоматери-оранте в нем взывают как к покровительнице града и как к Матери всех других городов Руси. Вот уже тысячу лет хранит Она здесь своих верных и ходатайствует за них перед Сыном своим Иисусом. 950 лет тому назад киевский князь Ярослав Мудрый посвятил Ей весь свой народ. И вот теперь, в Тысячелетие Крещения Киевской Руси, христианский народ Киева и Украины повторяет обеты, данные Богу при крещении, да сохранит Она его в новом тысячелетии христианской истории.

Вместе со всеми верующими этой возлюбленной земли вознесем и мы молитву Пресвятой Деве.

«Ins», X(1987), 3, сс. 1185—1186

Дуодецимум секулум

Апостолическое послание епископам Католической церкви в ознаменование 1200-летия Второго Никейского Собора

4 декабря 1987

1. Двенадцативековая годовщина Второго Никейского Собора (787) широко отмечалась Церковью и академическими кругами. К празднованию этой годовщины присоединился и Святейший престол¹. Его Святейшеством патриархом Константинопольским и Святейшим Синодом в ознаменование события было выпущено Окружное послание², что свидетельствует о непреходящем богословском и экуменическом значении этого седьмого и последнего Собора, признаваемого полностью и католической, и православной Церковью. Разработанное этим Собором учение о законности иконопочитания тоже заслуживает быть отмеченным — не только потому, что оно дало обильные плоды, но и потому, что поныне предъявляет определенные требования к религиозному искусству как таковому.

Второй Никейский Собор уделил большое внимание вопросу о церковном предании, точнее о неписьменном предании; и это должно побудить как нас, католиков, так и наших братьев православных к совместному обозрению того пути, который церковное предание прошло прежде разделения Церквей, дабы в свете его осмыслить расхождения, усугубив-

шиеся за века раскола — в надежде обрести, по молитве Иисуса к Отцу (ср. Ин 17, 11. 20—21), полноту общения в видимом единстве Церкви.

I

2. Константинопольский патриарх св. Тарасий, руководивший II Никейским Собором, извещая папу Адриана I о ходе Собора, пишет: «После того, как все были заняты места, мы учредили Христа (своим) главою. В знак чего Святое Евангелие было возложено на престол как приглашение всем присутствующим судить по справедливости»³. Поставление Христа председателем Собора, во имя Его и под Его главенством собравшегося, знаменовало, что единство Церкви не может осуществиться без послушания единому Господу.

3. Императоры Ирина и Константин VI, созвавшие Собор, пригласили моего предшественника Адриана I как «истинного первосвященника, сидящего на месте и на престоле святого и досточтимого апостола Петра»⁴. Папа Адриан прислал представителей — протопресвитера Римской Церкви и Игумена греческого монастыря св. Саввы в Риме. Дабы обеспечить представительность Церкви, просили о прибытии Восточных патриархов⁵. По причине владычества мусульман в их землях патриархи Александрии и Антиохии прислали совместное послание Тарасию, а патриарх Иерусалимский направил синодальное послание; оба послания были оглашены на Соборе⁶.

В то время имелась общая договоренность, что постановления Вселенского Собора действительны лишь при условии, что вырабатывались при участии Римского епископа и что Восточные патриархи изъяснили свое согласие⁷. Роль Римской церкви во всей

процедуре была признана незаменимой⁸. Соответственно II Никейский Собор одобрил разъяснения диакона Иоанна насчет незаконности иконоборческого собрания в Гиерии 754 года по причине того, что «ни папа Римский, ни епископы, что при нем, не принимали в собрании участия ни посредством легатов, ни через окружное послание, как предписано законом о синодах», «а Восточные патриархи... и епископы, что при них, не изъявляли своего согласия»⁹. Отцы II Никейского Собора заявили также, что они следуют посланию Адриана к императорам¹⁰, «принимают его и с ним соглашаются», равно как посланию, обращенному к Патриарху. Оба послания были оглашены на латыни и в греческом переводе, и каждому из присутствующих было предложено выразить личное одобрение¹¹.

4. Собор приветствовал в лице папских легатов «Церковь святого апостола Петра»¹² и «апостольский престол»¹³ согласно римской формуле¹⁴; а патриарх Тарасий в послании моему предшественнику от имени Собора признает в нем того, кто «наследовал кафедру божественного апостола Петра», и кто «облеченный высшим священством законно по воле Божией возглавляет иерархию»¹⁵.

Кроме того, Собор единодушно принял предложение римских легатов внести в собрание чтимую икону, чтобы Отцы Собора ее чествовали, что, как представляется, явилось одним из решающих выступлений Собора в пользу иконопочитания¹⁶.

Последний Вселенский Собор, признаваемый и католической, и православной Церковью, являет собой примечательный пример «синэргии» между Римским престолом и Собором. Он полностью соответствует разработанной Отцами Церкви экклезиологии общения, имеющей в основе предание, что и было подчеркнуто Вторым Ватиканским Собором.

II

5. Второй Никейский Собор торжественно провозгласил, что «церковное предание письменное и неписьменное»¹⁷ является источником норм, определяющих веру и уставные положения Церкви. Отцы Собора изъявили намерение «сохранить в неприкосновенности все переданные им церковные традиции, как письменные, так и неписьменные. Одна из них состоит именно в делании живописных иконных изображений согласно букве апостольской проповеди»¹⁸. Выступая против иконоборцев, которые также отсылали к Писанию и к Отческому Преданию — в особенности на гиерийском псевдосиноде 754 года — Второй Никейский Собор подтверждает законность почитания изображений, признавая «боговдохновенность учения свв. отцов наших и предания Вселенской Церкви»¹⁹.

Отцы II Никейского Собора понимали «церковное предание» как предание шести предшествующих вселенских Соборов и православных отцов, чье учение было согласно принято Церковью. Собор, таким образом, определил как догмат веры ту основополагающую истину, что христианская весть есть «предание», *paradosis*. Поскольку Церковь живет во времени и в пространстве, постольку и понимание предания, хранительницей которого она является, проходит через определенные этапы; рассмотреть их — наша непреложная обязанность, в виду как диалога Церквей, так и развития подлинно богословской мысли.

6. Уже св. апостол Павел учит нас, что для первого поколения христиан *paradosis* состоит в проповедании осуществившегося пришествия Христа и смысла этого события для настоящего, когда дело спасения совершается Духом Святым (ср. 1 Кор 15, 3—8;

11, 2). Предание о словах и деяниях Господа собрано в четырех Евангелиях, но ими не исчерпывается (ср. Лк 1, 1; Ин 20, 30; 21, 25). Это первоначальное предание есть предание «апостольское» (ср. 2 Тим 2, 14—15; Иуд 17; 2 Петр 3, 2). Оно есть «хранилище не только здравого учения» (ср. 2 Тим 1, 6. 12 и сл.), но и норм поведения и правил общинной жизни (ср. Тим 4, 1—7; 1 Кор 4, 17; 11, 16; 14, 33). Церковь читает Писание в свете «правила веры»²⁰, то есть в свете живой веры, не уклоняющейся от апостольского учения. То, во что Церковь верила от начала, что она всегда практиковала, то она по справедливости и почитает «апостольским преданием». По словам св. Августина: «Соблюдаемое неизменно и сохраняемое всей Церковью, даже и не будучи постановлено Соборами, есть по полному праву не что иное, как предание, идущее от Апостолов»²¹.

Вследствие участия Отцов Церкви в великих богословских спорах IV и V вв. и растущего значения поместных и вселенских Синодов предание постепенно становится «отеческим» или «церковным», разумемым как последовательное развитие апостольского предания. Именно поэтому св. Василий Великий, отсылая к устному преданию, называет его «отеческим преданием»²², когда обосновывает свое троичное богословие, и подчеркивает двойное происхождение учения Церкви «как из поучения письменного, так и из апостольского предания»²³.

Тот же II Никейский Собор, уместно сославшись на св. Василия Великого в связи с богословским обоснованием иконопочитания²⁴, возвал и к авторитету таких великих православных учителей Церкви, как св. Иоанн Златоуст, св. Григорий Нисский,

св. Кирилл Александрийский, св. Григорий Назианзин. Св. Иоанн Дамаскин также отмечал важность для веры «неписанного предания», то есть не содержащегося в Писании, говоря: «Если кто явится с Евангелием, отличным от того, какое Вселенская Церковь получила от свв. Апостолов, Отцов и Соборов и до сей поры сохраняла, то не слушайте его»²⁵.

7. Ближе к нашему времени Второй Ватиканский Собор вновь подчеркнул ценность «предания, идущего от Апостолов». «Священное Писание это слово Божие, ибо оно написано по вдохновению от Духа Святого; слово Божие, вверенное Господом Иисусом Христом и Святым Духом Апостолам, передается их преемникам через Священное Предание»²⁶. «Переданное Апостолам обнимает все то, что способствует святости народа Божия и прирастанию веры»²⁷. Вкупе со Священным Писанием Священное Предание есть единое священное хранилище слова Божия, вверенного Церкви». Правильное толкование слова Божия, как записанного, так и передаваемого изустно, заключено лишь в живом Учительстве Церкви, действующей во имя Иисуса Христа²⁸. Именно храня равную верность общей сокровищнице восходящего к Апостолам предания, Церкви стремятся ныне выяснить причины расхождений и найти основания для их преодоления.

III

8. «Спор об изображениях» — мучительно раздиравший Византийскую империю при императорах исаврийской династии Льве III и Константине V между 730 и 780 гг. и снова при Льве V с 814 по 843 г.— был порожден, главным образом, богословским вопросом, который и был поначалу стержнем спора.

Не закрывая глаза на всегдашнюю опасность возрождения языческого идолопоклонства, Церковь дозволяла живописать и пластически изображать Господа, Блаженную Деву Марию, мучеников и святых для поддержания молитвы и благочестия верующих. Разумелось как очевидное, что по приводимому Вторым Никейским Собором речению св. Василия Великого, «честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу»²⁹. На Западе папа Григорий Великий всячески подчеркивал, что живописные изображения в храмах имеют назидательный характер и «полезны тем, что, взирая на них, неграмотные могут хотя бы на стенах прочесть то, чего не умеют прочесть в книгах», и указывал, что созерцание это должно возбуждать поклонение «единой и всемогущей Пресвятой Троице»³⁰. В таком контексте развилось почитание изображений святых — особенно в Риме в VIII в., — давшее поразительно богатые художественные плоды.

Иконоборческое движение, порывая с церковным преданием, видело в чествовании изображений возврат к идолопоклонству. При этом оно проявляло противоречивость и непоследовательность: налагая запрет на запечатление Христа и на религиозные изображения вообще, оно допускало светские изображения, в частности, императора, со всеми соответствующими знаками почитания его особы. Иконоборческая аргументация по существу своему была христологической. Как живописать Христа, соединившего в Своей личности неслиянно и нераздельно два естества — божественное и человеческое? С одной стороны, нет возможности изобразить Его неизреченную божественность, с другой — представить Его лишь в человеческом естестве значит разъединить Его, отделить в Нем божественное от человеческого. Выбор одного из двух путей ведет к одной из

двух противоположных христологических ересей: монофиситству или несторианству. В самом деле, держащий писать Христа в Его божественности обречен на то, что ею будет поглощено Его человеческое естество; показывающий только человеческий Его облик невольно скроет, что Христос есть также Бог.

9. Обозначенная иконоборцами дилемма затрагивает отнюдь не только возможность существования христианского искусства, дело идет уже обо всем христианском воззрении на реальность Воплощения и, следовательно, на отношения между Богом и миром, между благодатью и природой, короче говоря, на самый характер «нового завета», заключенного Богом с людьми во Иисусе Христе. Защитники иконопочитания верно усмотрели тут сомнение во «всем божественном домостроительстве по плоти»³¹, как выразился патриарх Константинопольский св. Герман, ставший жертвой иконоборческой ереси. В самом деле, созерцать изображение человеческого облика Сына Божия, «образ Бога невидимого» (Кол 1, 15), значит созерцать Глагол, ставший плотью (ср. Ин 1, 29), Агнца Божьего, который берет на себя грех мира. Искусство может, стало быть, изображая форму, запечатлевая человеческий облик Бога, подводить созерцающего к неизреченной тайне Бога, ставшего человеком ради нашего спасения. Так папа Адриан писал: «Через облик видимый наш дух повлечется по духовному притяжению к невидимому величию Божества — посредством созерцания образа, представляющего плотское естество, воспринятое Сыном Божиим нашего ради спасения, так что мы поклоняемся, славя в духе и чествуя, самому Спасителю, ибо, как написано, «Бог есть дух», и потому мы духовно поклоняемся Его Божеству»³².

Потому Никейский Собор II торжественно удостоверил правильность различения между собственно *latrèia*, «поклонением», которое, по нашей вере, подобает только божественной природе», и *timetike proskynesis*, «почитанием», подобающим иконе, ибо тот, кто чествует икону, чествует *ipostasi*, «ипостась» того, кто на ней изображен³³.

Изображение Христа на иконе требует, следовательно, всей веры в реальность воплощения и в его неисчерпаемое значение для Церкви и для мира. Если Церковь практикует иконопочитание, то именно из убеждения, что Бог, явившийся в Иисусе Христе, истинно спас и освятил плоть и весь чувственный мир, то есть человека с его пятью чувствами, так что о человеке стало возможным сказать, что он «обновляется в сознании по образу Создавшего его» (Кол 3, 10).

IV

10. Никейский Собор II узаконил обычай, согласно которому «должно выставлять в святых церквях Божиих святые и честные иконы, будут ли они сделаны из красок или мозаики или другого подходящего материала, будут ли то иконы Господа Бога и Спасителя нашего, Иисуса Христа, или непорочной Владычицы, пресвятой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей»³⁴. Учение этого Собора питало церковное искусство как на Востоке, так и на Западе и вдохновляло на создание творений непревзойденной красоты и глубины.

В особенности Церковь греческая и славянские, опираясь на великих богословов «иконопочитателей» — св. Никифора Константинопольского и св. Феодора Студита — приняли почитание икон как часть бо-

гослужения, наравне с Литургией Слова. Подобно тому, как чтение написанных книг позволяет довести до сознания живое слово Господа, так выставление живописной иконы позволяет созерцающим ее приблизиться к тайне спасения посредством зрения. «То, что тут выражено чернилами и бумагой, там выражено разными красками и другими материалами»³⁵.

На Западе Римская Церковь проявила себя неуклонным отстаиванием изображений³⁶, особенно в критическое время между 825 и 843 годами, когда византийская и франкская империи осудили Второй Никейский Собор. На Тридентском Соборе католическая Церковь подтвердила верность преданию и высказалась против иконоборчества, явившегося тогда в новом обличьи. В недавнее время Ватиканский Собор II вновь подчеркнул неизменность отношения Церкви к изображениям³⁷ и к искусству в целом³⁸.

11. В последние несколько десятилетий заметно возрождение интереса к богословской и духовной стороне восточных икон; это знак растущей потребности в духовном языке подлинно христианского искусства. Посему не могу не призвать моих собратьев епископов «твердо держаться обычая предлагать для почитания верующим священные изображения»³⁹ и прилагать силы к тому, чтобы являлось больше произведений, по качеству достойных Церкви. Верующим ныне, как и вчера, нужна помощь в молитве и в духовной жизни, получаемая через созерцание изображений, которые выражают тайну и никак ее не заменяют. Потому сейчас, как и в прошлом, церковное искусство должно вдохновляться верой.

Искусство для искусства, обращенное к самому автору, не соотнесенное с Божественным миром, не согласуется с христианским взглядом на икону. Ка-

ков бы ни был авторский стиль, священное искусство неизменно должно выражать веру и упование Церкви. Согласно традиции иконописного искусства, художник должен быть исполнен сознания своей миссии служителя Церкви.

Подлинное христианское искусство таково, что позволяет посредством чувственного восприятия ощутить присутствие Господа в Его Церкви, ощутить, что события всей истории спасения осмысляют и направляют нашу жизнь, что обещанная нам слава преображает наше существование. Религиозное искусство должно стремиться к тому, чтобы создать зрительный синтез всех измерений нашей веры. Искусство Церкви должно стараться говорить языком Воплощения и вещественно выражать Того, кто «благоволил обитать в веществе и через вещество совершить наше спасение», по прекрасному выражению св. Иоанна Дамаскина⁴⁰.

Возврат к христианской иконе поможет также осознать настоятельную необходимость противостоять обезличивающему, а порой и разлагающему воздействию многочисленных изображений в рекламе и в средствах массовой информации, воздействующих на нашу жизнь; ведь икона — это образ, через который незримый Всевышний взирает на нас и открывает нам доступ к реальности духовного и эсхатологического мира.

12. Возлюбленнейшие братья, напоминая о насущной важности учения Седьмого Вселенского Собора, полагаю, что оно обязывает нас к исполнению нашей первой задачи: евангелизации общества. Растущее обмирщение нашего общества свидетельствует о растущем отчуждении его от духовных ценностей, от тайны нашего спасения во Иисусе Христе, от реальности будущего века. Подлинность нашего положения в мире, равно как и наших православных брать-

ев, учит нас, что язык красоты, поставленный на службу вере, доходит до человеческого сердца и изнутри дает познать Того, Кого мы дерзаем запечатлевать в изображениях,— Иисуса Христа, Сына Божия, вочеловечившегося, который «вчера, сегодня, и во веки Тот же» (Евр 13,8).

Благословляю вас от всего сердца Апостольским Благословением.

«Ins», X (1987), 3, сс. 1284—1293

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В особенности посланием 8 октября 1987 кардинала Государственного секретаря президенту «Международного общества истории Соборов» по случаю симпозиума в Стамбуле. («L'Osservatore Romano», 12—13 октября 1987).

2. Epi te 1200è epetèio apo tes syncleoseos tes en Nikaia Aghias z'Oikomenikes Synodoy (787—1987), Фанар, 14 сентября 1987.

3. J. D. Mansi, Sacrorum Conciliorum nova et amplissima Collectio (= Mansi) XII, 460 C-D.

4. Mansi XII, 985 C.

5. Ср. Mansi XII, 1008, 1085 и Monumenta Germaniae Historica (=MGH), Epistulae V (Epistulae Karolini Aevi, t. 3), с. 29, 30—33.

6. Mansi XII, 1128 и 1136—1145.

7. Ср. священник Иоанн, представитель Восточных патриархов, Mansi XII, 989 A и XIII, 3 A.

8. Ср. Mansi XII, 1133.

9. Mansi XII, 207 E-210 A.

10. Mansi XII, 1085 C.

11. Ср. Mansi XII, 1085—1112.

12. Mansi XII, 993 A. 1041 D. 1113 B; XIII, 158 B. 203 B. 336 A.

13. Mansi XII, 1085 C.

14. Ср. Послание Адриана I Карлу Великому, в: MGH, Epistulae III (Epistulae Merovingici et Karolini Aevi, t. I), с. 587, 5.

15. Mansi XIII, 464 B-C.

16. Ср. Mansi XIII, 199.

17. Ср. IV anatema, в: Mansi XIII, 399 C.

18. Horos, в: Mansi XIII, 378 B-C.

19. Там же, 378 С.
20. Ср. Св. Иринея, *Adversus Haereses* I, 10, 1; I, 22, 1; в: *Sources Chrétiennes* (=SCh) 264, сс. 154—158; 308—310; Тертуллиан, *De praescriptione* 13, 16; в: *Corpus Christianorum, Series Latina* (=CChL), I, сс. 197—198; Ориген, *Peri Archòn*, Pref. 4, 10, в: SCh 252, сс. 80—89.
21. *De Baptismo* IV, 24, 31; в: *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum* (=CSEL) 51, с. 259.
22. «О Духе Святом», VII, 16, 21, 32; IX 22, 3; XXIX 71, 6; XXX 79, 15; в: SCh 17 bis, сс. 298, 300, 322, 500, 528.
23. Там же XXVII 66, 1—3, с. 478—480.
24. Ср. *Horos*, в: *Mansi XIII*, 378 E.
25. «Слово об изображениях» III, 3 в: 94, 1320—1321; и В. Kotter, *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, v. III (*Contra imaginum calumniatores orationes tres*), в: «*Patristische Texte und Studien*» 17, Berlin—New-York, 1975, III, 3, сс. 72—73.
26. Догматическая конституция «Слово Божие» — *Dei Verbum*, 9.
27. Там же, 8.
28. Там же, 10.
29. «О Духе Святом» XVIII 45, 19, в: SCh 17 bis, с. 496; II *Никейский, Horos*, в: *Mansi XIII*, 378 E.
30. Письма св. Григория Великого епископу Марсильскому Серену, в: *MGH, Gregorii I Papae Registrum Epistularum*, II, 1, lib. IX, 208, с. 195 et II, 2, lib. XI, 10 с. 270—271 или в: CChL 140 A, lib. IX, 209, с. 768 и lib. XI, 10, с. 874—875.
31. Ср. Феофан, *Chronographia ad annum*, 6221, и С. de Boor, I, Leipzig, 1883, с. 404; или PG 108, 821 С.
32. Послание Адриана I Императорам, в: *Mansi XII*, 1061 CD.
33. *Horos*, в: *Mansi XIII*, 378 E.
34. Там же, 378 D.
35. Феофор Студит, *Antirrheticus* I, 10, в: PG 99, 339 D.
36. Послание Адриана I Карлу Великому, в: *MGH, Epistulae V (Epistulae Karolini Aevi, t. III)*, с. 5—57; или PL 98, 1248—1292.
37. Ср. Конституции: *Sacrosantum Concilium*, 11, 1; 125; 128; *Lumen Gentium*, 51; 67; *Gaudium et Spes* 62, 4—5; а также *Codex Iuris Canonici*, can. 1255; 1276.
38. *Sacrosanctum Concilium*, 122—124.
39. Там же, 125.
40. «Слово об изображениях», I, 16, в: PG 94, 1246 A, и Kotter, I, 16, с. 89.

Проповедь за литургией по случаю посещения Рима Вселенским патриархом Димитрием

Ватиканская базилика

6 декабря 1987

«В пустыне приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему» (Ис 40, 3).

Эти слова некогда были обращены пророком к пребывающему в плену народу Израильскому, в сегодняшней литургии они обращены через нас ко всем ученикам Христовым, готовящимся праздновать Его Рождество и Богоявление — в чаянии Его Второго пришествия.

В эти дни, благословенные посещением Римской Церкви и ее епископа Вашим Святейшеством, и особенно в эти минуты, когда нам ниспослана радость совместной молитвы у гробницы св. апостола Петра, слова пророка звучат призывом к благодарению, к большему послушанию воле Христа и к нерушимому упованию на Его любовь.

«В пустыне приготовьте пути Господу». Сокрушаюсь от того, что людям столь часто приходится одолевать пустыни тревог и страданий, и сознавая, что Господь возложил на Свою Церковь миссию соединения и умиротворения, мои предшественники Иоанн XXIII и Павел VI вместе с Отцами Ватиканского Собора II твердо обязались сами и обязали всю католическую Церковь радеть о примирении всех христиан в едином общении веры и любви, дабы

Церковь Христова явила большую ревность в исполнении своей миссии: проповедании миру Евангелия спасения. Дух Божий, внушивший им это святое намерение, просвещал сердце и Вашего высокого и досточтимого предшественника на Константинопольском престоле Его Святейшества Патриарха Афинагора I, исполняя его мудрости, надежды, глубокой любви и живейшего желания трудиться во имя восстановления полноты церковного общения ради совершенной красоты Церкви. Господь избрал тех, кому предназначал стать орудием исполнения Его воли, тех, кому дано было приступить к исполнению этого великого дела. Господь вновь связал Церкви Востока и Запада узами любви и мира, дабы они могли скорее и как прежде вместе приготовить для Него путь на земле людей.

Наследие, оставленное нам этими великими зачинателями, великими служителями Бога и Церкви,— прежде всего побуждает возблагодарить Бога: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и всякого утешения» (2 Кор 1, 3). Мне хотелось бы также напомнить о некоторых важнейших событиях, ознаменовавших путь, совместно пройденный нашими Церквями в эти последние десятилетия, чтобы и за них принести благодарность Богу.

Следуя вдохновенному свыше замыслу папы Иоанна XXIII, его преемник папа Павел VI отправился паломником в места, где излил Свою кровь Господь, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Ин 11, 52). Там с ним встретился Его Святейшество Патриарх Афинагор I, и оба паломника сошлись в общей молитве после веков отчуждения и молчания.

7 декабря 1965 года (завтра исполняется двадцать вторая годовщина этого события) Павел VI и Афинагор I в торжественном заявлении выразили твердое намерение вычеркнуть из памяти и из нынешней истории Церкви провозглашенное в 1054 году взаимное отлучение. В июле 1967 года папа Павел VI посетил Константинопольскую церковь и ее высокопочтимого пастыря, а через несколько месяцев, 26 октября, патриарха Афинагора I принимал в этой базилике папа Павел VI с епископами, собравшимися тогда на Синод.

Уже на следующий день после церемонии вступления на пастырское служение на Престол св. Петра я счел нужным со всей ясностью заявить, что «намерение католической Церкви участвовать в экуменическом движении неизменно»¹. Те же чувства одушевляли меня в ноябре 1979 года, когда я имел радость встретиться с Вами в патриаршей резиденции в Фанаре. Совместно мы возвестили тогда о скором начале богословского диалога между католической и православной Церквами и огласили имена подготовляющих его членов смешанной католико-православной комиссии. Члены комиссии все эти годы трудились со знанием дела, усердием и добросовестностью, всеми оцененными. Комиссии уже удалось выработать два документа, содержащих положения весьма важные для развития диалога.

И вот в столь торжественные мгновения и в столь благословенные дни Вы, Ваше Святейшество, в сопровождении достойных митрополитов Вашего Синода и других членов вашей Церкви являетесь вновь, одушевляемые братской любовью, дабы обменяться со мной «лобзанием мира» и тем подтвердить искренность намерения, выраженного Вами по из-

брании на Константинопольский патриарший престол: содействовать постепенному восстановлению совершенного общения между нашими Церквами.

Мной упомянуты лишь некоторые значительные вехи нашего общего пути, но я не забываю и обо всем том, что невидимой благодатью Духа Святого сделалось в наших Церквах и в наших взаимоотношениях посредством молитвы и евангельского свидетельствования в приходах и монашеских общинах,— благодаря сотрудничеству и встречам на местном уровне, посредством регулярных обменов визитами между Римом и Константинополем в дни праздников наших святых покровителей и разного рода других контактов со всеми православными Церквами. Мы должны поистине возблагодарить Бога за то, что и Вашим нынешним посещением и дарами, ниспосланными Им на нашем вновь общем пути, Он укрепляет в нас надежду на завершение пути, который нам еще предстоит пройти.

Поскольку мы хотим быть «лишь «рабами... для Иисуса» (2 Кор 4, 5) перед верующими наших Церквей и перед всем миром, чтобы ради них и с ними «приготовить путь Господу» (Ис 40, 3), то вот мы здесь, исполненные послушания и решимости.

На Втором Ватиканском Соборе католическая Церковь пришла к более глубокому пониманию замысла Христа о Его Церкви. И соответственно глубже осознала реальность общения, охраняющего единство существующих в мире Церквей. Тем самым она в большей мере способствовала восстановлению совершенного общения между нами. В первые века нашей истории мы шли каждый своим путем, но, несмотря на трудности, возникавшие в наших отношениях, поддерживали общение веры и тайнодейственной жизни. В этот промежуток времени за Римским

престолом признавалось как первенство по чести, так и реальная ответственность в предстоянии любви (по выражению св. Игнатия Антиохийского) и в поддержании общения между всеми Церквями. Я сознаю, что по множеству причин и против воли тех и других служение как таковое иногда могло являться в несколько ином свете. Но, как Вы знаете, лишь из желания повиноваться воле Христовой я как Римский епископ признаю себя призванным к такому служению. И потому в виду чаемого совершенного общения между Церквями я неустанно молю Духа Святого о даровании нам света, просвещении всех пастырей, всех богословов наших Церквей, чтобы мы могли — разумеется совместно — определить формы этого служения как служения любви, признаваемого как одной, так и другой стороной. Позволю себе, Ваше Святейшество, просить Вас помолиться со мной и за меня, дабы Тот, Кто нас «наставит на всякую истину» (Ин 16,13), отныне наставлял нас на действия, слова и решения, которые привели бы к исполнению того, чего Бог желает для Его Церкви.

Второй Ватиканский Собор выразил пожелание, чтобы в попечении о восстановлении полноты общения с Восточными Церквями особенно учитывать «характер отношений между ними и Римским престолом до разъединения»². Эти отношения строились на полном уважении к праву Восточных Церквей «руководствоваться собственными уставными положениями»³. Хотел бы удостоверить, Ваше Святейшество, что Римский престол, неизменно чуткий ко всему, что содержится в Церковном предании, желает безусловно уважать этот обычай Восточной Церкви.

В эти мгновения внутренней сосредоточенности поклонимся тайне Пресвятой Троицы и будем мо-

литься, дабы нам, немощным и смиренным, проникнуться Ее благодатью,— да поможет Она нам в осуществлении миссии, дающей надежду и Церкви, и миру.

Через образ величайшего из пророков, о котором только что читалось Евангелие, Дух Божий раскрывает нам, чего Господь более всего ожидает от нас, к чему зовет. Мы воспринимаем этот зов в виду нашей пастырской обязанности, но он обращен и ко всякому служителю Церкви и ко всякому верующему в согласии с его призванием. Вместе со святым пророком Иоанном Крестителем мы уверены в непрерывном присутствии Бога в человеческой истории. Как и он, мы желаем приготовить путь Господу. Как и он, мы желаем указать во Христе единственного избавителя от греха, от страдания и от смерти, явившегося, «дабы направить ноги наши на путь мира» (Лк 1, 79), ибо христиане Востока и Запада теперь уже вместе и с большей любовью должны словами и делами заявить миру, что на пути людском Господь явился, является и будет являться.

Сознавая, сколь велика эта задача и сколь необходимо ее исполнить, я испрашиваю для нас, возлюбленный брат, за братьев наших епископов и за всех верных Христу, благодати смирения, ибо мы недостойны, «наклонившись, развязать ремень обуви» (Мк 1, 7) Того, Кого возвещаем. Не ту ли миссию, не то ли смирение являют нам великолепные Деисусные чины — иконы и фрески — в базиликах Востока и Запада, где святой пророк Иоанн Креститель, взирая на Христа, своего Господа, указывает на Него рукой и всем смиренным движением своего существа?

Мы видим там Мать Спасителя, так же смиренно указующую на Сына и Господа и как бы в каждый

миг говорящую: «что скажет Он вам, то сделайте» (Ин 2, 5). Вчера вечером в базилике Санта Мариа Маджоре, воздвигнутой в честь божественного материнства Девы, мы вместе молились Ей. И сегодня за литургией я прошу Ее о заступничестве перед Ее Божественным Сыном. Вместе мы славили Бога, вместе слушали Его Слово, вместе молимся, чтобы сподобил нас Господь сохранить верность Евангелию. Несмотря на столь далеко простирающееся общение, мы еще не причащаемся из одной чаши, и это источник страдания и горечи для нашего сердца. Сподоби нас, Господи, молитвами пресвятой и непорочной Твоей Матери сохраниться в мире и уповании. Сподоби нас преложить наше страдание в побуждение неустанно трудиться, дабы обрести полноту общения между нами и приготовить вместе, на земле людей, «стезю Богу нашему» (Ис 40, 3). Аминь.

«Ins», X (1987), 3, сс. 1304—1309

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 22 октября 1978, «AAS», LXX (1978), с. 977.
2. Постановление «Об экуменизме» — «Унитатис Рединтеграцио», 14.
3. Там же, 16.

Гора Афон — «сад Пресвятой Богородицы»

При молитве «Ангелус» («Ангел Господень»)
в присутствии Патриарха Димитрия I

6 декабря 1987

Дорогие братья и сестры,

радуюсь тому, что вместе со мной здесь за чтением молитвы «Ангел Господень» присутствует Вселенский Патриарх Димитрий. Сердечно его приветствую и благодарю за посещение Рима.

Наше духовное паломничество сегодня ведет нас на гору Афон, место дорогое сердцу православных. Афон называют также «Садом Пресвятой Богородицы», ибо по афонскому преданию застигнутый бурей корабль, на котором Дева Мария плыла в Ефес, вынужден был пристать у горы Афон. В самом средоточии этого «Сада Пресвятой Богородицы» хранится икона *Axion Estin*, «Достойно есть», наиболее чтимый образ православного мира. Эта икона, называемая также *Eleusa*, «Милующая», изображает Пресвятую Марию с сидящим на правой руке Ее Сыном, который держит свиток Священного Писания, развернутый на гл. 61, стихе 1 Исайи: «Дух Господа Бога на мне» — это тот текст, что читал Иисус в синагоге в Назарете в начале своего общественного служения (ср. Лк 4,16 и сл.). Икона называется *Axion Estin*,

«Достоинно есть» в память о чудесном событии, случившемся в скиту — ныне скит св. Андрея — близ Кареи, административного центра Святой Горы.

Согласно благочестивому преданию, в ночь с 10 на 11 июня 982 г. архангел Гавриил явился туда в образе инока и на всенощном бдении впервые воспел песнь, начинающуюся словами «Достоинно есть»:

Достоинно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу,
присноблаженную и пренепорочную,
и Матерь Бога нашего.

Честнейшую Херувим
и славнейшую без сравнения Серафим,
Без исления Бога Слова рождшую
Сущую Богородицу Тя величаем.

С того времени на горе Афон 11 июня торжественно совершается празднование в честь иконы «Достоинно есть», и перед ней вновь величают Богородицу песнопением «Достоинно есть», ставшим излюбленной молитвой православного благочестия.

Из скита св. Андрея икона была перенесена в Свято-Успенский храм, где находится на горнем месте алтаря. День и ночь горит перед образом свеча в драгоценном подсвечнике из золота и алмазов. В молитве и бдении сменяются перед ним монахи.

Да сподобит Дева «Достоинно есть» Своего благословения тех, кто на горе Афон посвятил жизнь Ее Сыну со всей беззаветностью иноческого подвига. Да сподобит она наставить в послушании и в подвижании на поприще веры всех людей, неустанно молящихся за Церковь, дабы сохраниться ей целостной как священному достоянию, раз и навсегда переданному христианскому народу.

Эунтес ин мундум*

Апостолическое послание в ознаменование 1000-летия Крещения Киевской Руси

25 января 1988

I

Соединенные в благодати церковных таинств

1. Идите по всему миру, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (ср. Мф 28, 19; Мк 16, 15).

Католическая Церковь обращается своим ликом к находящимся в Риме гробницам святых апостолов Петра и Павла, желая выразить Богу Единому и Троичному свою глубокую благодарность за то, что тысячу лет тому назад эти слова Спасителя воплотились на берегах Днепра, в Киеве — столице Руси. Действительно, подобно княгине Ольге и князю Владимиру, жители этого града были, посредством таинства крещения, «привиты» ко Христу.

Подражая моему блаженной памяти предшественнику, Пию XII, который пожелал торжественно отпраздновать 950-летний юбилей Крещения Руси¹, и я хочу настоящим Посланием восславить и возблагодарить неизреченного Бога — Отца и Сына и Святого Духа, *призвавшего к вере и благодати многие народы и нации*, дочери и сыны которых восприняли христианское достоинство того крещения, что было совер-

* Euntes in mundum — «Идите по всему миру».

шено в Киеве. В восточных регионах европейского континента таковые принадлежат прежде всего к народам русскому, украинскому и белорусскому.

Благодаря деланию Церкви, получившей начало при крещении в Киеве, это наследие перешло за Урал, ко многим народам Северной Азии, вплоть до Тихоокеанского побережья и даже еще дальше. Поистине «по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их» (Рим 10, 18).

Мы воздаем благодарность Духу, ниспосланному в день святой Пятидесятницы, за это великое распространение христианского достояния, которое началось в год Господень 988-й, и желаем сосредоточить наше внимание прежде всего на *спасительной тайне самого крещения*. Оно есть, как учит Господь Иисус Христос, таинство возрождения «от воды и Духа» Святого (Ин 3, 5) и вводит человека, усыновленного Богом, в вечное царство. И святой Павел говорит о «погребении в смерть» Искупителя, дабы «воскреснуть» вместе с Ним для новой жизни в Боге (ср. Рим 6, 4). Таким образом, когда для восточных славян, населявших Великое княжество Киевской Руси, наступила полнота времен (ср. Гал 4, 4), они вошли в воды святого крещения и вверили себя спасительному замыслу Божьему. Они услышали весть о «великих делах Божиих», и, как некогда в Иерусалиме, наступила также и для них Пятидесятница (ср. Деян 2, 37—39). Погрузившись в воды крещения, они опытно познали возрождающее омовение (ср. Тит 3, 5).

В византийском богослужении необычайно выразительна древнейшая молитва на освящение крещальной воды, которую восточное богословие отождествляет с водами Иордана; подобно тому как это делали обитатели Иудеи и Иерусалима (ср. Мк 1, 4),

в эти воды вступил Спаситель людей, дабы получить крещение покаяния: «И даждь ей благодать избавления, благословение Иорданово: сотвори ю нетления источник... ..Ты, Господи, Владыко всех, покажи воду сию, воду избавления, воду освящения, очищение плоти и духа (2 Кор 7, 1), ослабу уз, оставление прегрешений, просвещение душ, баню пакибытия (Тит 3, 5) обновление Духа (ср. там же), сыноположения дарование (ср. Рим 8, 15), одеяние нетления, источник жизни (Пс 36 (35), 10). Явися, Господи, на водей сей, и даждь претворитися в ней крещаемому (или, крещаемей), во еже отложить убо ветхого человека... обещися же в новаго, обновляемого по образу создавшего его (или, ю), да быв сраслен (или, сраслена) подобию смерти Твоя крещением, общник (или, общница) и воскресения будет: и сохранив (или, сохранивши) для святаго Твоего Духа, и возрадив (или, возрадивши) залог благодати, примет почесть горняго званя, и сопричется перворожденным написанным на небеси, в Тебе Бозе и Господе нашем Иисусе Христе»².

Те, кто был далече, через крещение вошли в тот животворный круг, где Пресвятая Троица — Отец, Сын и Дух Святой — отдает себя человеку, творит в нем сердце новое, свободное от греха и проникнутое сыновним послушанием вечному замыслу любви. Одновременно эти народы и каждый принадлежавший к ним человек вошли в великую семью — Церковь: здесь они смогли участвовать в святой Евхаристии, внимать Слову Божьему и свидетельствовать о нем, жить в братской любви и преломлять духовные блага, ими делиться. Все это находило символическое выражение в древних обрядах, когда вновь крещенные, облаченные в белые одеяния, составляли процессию и направлялись из крещальни к верным,

собранным в храме. Шествие это приобщало новокрещенных к литургической жизни и одновременно символизировало их вхождение в евхаристическую общину Церкви, которая есть Тело Христово³.

2. С сердцем, проникнутым этим духом и этими чувствами, мы желаем принять участие в праздновании тысячелетия крещения Киевской Руси, разделить радость всех тех, кому это событие дорого и близко. Помяная это событие, мы созерцаем его очами веры, ибо в этом именно заключается образ мышления Церкви Христовой. Крещение Руси явилось событием огромной важности. Слова пророка Иеремии «[Господь сказал:] любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение» (Иер 31, 3) полностью осуществились в новых народах и на новых землях — родине этих людей. Киевская Русь вступила в область спасения, сама стала землею избавления. Ее крещение породило новую волну святости. В рамках посланнического делания Церкви крещение это стало знаменательным моментом, новым этапом в развитии христианства: Единая Кафолическая Церковь обращает свой взор на это событие и духовно участвует в радости наследников этого крещения.

Воздадим благодарность милосердному Богу — Единому в Пресвятой Троице, Богу живому, Богу отцов наших; воздадим благодарность Богу — Отцу Иисуса Христа и Самому Христу, который в таинстве святого крещения дарует Духа Святого разуму и сердцу человеческому. Воздадим благодарность Богу за его спасительный замысел любви; мы благодарим Его за то *послушание, какое оказали Ему народы, нации, земли и континенты*. Послушание это было обусловлено историческими, географическими и чисто человеческими обстоятельствами. И это вполне

естественно. Ученые должны исследовать и углублять различные политические, социальные, культурные и экономические аспекты, свойственные принятию христианской веры. Да, мы знаем и подчеркиваем, что, когда Христа принимают в силу веры, а его присутствие чувствуется в общине и в личной жизни, тогда во всех областях человеческого существования произрастают обильные плоды. Действительно, животворящая связь со Христом не есть некий придаток к жизни, ее излишнее украшение; наоборот — эта связь есть окончательная истина бытия. И в силу самого этого факта каждый человек призван участвовать в плодах Искупления Христова, в самой Его жизни.

С чувством величайшего благоговения склоняемся мы перед этой тайной и спустя тысячу лет созерцаем ее глубину и силу, которые раскрылись сначала в тех, кто были «главными действующими лицами» в Крещении Руси, а затем в каждом из тех, кто последовал за ними и воспринял в крещении всеосвящающую мощь Параклета.

II

Когда пришла полнота времени...

3. «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены» (Гал 4, 4).

Полнота времени исходит от Бога, но ее подготавливают люди, и она приходит для людей и посредством людей. Это действительно для «полноты времени» в общем плане домостроительства спасения, которое — даже и оно! — обусловлено человеческим фактором и обладает своей конкретной историей. Однако это действительно и для периода, когда от-

дельные народы достигают ворот спасительной веры — для их «полноты времени». Тысячелетие Крещения и обращения Руси также имеет свою особую историю. Процесс христианизации отдельных народов и наций — сложное явление, требующее длительного времени. На территории Руси христианизация была подготовлена первыми миссионерскими попытками, которые в девятом веке⁴ были осуществлены Константинопольской Церковью. Затем, в десятом веке, христианская вера начала проникать в эти края благодаря миссионерам, которые приходили не только из Византии, но также от соседей — западных славян, совершавших литургию на славянском языке и пользовавшихся обрядом, созданным святыми Кириллом и Мефодием; также в дело христианизации Руси внесли свою лепту и миссионеры латинского Запада.

По свидетельству древней, так называемой Несторовой, летописи («Повесть временных лет»), в 944 году в Киеве существовала церковь во имя пророка Илии⁵. В этой уже подготовленной среде княгиня Ольга свободно и на глазах у всех крестилась около 955 года; обеты, данные при крещении, она сохраняла до конца жизни. Есть предание, что в 957 году, во время пребывания княгини в Константинополе, Патриарх Полиевкт будто бы обратился к ней с как бы пророческим приветствием: «Благословенна ты между женами русскими, что возлюбила свет и отвергла мрак: благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода»⁶.

Однако Ольге не была дана радость увидеть христианином своего сына — Святослава. Христианские заветы княгини Ольги воспринял ее внук — князь Владимир, который и стал главным действующим лицом в крещении 988 года: он принял христианскую веру и содействовал окончательному и бесповоротному обращению народа Руси. Владимир и ново-

обращенные русские люди прониклись красотой литургической и духовной жизни Константинопольской Церкви⁷. Таким образом, новая — Русская — Церковь восприняла от Константинополя целостное наследие христианского Востока и все богатства, накопленные им в областях богословия, литургии, духовности, церковной жизни и искусства.

Вместе с тем византийский характер этого наследия с самого начала приобрел *некое новое измерение*: славянские язык и культура образовали новый контекст того, что до сих пор находило собственно византийское выражение в столице Восточной империи, а также на всей территории, которая на протяжении столетий объединилась вокруг нее. Слово Божие и сопутствующая ему благодать достигли восточных славян в наиболее близкой им — с точки зрения культурной и географической — форме. Восприняв Слово и исполнившись послушания веры, эти славяне пожелали в то же время выразить ее в свойственных им формах мысли и на собственном языке.

В результате осуществилось своеобразное насаждение Евангелия и христианства в славянской среде, которое продолжило великие деяния святых Кирилла и Мефодия; ведь эти святые принесли христианство в его славянской форме в Великую Моравию, а их ученики — народам Балканского полуострова.

Так случилось, что Святой Владимир и обитатели Киевской Руси приняли крещение из Константинополя — наиболее крупного центра христианского Востока; благодаря этому молодая Русская Церковь приобщилась к обширнейшему византийскому наследию, то есть к накопленным в Византии сокровищам веры, церковной жизни и культуры, широкие массы восточных славян сразу же обрели доступ к этому

наследию и смогли без труда освоить его, ибо от начала этому благоприятствовало дело святых Солунских братьев. Священное Писание и богослужбная литература были принесены из религиозно-культурных очагов тех славян, которые усвоили литургический язык, созданный Солунскими братьями.

Владимир был проникнут заботой о благе Церкви и ее делании. В качестве литургического языка он избрал не греческий, а славянский язык, «соделал его действенным орудием, благодаря чему приблизил божественные истины ко всем тем, кто говорил на этом языке»⁸. В этом проявились мудрость и прозорливость князя Владимира. В энциклике «Апостолы славян»⁹ я писал, что святые Кирилл и Мефодий, хотя и сознавали культурное и богословское превосходство греко-византийского наследия, носителями которого они являлись, тем не менее проявили мужество и, возвещая веру, ради блага славянских народов обратились к иному языку и к иной культуре.

Именно поэтому в деле крещения Руси славянский язык стал важнейшим орудием прежде всего для евангелизации, а впоследствии для самобытного развития культурного достояния этих народов; развитие это во многом обогатило жизнь и культуру рода человеческого. Во имя верности исторической истине следует без каких-либо оговорок подчеркнуть следующее: согласно замыслу Фессалоникийских братьев в основу церковной жизни на Руси вместе со славянским языком была положена традиция Византийской Церкви — Церкви, которая тогда находилась в полном общении с Римом. По ходу своего развития традиция эта облеклась в самобытные и, быть может, неповторимые формы; этому содействовали местная культура и контакты с находящимися по соседству западными народами.

4. Итак, полнота времени для крещения народа Руси наступила в конце первого тысячелетия нашей эры, то есть тогда, когда Церковь еще пребывала *неразделенной*. И за это мы — все вместе — должны воздать хвалу Господу. Русь крестилась в эпоху неразделенной Церкви. И в наши дни событие это раскрывается как некое значение, внушает надежду. Русская Церковь родилась на берегах Днепра в эпоху миссионерского подъема как на Востоке, так и на Западе; как новая дочь она вошла в лоно Матери Церкви, уже богатой иными нациями и народами и еще сохранявшей — *видимым образом* — *неразделенность*. И в этом проявилась воля самого Бога. Изначально было две Церкви — Восточная и Западная. Каждая из них развивалась согласно собственным богословским, уставным и литургическим традициям, которые, несомненно, во многом различались. И все же существовало *полное общение* между Востоком и Западом, между Римом и Константинополем, сохранявшими взаимные отношения. Именно эта неразделенная Церковь Востока и Запада восприняла Киевскую Церковь и оказала ей помощь. Уже княгиня Ольга обратилась к императору Оттону I с просьбой о присылке епископа; и в 961 году на Русь прибыл епископ, который должен был наставить ее на путь истинный (*qui ostenderit eis viam veritatis*); это был инок Адальберт Трирский. Он действительно направился в Киев; однако местное язычество оказало ему упорное сопротивление и он не смог выполнить возложенную на него миссию¹⁰. Князь Владимир знал о существовании церковного и европейского единства. Поэтому он поддерживал отношения не только с Константинополем, но и с Римом; все признавали, что епископ этого града — возглавитель церковного

общения. Согласно Никоновской летописи, князь Владимир и Папа той эпохи — Иоанн XV (который именно в 988 году даровал князю мощи святого папы Климента Римского и этим ясно напомнил ему о миссии святых Кирилла и Мефодия, перенесшего эти мощи из Херсонеса в Рим) и Сильвестр II¹¹ — обменивались посольствами. Тот же Сильвестр II наделил Бруно Кверфуртского титулом *Archiepiscopus gentium* (Архиепископ народов) и послал его проповедовать Евангелие; около 1007 года Бруно Кверфуртский посетил Владимира, которого назвал «королем руссов» (*rex Russorum*)¹². Позднее святой папа Григорий VII даровал королевский титул киевским князьям, о чем сообщил в Послании от 17 апреля 1075 года, адресованном «*Demetrio (Isjaslaw) regi Russorum et reginae uxori eius*» (Димитрию [Изяславу], королю руссов, и королеве, супруге его); эти последние отправили своего сына Ярополка в паломничество «*ad limina Apostolorum*» (в Рим), желая поставить свое княжество под покров святого Петра¹³.

Следует обратить особое внимание на то, что Римский епископ признал *суверенность*, которая была приобретена княжеством Владимира; благодаря совершенному в 988 году Крещению князь Владимир сумел политически сплотить свое государство; в свою очередь это содействовало государственному развитию Руси, облегчило интеграцию народов, проживавших в ее тогдашних и будущих пределах. Владимир ввел свой народ в Церковь и приобщил свое княжество к семье христианских народов; в силу этого поистине пророческого делания он заслужил благородное наименование «Святого», «Отца» народов, родившихся внутри этого княжества.

Таким образом, благодаря Крещению 988 года Киев стал тем благодатным местом, где вошли в со-

прикосновение различные культуры; кроме того, Киев стал своего рода вратами, через которые на Русь проникали западные духовные традиции; об этом свидетельствует культ некоторых латинских святых, почитаемых Русской Церковью. Со временем Киев превратился в важный центр церковной жизни и миссионерской деятельности с обширной областью влияния; деятельность эта распространилась на запад вплоть до Карпатских гор; охватила пространства от южных берегов Днепра вплоть до Новгорода и северных берегов Волги; докатилась до Тихоокеанского побережья и далее...

Итак, Киев принял крещение и, как было сказано выше, превратился в новый центр церковной жизни. Благодаря этому центру Евангелие и благодать веры стали достоянием тех народов и земель, которые ныне связаны с Московской Патриархией, то есть с Русской Православной Церковью, и с Украинской Католической Церковью (ее полное общение с Римской кафедрой было восстановлено в Бресте).

III

Вера и культура

5. Итак, Крещение Киевской Руси знаменует начало длительного исторического процесса, в ходе которого развился и распространился особый, византийско-славянский, тип христианства, характерный для той Церкви и для тех обществ и народов, которые на протяжении столетий и вплоть до наших дней полагают и продолжают полагать его в основание собственной духовной самобытности.

На протяжении истории многочисленные бури пытались помутнить ясность этого самобытного ду-

ховного сознания; но именно Крещение, а также христианская культура, почерпнутая в источниках Вселенской Церкви и развитая на основе исконных местных духовных богатств, оказались теми силами, что определили его жизнестойкость. Вместе со своим народом Владимир принял Крещение, отдался спасительной силе Христовой и принял к сердцу содержащиеся в Деяниях апостольских слова апостола Петра: «Нет ни в ком ином спасения; нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян 4, 11—12). Князь Владимир принял это имя, которое «выше всякого имени», и попросил миссионеров написать его в сердцах славян Киевской Руси, дабы «всякий язык исповедал, что Иисус Христос — Господь во славу Бога Отца» (ср. Флп 2, 11). Но вместе с тем он усматривал в нем некий решающий элемент, необходимый для человеческого и гражданского прогресса, столь важного для существования и развития любой нации и любого государства. Именно поэтому он духовно последовал за своей бабкой — святой Ольгой — и придавал окончательную и постоянную форму начатому ею деланию.

Крещение Владимира Великого, а затем и его княжества имело громадное значение для духовного развития этой части Европы и Вселенской Церкви, как и для всей *византийско-славянской культуры и цивилизации*.

Принятие Благой Вести не ограничилось введением некоего нового и ценного элемента в структуру этой самобытной культуры. Это было, скорее, внедрение семени, долженствовавшее прорасти и развиться на той земле, в которую оно было брошено, преобразить ее благодатью своего постепенного возрастания и наделить способностью приносить *новые*

плоды. Таковы суть живые силы Царства Небесного. Оно подобно «зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем; которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф 13, 31—32).

Итак, благодаря славянскому языку (который стал языком богослужения) духовное наследие Византийской Церкви укоренилось в Киевской Руси; мало-помалу оно обогащалось за счет местного культурного достояния и вследствие контактов с соседними христианскими странами и все более приспособлялось к потребностям и складу ума народов, населявших это обширное княжество.

6. Применение славянского языка облегчило взаимопонимание; он послужил средством для передачи Благой Вести Христовой и этим оказал *положительное влияние на ее развитие и распространение*. Через это он воспринял некий стимул для своего внутреннего преобразования и постепенного облагораживания и обрел все достоинства языка литературного. В свою очередь, это привело к тому, что он стал одним из наиболее важных факторов, определяющих культуру целой нации, ее самобытность и духовную силу. На территории Руси процесс этот оказался по-настоящему устойчивым и принес обильнейшие плоды. В силу этого христианство смогло ответить на человеческое устремление к истине, знанию и автономному развитию, основанному на евангельском вдохновении и динамизме Божественного Откровения.

Благодаря Кирилло-Методиеву деланию здесь произошла встреча между Востоком и Западом, а древнее наследие соединилось с некими новыми ценностями. Различные элементы христианского достоя-

ния вошли в жизнь и культуру этих народов, стали источником вдохновения для литературного, философского, богословского и художественного творчества, родили своеобразнейшую форму европейской и даже общечеловеческой культуры.

Вселенский масштаб проблем отдельных личностей и различных обществ, поставленных в литературе и искусстве этих народов, еще и в наши дни вызывает во всем мире чувство неизменного восхищения. Вселенскость эта коренится в христианском жизнепонимании, зиждется на нем; она послужила для славянских народов тем прочным основанием, что определило свойственный им образ мышления и художественного выражения, раскрывшийся в их созерцании человека, его проблем и его судьбы.

На протяжении столетий восточные славяне вносили в это общее достояние, в это общее благо свою самобытную лепту; этому содействовали прежде всего их духовная жизнь и благочестие. Римская Церковь относится к этому вкладу с тем же уважением и с той же любовью, какие она питает к богатому наследию всего христианского Востока. Восточные славяне создали свою историю, духовность, литургические традиции и уставные правила; и все это находится в полной гармонии с традицией Восточных Церквей; также они разработали некие приемы богословского размышления о Богооткровенной истине, которые отличаются от тех, что распространены на Западе, и в то же время их дополняют.

7. Второй Ватиканский Собор с большим вниманием рассмотрел все это. Действительно, в «Постановлении об экуменизме» среди прочего говорится: «Также не следует забывать, что Восточные Церкви изначально обладают сокровищницей, из которой За-

падная Церковь почерпнула многие элементы богослужения, духовного предания и канонического права»¹⁴. Множество плодотворных, побуждающих к размышлению идей содержится в тех частях этого соборного декрета, где речь идет о литургическом богатстве и духовной традиции Восточной Церкви: «Всемирно известна та любовь, с какой восточные христиане совершают святое богослужение, прежде всего Евхаристию — источник жизни Восточной Церкви и залог будущей небесной славы. Благодаря этому верные, находящиеся в единении с епископом, обретают доступ к Богу Отцу — через его Сына, Воплощенного Глагола, умершего и прославленного в излиянии Духа Святого. Таким образом они входят в общение с Пресвятой Троицей и становятся «причастниками Божеского естества» (2 Петр 1, 4). Итак, Церковь Божия создается и возрастает через совершение Господней Евхаристии в этих отдельных Церквах, а общение между ними выражается в совместном служении»¹⁵.

Кроме того, богословские предания восточных христиан «глубоко укоренены в Священном Писании» и «развиваются и выражаются в литургической жизни, питаются живым апостольским преданием и творениями восточных Отцов и духовных авторов; они направляют к праведному укладу жизни, иначе говоря — к целостному созерцанию христианской истины»¹⁶.

Духовность восточных славян особым образом свидетельствует о *плодотворности встречи человеческого духа с христианскими тайнами*; и духовность эта постоянно оказывает спасительное воздействие на сознание всей Церкви. Восточные христиане глубоко чтут Страсти Христовы, являют духовную чуткость к тайне страдания, сопряженного с искупительной силой Креста Господня. Все это заслуживает особого

упоминания. Быть может, воспоминание о мученической кончине сыновей Владимира — Бориса и Глеба, которые погибли от руки своего брата Святополка, как-то содействовало возникновению такого рода духовности¹⁷.

Подобная духовность с наибольшей полнотой раскрывается в прославлении, воздаваемом «сладчайшему» Господу нашему Иисусу Христу, пребывающему в тайне страдания и «кенозиса», которые Он через Воплощение и крестную смерть соделал своими (ср. Флм 2, 5—8). Кроме того, она, эта духовность, в литургии просвещается светом воскресшего Христа; в некотором смысле она была предварена величественным преображением на горе Фавор; все его сияние полностью раскрылось в тот день, когда, в Пятидесятницу, через огненные языки Духа, сошедшего на апостолов, миру была явлена слава воскресения. Подобный опыт есть неизменное достояние каждого, кто принял святое крещение. В данном контексте невозможно не вспомнить тех христиан, которые жили и живут во всех этих краях и которые на протяжении тысячи лет столь часто обретали в смерти и воскресении Христа силу и поддержку и свидетельствовали о своей верности Евангелию не только праведностью своего повседневного существования, но и мужеством в страданиях, а зачастую — *своей кровью!* Этот образ «кенозиса» или самосовлечения Христова (воспринятый и осознанный Киевской Церковью) наложил глубокую печать на сердце восточных христиан; образ этот был и остается для них источником великой силы, поддерживающей их в многообразных испытаниях, с которыми они сталкиваются на своем жизненном пути.

8. Невозможно переоценить *роль монашества* в деле упрочения Церкви и насаждения христианства

в культурной среде восточных славян (как, впрочем, и во всей Восточной Церкви). Уже сравнительно рано Киев прославился знаменитой Печерской лаврой, которая была основана преподобными Антонием († 1073) и Феодосием († 1074).

Поэтому не случайно инок, а особенно «старец» рассматривался в качестве духовного водителя как великими русскими писателями, так и простыми крестьянами. Монастыри были центрами литургической, духовной, общественной и даже экономической жизни. Князья обращались к монахам как к советникам, судиям, учителям и политическим посредникам.

Слова «культ» и «культура» имеют общий корень. Также и в среде восточных славян христианский культ способствовал исключительному развитию культуры во всех ее проявлениях.

Здесь религиозное искусство пронизано глубокой духовностью и высоким мистическим вдохновением. Кто в мире не знает сегодня знаменитых и почитаемых икон Восточных Церквей? Или восходящих к XI столетию великолепных соборов Святой Софии в Киеве и Новгороде? А что уж говорить о храмах и монастырях, столь характерных для пейзажа этих земель! Литература Древнего Киева носит прежде всего религиозный характер. Новые церковные гимны и песнопения, созданные здесь, коренятся в изначальных формах местной музыкальной традиции. Не следует забывать и о том, что первые школы на Руси возникли именно в XI веке. Все это, пусть и кратко упомянутое, неопровержимо свидетельствует об исключительном религиозном и культурном расцвете, который был порожден Крещением Киевской Руси.

Весьма знаменательно следующее замечание Второго Ватиканского Собора: «Церковь... ни в чем не

умаляет земные богатства любого народа; напротив, она воспринимает все лучшее, что есть в богатствах, ресурсах и жизненных обычаях народов, служит им; и воспринимая она очищает, укрепляет и возвышает все это»!¹⁸

IV

Устремленность к полному общению

9. Выше я подчеркнул, что Крещение Руси совершилось в эпоху, когда уже развились две формы христианства: восточная (связанная с Византией) и западная (связанная с Римом); вместе с тем Церковь продолжала оставаться единой и неразделенной. Ныне, в нас, празднующих тысячелетие Крещения восточных — киевских — славян, данное наблюдение может лишь еще более усилить стремление к полному единству во Христе этих Церквей-Сестер, желание приложить к тому новые усилия и совершить новые благоприятствующие этому шаги. Юбилей этот — не только историческое воспоминание и повод для подготовки различных научных трудов и подведения всякого рода итогов; вместе с тем и прежде всего он, этот юбилей, побуждает нас обратить наши пастырские и экуменические чувства от прошлого к будущему, углубить наше печалование об единстве и усилить нашу молитву.

Да, сегодня более чем когда-либо исполненные решимости обрести общение и разделить евхаристическую трапезу (несмотря на трудности, порожденные вековыми недоразумениями), обе церкви, Церковь Католическая и Церковь Православная, в этот тысячелетний юбилей с особым вниманием и надеждой обращают свой взор на всех дочерей и сыновей Святого Владимира.

С другой стороны, — постепенное восстановление гармонии между Римом и Константинополем, равно как и с Церквями, которые продолжают сохранять полное общение с этими центрами, не может не оказать положительного воздействия — особенно сегодня! — на православных и католических наследников совершенного в Киеве Крещения. (И здесь невольно вспоминаешь о многочисленных двусторонних встречах, богатых обетованиями, ибо на них происходил подлинный, питаемый столь различными и столь плодотворными традициями обмен духовными дарами.) И быть может, воспоминание об этом событии, положившем начало их новой жизни — жизни в Духе Святом, поможет, с помощью Божьей, приблизить час их полного примирения, час «лобзания мира» — мира, который они преломят как плод некоего зрелого решения, рожденного в свободе и добром произволении того изначального духа, что животворил неразделенную Церковь, хранящую печать христианского гения святых Кирилла и Мефодия. Великое благо обретет весь Народ Божий, если православные и католические наследники совершенного в Киеве Крещения вновь проникнутся благодатью изначального общения, сообщат христианам нашего времени содержащуюся в нем экуменическую весть, примут вызов и призовут их ускорить движение к желанной цели — к тому полному единству, которого желает сам Христос! Помимо прочего, это оказало бы благое воздействие и на тот процесс разрядки в гражданской области, который вызывает столько надежд у всех тех, кто созидает мирное сосуществование на земле.

10. Также и Вселенскость и Поместность суть два существенных источника жизни Церкви: общение и различие, традиция и новые времена, древние хрис-

тианские земли и новые народы, обретающие доступ к вере. Церковь умеет быть единой и вместе с тем, так сказать, дифференциальной. Воспринимая единство (ср. Ин 17, 21—23) как изначальный принцип, она обретала различные формы в разных частях мира. Это относится прежде всего к Церкви Западной и Церкви Восточной в эпоху, когда еще не было положено начало их постепенному удалению друг от друга. Второй Ватиканский Собор говорит об этой эпохе следующее: «На протяжении многих веков Церкви Востока и Запада следовали своими особыми путями; и все же они были объединены братским общением в вере и в тайнодейственной жизни; с общего согласия Римский престол выступал в качестве посредника всякий раз, когда возникали вероучительные или уставные разногласия»¹⁹.

Обе Церкви сохранили неповрежденным наследие апостольской веры даже после того, как было нарушено целостное общение между ними. Несмотря на сохранявшуюся напряженность, вселенскость и многообразие форм продолжали обогащаться взаимными бесценными дарами.

Второй Ватиканский Собор постиг эту реальность и выступил с некой инициативой, ознаменовавшей наступление *нового этапа* в экуменизме. Эта новая деятельность уже начинает приносить многообещающие плоды.

Соборное Постановление об экуменизме, уже не раз цитировавшееся здесь, есть выражение той любви и того уважения, какие Католическая Церковь питает к богатому наследию христианского Востока; в Постановлении раскрывается самобытность, инакость и в то же время законность этого наследия. В частности в нем говорится: «Изначально Церкви Востока жили

по собственным правилам, которые были узаконены святыми Отцами и Поместными и даже Вселенскими Соборами. Различие образа жизни и обычаев отнюдь не противоречит единству Церкви (об этом говорилось выше); оно даже увеличивает ее красоту и есть ценное подспорье в деле осуществления возложенной на нее миссии; поэтому, дабы убрать всякие сомнения, Священный Собор провозглашает: проникнутые сознанием того единства, что необходимо для всей Церкви, Восточные Церкви способны управляться на основе собственных уложений, ибо они, эти уложения, наиболее соответствуют характеру членов этих Церквей и лучше всего содействуют их душевному благу»²⁰.

Постановление ясно раскрывает особую дисциплинарную автономность, какой пользуются Восточные Церкви: эта автокефальность не есть следствие привилегий, дарованных Римской Церковью, но вытекает из тех законов, какими с апостольских времен обладают эти Церкви.

11. В эпоху постоянно развивающегося и углубляющегося диалога между Церквами и церковными Общинами, накануне торжеств, посвященных тысячелетию Крещения Руси, которое вызывает в нас чувство некоего великого печалования, ибо напоминает о Неразделенной (включающей все Поместные Церкви Востока и Запада) Церкви, а также о пламенной молитве Христа на Тайной Вечери — молитве об единстве всех верующих (ср. Ин 17, 20—23), — настойчиво повторим еще раз: *полное единство есть дар*, для стяжания которого недостаточно одних — хотя и столь необходимых и обуславливающих столь многое — человеческих усилий.

Грех вошел в мир одним человеком, однако «благодать Божия и дар по благодати одного человека,

Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих» (ср. Рим 5, 12, 15). Постоянное пребывание «в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитве» (Деян 2, 42) — дар Божий, ибо представляет собой новый образ человеческого существования. Это и есть полное «совместное пребывание» в Пресвятой Троице. Первичный источник такого общения — благодать святого крещения: через крещение мы входим в единство распространенной по всему миру Церкви — в единство, которое пожелал и создал Христос; на протяжении первых десяти веков, несмотря на различия и трудности, единство это в общем и целом оставалось живым; мы входим в единство, в единство, о котором ныне свидетельствует Крещение Руси. Да вернутся все христиане к этому единству и образуют человеческую общину, которая, пребывая в полном общении со Христом, предложит всем членам рода человеческого это принадлежащее им богатство! Да дарует нам это Дух Святой, Податель неисчислимых благ, благодаря которым отдельные люди и человеческие общины входят в общение со Христом! В Нем, в Духе Святом, жизнь Церкви обретает глубину и неожиданный размах. Живое, опытное познание присутствия Параклета, стремление стяжать его дары есть характерная особенность восточной традиции, чье глубокое пневматологическое учение составляет бесценное достояние всей Церкви.

Именно в таком свете мы видим развитие многообразных, разветвленных и плодотворных контактов, которые свидетельствуют — в этот послесоборный период — о нашем общем стремлении действительно исполнить волю Бога, раскрывающуюся в его Духе.

Богатейший опыт полного и целостного общения, накопленный в первом тысячелетии, хотя и предан-

ный забвению на протяжении стольких веков,— пусть будет он для нас и для нашего экуменического делания светом, ободрением и неизменной опорой!

V

Единство церкви и единство европейского континента

12. Продвигаясь по путям экуменизма, Католическая Церковь обращает взор на *посланническое делание святых Фессалоникийских братьев* (речь об этом шла в нашей энциклике «Апостолы славян»).

Их делание характеризуется неким «экуменическим профетизмом», хотя действовали они в эпоху, когда христианский мир оставался еще неразделенным. Начало их миссии было положено на Востоке, но последующее ее развитие раскрыло их связь с Римом, с престолом Петра. Сегодня мы более глубоко постигаем свойственное святым братьям апостольское переживание общения (*koïnonia*) в Церкви, ведь мы живем в эпоху возрастающего печалованья о всеобщем христианском единстве и экуменического диалога. Кирилл и Мефодий предчувствовали, что новые Церкви столкнутся с расхождениями и все более обостряющимися спорами и должны будут спасти и укрепить целостное и видимое общение единой Церкви. И действительно, Церкви эти родились на земле, запечатленной самобытностью различных населявших ее народов, их культурами; но в то же время они, Церкви, должны были, согласно воле Божественного Основателя, сохранять между собой сущностное единство. Поэтому-то Церковь, родившаяся в результате творческих усилий святых Кирилла и Мефодия, несла на себе как бы отпечатанное особое знамение экуменического призвания, которое с такой силой раскрылось в них. Именно та-

ким духом была отмечена в своем рождении также и Церковь Киева (об этом мы говорили выше).

В 1980 году, почти в начале нашего понтификата, нам была дана радость провозгласить *Покровителями Европы*— наряду со святым Бенедиктом — *святых Кирилла и Мефодия*.

У Европы христианская сущность; ее корни пронизаны христианским духом. Две формы великой традиции Церкви, западная и восточная, две формы культуры дополняют друг друга, как два «легких» единого организма²¹. Таков выразительный урок прошлого. Таково наследие народов, населяющих наш континент. Можно сказать, что оба течения, восточное и западное, одновременно стали первыми великими формами насаждения веры в конкретных культурных средах; в этих формах единая и неделимая полнота, которую Христос доверил Церкви, нашла свое историческое выражение. В различных народных европейских культурах и на Востоке, и на Западе в музыке, литературе, изобразительном искусстве и архитектуре, как и в образе мышления, течет своего рода «лимфа», исходящая из единого истока.

13. И сегодня, в конце XX века, это наследие становится своего рода *пробным камнем* для христианской совести, настоятельным *призывом* к подлинному единству. Ныне в душах человеческих присутствует истинное стремление к единству, что предвосхищает мирное — являющееся всеобщим благом — сосуществование народов. Стремление это охватывает сознание граждан, пронизывает политику и экономику. Христиане должны сознавать религиозные и моральные истоки этого призыва: Христос «есть наш мир, соделавший из обоих одно и сокрушивший стоящую

посреди преграду, то есть вражду» (Еф 2, 14). Через Христа Бог «примирил нас с собою... дал нам слово примирения» (2 Кор 5, 18). Эта реальность, это делание Христа особым образом отражается ныне в живом печалованье человечества об единстве и вселенском братстве. Идущий из прошлого Европы призыв, жажда единства и мира, желание преодолеть различные преграды и устранить противоречия — все это становится животворным знаменем нашего времени.

Истинный мир может существовать лишь на основе такого процесса объединения, при котором каждый народ может избирать — в духе свободы и истины — пути собственного развития. Однако такого рода процесс невозможен, если не существует согласия относительно изначального и основоположного единства, которое выражается в различных — не антагонистических, но взаимно дополняющих — формах, которые нуждаются друг в друге и ищут одна другую. Поэтому-то мы глубоко убеждены, что путь к истинному миру можно неким превосходным образом «выпрямить» для ума, совести и сердца людей: сделать это можно благодаря присутствию и служению того живого знамени, каким по своей природе является Церковь — Церковь, послушающаяся Христу и сохраняющая верность своему призванию.

Мы выражаем полное доверие всем людям, которые следуют мирными стезями терпеливого диалога, соглашения, взаимного понимания и уважения и усиливаются устранить все то, что служит причиной напряженности и конфликтов.

Особое попечение о мире *во всем мире* — вот призвание Европы, рожденной в христианском духе и утвержденной на христианских основаниях. Во многих регионах земного шара отсутствует прочный мир

или же он находится под тяжелой угрозой. Поэтому европейский континент нуждается в постоянном и согласованном сотрудничестве со всеми народами — ради мира и блага, на какие каждый человек и каждая человеческая община имеют священное право.

VI

Соединенные в радости тысячелетия крещения Руси с Марией — Матерью Иисуса

14. События и тайны, о которых мы вкратце напомнили в настоящем Послании, рассматриваемые и осмысливаемые в свете указаний Второго Ватиканского Собора и в исторической перспективе тысячелетия Крещения Руси,— для всех нас источник радости и утешения в Духе Святом.

Крещение Киевской Руси имеет важное значение в истории евангелизации и человеческой культуры. Именно этим объясняется наше желание привлечь к этому событию внимание всей Католической Церкви, призвать всех верующих к общей молитве. Римская Церковь, созданная на основе апостольской веры Петра и Павла, с великой радостью созерцает тысячелетие Крещения Руси и все те плоды, что были обретены целыми поколениями: плоды веры, жизни, единства и исповедничества — вплоть до гонений и мученичества, согласно пророчеству самого Христа. И мы присоединяемся к народу Божьему — к простым верующим и пастырям, которые живут и трудятся на этих землях, тысячу лет тому назад освященных «банею крещения», и вместе с ними — духовно — принимает участие в торжествах Тысячелетия. В радости этого праздника мы объединяемся со всеми теми, для кого крещение, полученное тысячу

лет назад их предками, суть источник самобытного и неповторимого религиозного, культурного и национального существования; мы объединяемся со всеми наследниками этого Крещения, независимо от их конфессиональной принадлежности, национальности и места проживания,— со всеми сестрами и братьями, православными и католическими. И в частности, мы объединяемся с возлюбленными сынами и дочерьми народов русского, украинского и белорусского; со всеми, кто живет на их родине, как и с теми, кто проживает в Америке, в Западной Европе и в других частях мира.

15. Безусловно, празднование это есть по преимуществу празднование именно Русской Православной Церкви, центр которой находится в Москве и которую мы с радостью именуем Церковью-Сестрою. Именно она восприняла значительную часть наследия древней христианской Руси — в силу связи с Константинопольской Церковью и неизменной верности ей. Подобно другим Православным Церквам, Русская Церковь обладает истинными таинствами и прежде всего — благодаря апостольскому преемству — Евхаристией и священническим служением; благодаря этому она теснейшим образом связана с Католической Церковью²². Совместно с упомянутыми Церквами она прилагает ревностные усилия к тому, чтобы сохранить «в общении веры и любви братские отношения, которые должны поддерживаться между Поместными Церквами, как между сестрами»²³.

В этот торжественный исторический момент вся католическая община принимает участие в молитве и духовном размышлении о «великих делах Божиих» (ср. Деян 1, 11) и через Римского Епископа посылает тысячелетней Церкви-Сестре «лобзание мира» — как

выражение своего горячего стремления к тому совершенному общению, какого пожелал сам Христос и какое включено в саму природу Церкви.

Торжественное празднование Тысячелетия всеми наследниками Владимирова крещения и наше — исходящее из сердечной потребности — соучастие в их радости и благодарении принесут всем — и в этом мы глубоко убеждены — новый свет, способный рассеять мрак тяжелого векового прошлого,— тот свет, что постоянно возрождается и достигает нас в Пасхальной тайне, светлой Заутрене и Пятидесятнице.

16. Провозглашение Марииного года есть особое выражение нашего единства и нашего соучастия в праздновании тысячелетия Крещения Руси, как и нашего горячего желания достичь полного и совершенного общения с Восточными Церквями сестрами; об этом уже говорилось в энциклике «Матерь Искупителя»: «Хотя мы еще страждем от горестных последствий возникшего [...] позднее разделения, мы можем сказать, что перед лицом Матери Христа мы чувствуем себя истинными братьями и сестрами в лоне того мессианского Народа, что призван стать единой и единственной семьей Божьей на земле»²⁴.

Рожденный Марией Воплощенный Глагол навсегда останется в ее сердце; прекрасный образ этого являет нам всем известная икона «Знамение»: на ней представлена молящаяся Дева, в сердце которой вписано Слово Божие. Неким особым образом источник Марииной молитвы коренится во всемогуществе Божьем. Мариина молитва — помощь и высшая сила, во имя спасения дарованная христианам. «И тогда что же может воспрепятствовать всем нам взирать на нее как на нашу общую Матерь, которая молится об единстве семьи Божьей и которая нахо-

дится «во главе» бесконечной процессии свидетелей веры в единого Господа, Сына Божьего, зачатого в ее девственном лоне нашествием Духа Святого?»²⁵

И нашим братьям и сестрам во Христе мы говорим: *да будет тысячелетнее наследие Евангелия, Креста Господня, Воскресения и Пятидесятницы неизменно и всегда «путем, истиной и жизнью»* (ср. Ин 14, 6) для всех грядущих поколений.

И ради этого мы от всего сердца возносим нашу молитву к Пресвятой Троице — Отцу, Сыну и Святому Духу. Аминь.

«Ins», XI (1988), 1, сс. 225—242

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Письмо кардиналу Е. Тиссерану, секретарю Конгрегации по делам Восточных Католических церквей (от 12 мая 1939 г.): AAS, 31, сс. 258—259.

2. Великое освящение воды в праздник Богоявления // Требник. Синодальное издание. М., 1906, ч. 2-я, л. 209, об. 220; см. л. 216. (Наиболее древний текст находится в Ватиканском греческом кодексе «Барберини», 336, л. 201.)

3. См.: Le Typicon de la Grande Eglise (изд. J. Mateos). В: Orientalia Christiana Analecta, 116, сс. 86—88 (Roma, 1963). Не менее торжественным был обряд крещения в Риме, о чем свидетельствуют Ordines Romani раннего средневековья.

4. См.: Послание Патриарха Фотия (от 867 г.), в котором сообщается, что народ, именуемый Рос (Rhos), принял епископа (Ер. 1, 13: PG, 102, 736—737). См. также: Les registes des actes du patriarcat de Constantinople I, II (Les registes de 715 à 1043) (изд. V. Grumel, Paris, 1936, n. 481, сс. 88—89).

5. Повесть временных лет (изд. Д. С. Лихачева), М.— Л., 1950, с. 235 и след.

6. См.: Филарет Гумилевский. Жития святых, чтимых Православной Церковью. Июль. Спб., 1900, с. 106.

7. См. об этом рассказ в «Повести временных лет», цит. выше.

8. Папа Иоанн Павел II. Энциклика «Апостолы славян», 12: AAS, LXXVII (1985), с. 793.
9. Там же, 11—13: AAS, LXXVII (1985), сс. 791—796.
10. Об этом свидетельствуют немецкие источники, например: Lamperti Monachi Hersfeldensis opera, изд. O. Holder-Egger, 1894, с. 38.
11. См. «Никоновскую летопись» под 6494 годом (Полное собрание русских летописей, IX, Спб., 1862, с. 57).
12. См. Petri Damiani Vita beati Romualdi, с. XXVII, PL 144, 978. (Критическое издание G. Tabacco в: Fonti per la storia d'Italia, 94, Roma, 1957, с. 58.)
13. См.: Gregorii VII registrum, II, LXXIV, E. Caspar. In: Epistulae selectae in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editae, t. II (переиздание 1955, с. 236—237).
14. Постановление Второго Ватиканского Собора «Об экуменизме», 14.
15. Там же, 15.
16. там же, 17.
17. См.: Acta Sanctorum. Septembris 2. Venezia, 1756, сс. 633--644.
18. «Догматическое постановление о Церкви» Второго Ватиканского Собора, 13.
19. Постановление Второго Ватиканского Собора «Об экуменизме», 14.
20. Там же, 16.
21. Папа Иоанн Павел II. Энциклика «Матерь Искупителя», 34: AAS LXXIX (1987), с. 406.
22. См. Постановление Второго Ватиканского Собора «Об экуменизме», 15.
23. Там же, 14.
24. Папа Иоанн Павел II. Энциклика «Матерь Искупителя», 50: AAS LXXIX (1987), с. 429.
25. Там же, 30: AAS LXXIX (1987), с. 402.

Магнум Баптизми Донум*

Послание украинским католикам в ознаменование 1000-летия Крещения Киевской Руси

14 февраля 1988

*Преосвященному брату кардиналу
Мирославу Ивану Любачивскому
Архиепископу Львовскому (украинцев),
преосвященным братьям епископам, всем
священнослужителям, монашествующим
и верным украинским католикам*

1. Великий дар Крещения, полученный в Киеве тысячу лет назад, приобщил к христианской вере и жизни народы древней Руси. Отмечая это историческое событие, Церковь святых апостолов Петра и Павла и вся католическая Церковь благодарят и славят за этот неоценимый дар Пресвятую Троицу и радуются великой радостью, ибо принятое в Киеве Крещение положило начало евангелизации народов, живущих на востоке Европы и далее за Уралом. Крещение определило не только христианское самосознание народов украинского, русского и белорусского, но и культуру и, соответственно, историю этих народов. Преемник апостола Петра разделяет радость торжества Тысячелетия; ради подобающего духовного приуготовления к этому событию и в ознаменование его он направил апостолическое посла-

* Magnum Baptismi Donum — «Великий Дар Крещения».

ние всем верным католикам, теперь же настоящим посланием обращается к украинским католикам, дабы вместе с ними прославить Бога за дивные дела, явленные в этом тысячелетии.

Тысячу лет назад Всемогущий Бог, Владыка Вселенной и истории всех народов обратил свою бесконечную любовь к народу Киевской Руси и просветил его светом Евангелия Сына Своего Иисуса Христа, Спасителя мира. Дело спасения, начатое на берегах Иордана, силой Духа Святого достигло почти десять веков спустя области, омываемой водами Днепра; там Господь избрал себе в служители княгиню Ольгу и князя Владимира и через них даровал народу благодать своего Крещения. С тех пор Церкви, начало которым положило свершившееся в Киеве Крещение, из века в век славословят и благодарят Пресвятую Троицу. Среди них — и Украинская католическая община, выросшая из тысячелетнего наследия св. Владимира.

2. Эта взволнованная благодарность проистекает из самой тайны святого Крещения; через Крещение человек, «погрузившись» в искупительную смерть Спасителя мира, вводится в «обновленную жизнь», во всей полноте явленную в Его воскресении. Через Крещение человек содеывается «новой тварью» и Сыном Божиим и «прививается» к пасхальному таинству Христову: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь» (2 Кор 5, 17).

Труд, начатый на берегах Днепра Отцом, исполнил Сын и увенчал Дух Святой. Так совершилось возрождение «от воды и Духа» (Ин 3, 5) целого народа. Получив от Духа Святого сверхъестественную силу, крещальная вода сделалась источником благодати. И потому мы можем отнести к Днепру сказан-

ное св. Кириллом Иерусалимским о Иордане: «Дух Божий носился над водами. Начало мира, вода; начало Евангелий, Иордан»¹.

Крещение Руси в 988 году позволило народам Руси соединиться с телом Христа, распятого и прославленного, позволило им возродиться к жизни в Боге. «Быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых» (Кол 2, 12; ср. Рим 6, 4). Крещение — это «таинство, связующее узами единства всех, кто через него возродился». Оно «установлено ради полноты исповедания веры, полноты приятия дарованного спасения согласно воле Христа и, наконец, ради полноты вхождения в евхаристическое общение»².

3. Среди призванных к участию в этой новой жизни в соединении со Христом распятым и воскресшим — ваши предки. Кто как не они зажгли в этих краях священный огонь Евангелия и возвестили «великие дела Божии» (Деян 2, 11). Украинский народ географически и исторически связан с Киевом, и потому имеет особые причины радоваться в праздник Тысячелетия. Одновременно он радуется своей принадлежности к великой семье христианских народов Европы и всего мира.

В круг христианских народов еще прежде Киевской Руси вошли другие славянские народы. Вспомним южных славян, среди которых миссионеры подвизались уже около 650 года. За 1300-летнюю верность Апостольскому престолу я уже имел случай благодарить в базилике св. Петра хорватский народ³.

Позднее в европейскую христианскую семью вошли и другие славянские народы; это стало возможным, как я уже подчеркивал в энциклике «Славо-

рум апостоли», благодаря миссионерской деятельности и экуменическому призванию святых Солунских братьев Кирилла и Мефодия, по праву провозглашенных, вместе со святым Бенедиктом, Покровителями Европы. На подготовленной ими почве «христианство окончательно вошло в историю славян в течение последующего столетия»⁴.

Труды Кирилла и Мефодия, на которые подвиг их сам Господь, имели своим следствием и то, что обитатели Киевской Руси, принявшие евангельскую весть от константинопольских миссионеров, немедленно получили доступ ко всему византийскому наследию и усвоили его с большей легкостью. Усвоение его с самого начала облегчалось и тем, что Священное писание и богослужебные книги уже имелись в переводе на славянский язык, ибо святые братья и их ученики «не побоялись использовать в богослужении славянский язык, превращая его в действенное орудие приближения божественных истин к тем, кто говорил на этом языке»⁵.

Тогда еще существовала полнота общения между Римской и Константинопольской Церковью, почему киевская Церковь и могла развиваться в духовном общении с этими Церквями и с соседними Церквями Европы, составляя с ними единую Христову Церковь. Владимир ввел Киев в богатое домостроение Вселенской Церкви, сохраняя Восточную традицию и оберегая неповторимость собственного народа.

Следом за евангелизацией Руси в этих землях развивается процесс «внедрения» веры в культуру, запечатлевший собой всю историю этих народов. Мне уже приходилось говорить, что «культуры всех славянских народов обязаны своим «возникновением» или своим развитием трудам Солунских братьев»⁶.

Мужественный труд святых Кирилла и Мефодия и их учеников в самом деле «придал новые культурные возможности и достоинства литургическому славянскому языку, который на многие века стал языком не только церковным, но и официальным и литературным и даже языком общения для образованных слоев у большинства славянских народов, прежде всего, у славян, принявших восточный обряд»⁷.

Язык этот, по сей день используемый в богослужении у разных народов, оказал решающее влияние на язык украинского народа, на развитие его богатой культуры и на формирование его самосознания.

4. Молодая Киевская Церковь образовалась, как сказано, еще до пагубного разъединения Церквей. Лишь позднее прискорбные раздоры и усугубление разногласий между Римской и Константинопольской Церковью привели к прекращению Церковного общения Киева с Престолом св. Петра.

Однако киевская Церковь не прекращала сношений с соседними братьями католиками и с Апостольским престолом; даже после того, как раскол практически произошел, с обеих сторон не раз предпринимались искренние попытки восстановить полноту общения.

Становление вашей Церкви как Церкви восточного обряда обязано наследию Крещения св. Владимира; в течение веков она выработала свою самобытность, обогатилась собственной культурой, местами культа, равно как множеством верующих, небезразличных, как и их пастыри, к единству внутри своей Церкви и к общению ее с другими Церквами, в особенности, с Римской.

Наиболее отчетливым выражением этого стала Брестская уния (1596); каковым актом часть еписко-

пов киевской Митрополии восстанавливала узы общения с Апостольской Церковью. Причину заключения Брестской унии мы усматриваем прежде всего в стремлении оживить, восстановить видимым образом полноту общения между Востоком и Западом, в соответствии с представлениями, свойственными церковному сознанию того времени. Подобные попытки, как уже отмечалось, и раньше предпринимались людьми, одушевленными глубоким церковным чувством. Среди них я особо желал бы выделить митрополита киевского Исидора, участника Флорентийского Собора (1439): то был выдающийся богослов, убежденный приверженец диалога с Римской Церковью; каковая в свою очередь оказала ему почет — возвела в кардинальское достоинство, а впоследствии приняла его останки в древнюю базилику св. Петра⁸.

Брестская уния не замышлялась против кого-либо теми, кто, среди непонимания и разного рода противодействия, выступал как ее приверженец, иной раз, подобно св. Иосафату, кровью свидетельствуя глубину и стойкость своих убеждений. Целью Унии было создание Церкви, где бы — как на Востоке, так и на Западе — осуществилось полное и видимое единство, основанное на единой вере и едином крещении.

5. В таком духе следует воспринимать и последующие попытки восстановить полноту общения, предпринимавшиеся на протяжении столетий под непосредственным воздействием разных исторических обстоятельств. Не всегда эти попытки встречались с должным пониманием и одобрением; иной раз непредвиденным и нежелательным их следствием становились новые нестроения внутри христианского сообщества. Сегодня мы ищем новых путей к заветной цели, на основе иных, богословски более проду-

манных подходов. Но что касается тех общин, которые возникли из упомянутых попыток и, повинувшись глубоким душевным движениям, на протяжении веков поддерживали общение с Римским престолом, то за этими общинами нельзя не признать очевидного права на солидарность католического сообщества и особенно Римского епископа.

6. В наш век Церковь и весь христианский мир, ощущая дуновение Духа Святого, вновь пламенно жаждет единства, о котором молился перед крестной мукой Христос. Об открывающейся экуменической перспективе высказался Второй Ватиканский Собор, созданный папой Иоанном XXIII, продолженный и доведенный до завершения папой Павлом VI, Собор, где в качестве наблюдателей присутствовали представители всех братьев христиан.

Принятые Собором постановления о католических Церквях восточного обряда («Ориенталиум Экклезиарум») и об экуменизме («Унитатис Рединтеграцио») суть истинный дар, Божественной милостью посланный нашему времени; да, разъединение еще не преодолено, но все сильнее влечение к единству всех христиан. Ибо всякая разделенность христиан «не только открыто противоречит воле Христа, но она и соблазн миру и ущерб святейшему делу проповедания Евангелия всей твари»⁹.

Ватиканский Собор призывает всех, «кто трудится над восстановлением желаемой полноты общения между восточными Церквями с одной стороны и католической Церковью с другой, действовать, памятуя об условиях, в каких образовались и возросли Восточные Церкви, и учитывая отношения, какие существовали между ними и Римским престолом до раскола, и судить обо всем сказанном по справедливости».

ности»¹⁰. Собор указал также на великие ценности литургических, духовных, уставных и богословских традиций этих Церквей, а также на их право и долг жить согласно этим традициям, составляющим полноту «вселенскости» Церкви. Отцы Собора также благодарят Бога за то, что восточные католические Церкви «оберегают свое наследие и переживают его во всей возможной чистоте и полноте»¹¹. Соответственно, Отцы Собора не видят какого-либо внутреннего препятствия для полноты общения между этими Церквями и православными братьями; напротив, поскольку в них просияло во всей силе то, что было угадано при их начале, то им дано особо ясно почувствовать открывающиеся экуменические возможности, возведенные Духом Святым через Собор всей Церкви. Поэтому восточные католические Церкви ныне более чем когда-либо призваны сыграть соответствующую роль в созидании видимого единства Церкви, ибо «один Господь, одна вера, одно Крещение» (Еф 4, 5).

7. Именно в эти исполненные надежды дни в истории спасения нам доводится праздновать Тысячелетие со всей Украинской католической общиной, каковой Провидение отвело прочное место во Вселенской Церкви, наряду с многими Церквями как Востока, так и Запада.

Приветствую всю украинскую католическую Общину, видящую истоки собственного существования в Крещении Киевского народа и живущую ныне в полноте общения в вере и тайнодейственной жизни с Римским епископом.

Приветствую вас, братья епископы, во главе с кардиналом Мирославом Иваном Любачивским, Архиепископом Львовским (украинцев); приветствую

вас, священнослужители, монашествующие и верующие миряне, мужчины и женщины, в праздник Тысячелетия рождения вашего народа к благодатной жизни через Крещение Киевской Руси. Приветствую вас братским «лобзанием мира» — как ваш брат и первый в истории Церкви Папа славянин.

В дни вашего великого Юбилея я чувствую себя духовно единым с вами и от всего сердца Церкви желаю по-братски обнять вас перед всеми верующими во Христа. Во имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, Римская Церковь с особым пониманием и любовью склоняется над духовными сыновьями и дочерьми святого Владимира, и прежде всего теми, кто молится и страдает за единство Вселенской Церкви.

Отмечая эту историческую дату особой важности для вашей Церкви, перенесшей в последние десятилетия тяжкие испытания, я желаю вновь засвидетельствовать всяческое уважение и к ее вселенскости, и к ее своеобразию. Этого требует братская любовь, этого требует экуменическое призвание святых братьев Кирилла и Мефодия, напоминающих нам своим примером о праве всякого верующего на уважение к его традиции, обряду и к народу, частью которого он является.

Пусть будущее — от всего сердца желаем этого — порадует нас преодолением разного рода непонимания и взаимного недоверия и признанием полного права каждого на собственную личность и собственное исповедание веры. Принадлежность к католической церкви да не будет сочтена несовместимой с благом собственной земной родины и с наследием святого Владимира. Пусть множество ваших верующих насладится истинной свободой совести и уваже-

нием к религиозным правам в отправлении общественного культа согласно своим традициям, по своему обряду и со своими пастырями.

8. Апостольский престол питает особое чувство к вашей Церкви, ибо за свою историю она не раз доказывала приверженность Риму, не исключая и высшего доказательства мученичеством. По этой причине главное празднование Тысячелетия вашей Церкви в диаспоре совершится в Риме. Собравшись у гробницы святого Петра, подле которой покоятся и останки столь дорогого вам святого Иосафата, мы совместно возблагодарим Бога за плоды причащения Божественных тайн, в общении одной веры и в узах одной любви.

Ваша Церковь непременно вольет свой голос в общую гармонию голосов Католической Церкви на этом замечательном торжестве; Римский епископ непременно примет участие в праздновании Тысячелетия, ибо пламенно желает воспеть в базилике св. Петра на вашем языке хвалебную песнь «Тебе Бога» вместе со всеми епископами и верующими. С верою отдаю в руки Бога, Единого и Троичного, Владыки человеческих судеб, торжество празднования Тысячелетия, вписанного в историю вашей Церкви и вашего народа. Желая приступить к нему со всеми епископами, священнослужителями, монашествующими и верными украинскими католиками, рассеянными по всему миру, дабы продолжить его пред взором Пресвятой Марии, чьим присутствием запечатлена вся история вашей Церкви.

Ей мы обязаны рождением Христовым. Ее покровом осенено рождение Церкви в Киевской Руси. И потому я духовно совершаю паломничество к стопам Владимирской Божией Матери, «неизменно сопут-

ствовавшей народам древней Руси на стезе веры»¹². В Софийском Соборе мысленно припадаю к стопам Богоматери Оранты — «Нерушимой Стены» — Той, кому 950 лет назад князь Ярослав Мудрый вверил град Киев и всю Русь.

9. Почитаю Тебя, Мать сладчайшая, в Твои руки отдаю судьбы Украинской католической общины.

О Мать единства христиан, укажи нам верные пути к единству. Дозволь, устремляясь к этой великой цели, чаще встречаться с братьями по вере и вместе обретать божественные очертания единства, о котором молился Христос.

О Мать Утешения, в Твои длани влагаю все вековые страдания и скорби, молитвы и свидетельства жизнью многих Твоих чад, вверяю Тебе надежды и чаяния наследников Крещения Руси, Твоим заступничеством по их упованию да процветет новым цветом эта древняя христианская ветвь.

Прижми к груди своей, о Мать, людей, оплакивающих утраченное, но уповающих на пришествие лучших времен. Помогите верным Своим в радости отпраздновать, совместно с Пастырями и в духовном общении с Преемником св. Петра, Тысячелетие Крещения, дозволь со всем пылом души возблагодарить Тебя, Пресвятая Мать Искупителя, Тебя, Богородица (Theotokos)!

10. Взывая к заступничеству святых апостолов Петра и Павла, святых Кирилла и Мефодия — апостолов славян, святой Ольги и святого Владимира, святого Иосафата и всех святых, вверяю покровительству Пресвятой Троицы вас, братьев епископов, во главе с Архиепископом Львовским (украинцев), вас, священнослужители, монашествующие и верую-

щие миряне, да пребудет на вас — всех и каждом — Апостольское Благословение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

«AAS», LXXX (1988), 8, сс. 988—997

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Св. Кирилл Иерусалимский, *Catechesi III; De baptismo*, 5: PG 33, 434 A.
2. Второй Вселенский Ватиканский Собор; Пост. «Об экуменизме», 22: EV I/566.
3. Речь 30 апреля 1979; «Ins», II (1979), сс. 1024—1027.
4. Энцикл. «Славорум апостоли» 25, в наст. изд. с. 113.
5. В наст. изд.: «Славорум апостоли», 12, с. 99.
6. В наст. изд.: «Славорум апостоли», 21, с. 110.
7. В наст. изд.: «Славорум апостоли», 21, с. 110.
8. Ср. Т. Alpharani, *De Basilicae Vaticanae antiquissima et nova structura*, изд. М. Cerrati, Roma 1914, сс. 71, 189.
9. Пост. «Об экуменизме», 1.
10. Пост. «Об экуменизме», 14.
11. Пост. «Об экуменизме», 17.
12. Энцикл. «Redemptoris Mater», 33: «AAS», LXXIX (1987), с. 405.

Проповедь за коптской литургией «кадильной молитвы»

*Церковь Санта Мария Маджоре, Рим
14 августа 1988*

«Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, / воздеяние рук моих — как жертва вечерняя» (Пс 140, 1).

В этих словах псалмопевец символически связывает вечернюю молитву с каждением.

Поднимающиеся волны кадильного дыма, точно дух человеческий, возносятся к небу, дух, вырывающийся из повседневности — в чаянии познать смысл своего существования и слиться с Богом. В воплощении Глагол пожелал воспринять человеческую природу, тем самым вступив в новое отношение с космосом: самый космос Он предложил Отцу как жертву угодную.

Очам веры потребность в бесконечном, в совершенном, потребность в тесном и глубоком общении твари с Творцом ясно видится не как томление, не как мечта о несбыточном, но как непрестанное паломничество, как вечная устремленность человека к Цели, в свою очередь постоянно к нему «нисходящей».

«Ты сотворил нас для Себя, и сердце наше беспокойно, пока не обретет успокоения в Тебе», говорит нам св. Августин (Исп 1, 1).

Волны фимиама, безостановочно уносящиеся к небу, увлекают за собой нашу молитву к Богу, исхо-

дящую из самой глубины сердца. Фимиам сопровождает воздеяние рук к небу, выражающее наше жаждание Бога и одновременно призывающее Его призреть на людей и вещи, желания и устремления.

В вашей высокой духовной традиции, возлюбленнейшие братья и сестры Египетской коптской Церкви, «кадильная молитва» наделена необычайной торжественностью и особым смыслом. И потому мне радостно сегодня, влив свой голос в хор, соучаствовать в вашей литургии, с силой и трепетом выразить мою благодарность Богу Живому.

Особенно я желаю возблагодарить Бога в этот уже завершающийся год Мариин за то, что Церкви столько раз была явлена промыслительная милость именно в этот промежуток времени, особо посвященный Божией Матери! Свидетельством тому — многочисленные торжества и начинания в честь Божьей Матери во всех уголках мира. Вновь с ободряющей наглядностью мы убеждаемся в том, что Дева Мария есть поистине Матерь Вселенская.

Завтра, в праздник Успения Божьей Матери, мы торжественно завершим год Мариин. Готовясь к этому благодатному дню, я выразил пожелание, чтобы еще раз в славе прозвучал голос христианского Востока.

В год Мариин здесь, в Риме, не раз звучала древняя и драгоценнейшая молитва Восточных Церквей. Участие в них Римского епископа, предстоятеля Вселенского Милосердия, знаменует наше чудесное взаимодействие — благодаря ему ваши духовные богатства, дражайшие сыновья и дочери христианского Востока, послужат благу Вселенской Церкви. Богатства эти — неценимый дар, плод многовековой верности Христу, сохраненной среди тяжких испытаний. Тут дивное взаимопроникновение богословия и ду-

ховности, так что вера в Тайну становится славословием, проникающим до самых глубин человеческого сердца.

Участвуя в сегодняшней «кадильной молитве», мы приобщаем к своему духовному наследию все разнообразие и всю многогранность литургических традиций Востока, включая литургии, не прозвучавшие в этом святом граде. Коптская литургия — столь ощутимо передающая бдение монаха, когда, препоясав чресла и возжегши лампаду, он приемлет незримое, но очевидное ему откровение Господа,— дивно выражает напряженное ожидание Церковью грядущего Господа.

Добро пожаловать, досточтимые братья и возлюбленнейшие сыновья и дочери коптской Церкви, собравшиеся в этом храме для выражения сыновней любви к Божьей Матери посредством молитвы, столь характерно выражающей вашу самобытную и древнюю традицию.

Ваша вера не исчерпывала себя одними учеными изысканиями и восхождением разумом к непостижимому Богу, она руководилась и питалась простой народной жизнью, сохраняла безыскусственность и широту, непосредственность и увлеченность воображения. Строгость ученого и щедрое радушие крестьянина внесли в эту традицию лучшее, что есть в их исканиях Бога, весь опыт людей, приемлющих от Него любовь и спасение.

Эта ваша богатая традиция вобрала в себя непреклонную стойкость мучеников и страстную аскезу бесчисленных сонмов монахов. Мученики и исповедники, ведомые одной лишь премудростью слова Божия, они являли в поисках Царства Божия поразительную безоглядность, удивительный дар проникновения в тайны людских сердец.

Опыт этих «пламенных почитателей Бога» сейчас, как никогда, важен для Церкви. Ибо в нем — призыв к верности и мужеству, к творческому уединению в шуме современной цивилизации, уединению столь необходимому в поисках истины без личин, подмен и притворства.

Эти наставники, эти удивительные борцы веры оказали решающее влияние на вашу литургию, придав ей напряженность ожидания, простоту, проникнутость мудростью и словом Божиим.

Возлюбленные братья и сестры, любите вашу литургию, в которой сегодня участвует и молится вместе с вами Римский Епископ, ощущайте ее как выражение вашей религиозной и культурной неповторимости, как самобытное творение, которым гордится Церковь. Оберегайте это достояние, пусть по-прежнему в вашей литургии биение сердца со всей непосредственностью переходит в молитву. Не порывайте со славным наследием ваших отцов: питаемые литургией, они претерпевали мученичество, мужественно и твердо принимали важные решения. Не спешите бездумно подражать чужим культурным традициям, изменяя самобытности своего народа.

Этого важного вопроса неоднократно касались многие мои предшественники. Из них напомним лишь о двух великих Папах, имеющих особые заслуги перед христианским Востоком: Бенедикте XIV, которому мы обязаны Конституцией «Демандатам» от 24 декабря 1743, и Льве XIII, который выпустил знаменитое Апостольское послание «Ориенталиум Дигнитас Экклезиарум» от 30 ноября 1894.

С этими документами перекликаются Постановления Второго Ватиканского Собора, недвусмысленно подчеркнувшего, что «не следует вводить изменений,

кроме тех, что вызрели внутри данной традиции» (Ориенталиум Экклезиарум, 6).

Это значит, что менять что-либо в литургии допустимо исключительно в тех случаях, когда изменения опираются на тщательное исследование источников, на объективное познание особенностей собственной культуры, на верность традициям, соблюдаемым всей коптской христианской общиной.

Соучаствуя в «Кадильной молитве», я желаю обратиться с братским приветствием ко всей Коптской Церкви. Наш общий путь веры имеет начало и завершение во Христе, и мы должны, идя этим путем, сохранять твердую веру в то, что мы призваны стать одним сердцем и одной душой. И да питает эта молитва объединяющее нас упование.

Заступничеством Блаженной Девы Марии, вознесшейся на небеса, да приблизится час, когда все Церкви обретут полноту общения во единой Церкви Христовой.

Дева Мария, в Египте познавшая тяготы изгнания — чтимые и поминаемые в тех местах, которые предание прославляет как места пребывания Святого Семейства — сохрани и осени Своим покровом коптскую Церковь.

Та, кого ваша литургия воспекает в столь трогательных сердце дивных поэтических богородичных песнопениях, да возденет Свои руки в молитве, ходатайствуя за вашу страну, ваши храмы, ваши монастыри. Да испросит Она благословляющего взгляда Отца; искупительного Милосердия Сына, познавшего дороги вашей страны; освящающей Любви Духа Святого, непрестанно приносящего плоды святости и благодати. Аминь!

Речь в Европейском Парламенте

*Страсбург, Франция
11 октября 1988*

Господин Председатель, господа депутаты.

Позвольте прежде всего, господин Председатель, поблагодарить Вас за высказанные вами слова приветствия и уважения. Я хочу также выразить Вам живейшую признательность за вами лично возобновленное приглашение выступить перед этим высоким собранием — в соответствии с договоренностью 1980 года. Наконец осуществилось пожелание, высказанное мною три года назад перед представителями Европейских Организаций, и я сознаю, сколь ответственна эта встреча с представителями Европейского Сообщества — представителями 330 миллионов граждан, вверивших вам руководство их общей судьбой.

Ваше Собрание — со времен «Европейского Сообщества Угля и Стали» и подписания Римского договора — играет главную роль в процессе европейской интеграции. Престиж и авторитет его еще более возрос с тех пор, как оно избирается прямым и всеобщим голосованием, так что ваши сограждане по справедливости видят в нем основополагающий общественный институт будущего, демократическое представительство Европы, стремящейся к большей экономической интеграции, к устранению ряда разногласий в законодательствах и к обеспечению еди-

ного пространства свободы с целью дальнейшего сотрудничества и взаимообогащения культур.

Наша встреча происходит в переломный момент европейской истории: долгий путь, на котором было немало трудностей, позади, предстоят новые решающие этапы: по вступлении в силу Договора о единстве Европы быстро двинется процесс интеграции, кропотливо подготовлявшийся в течение нескольких последних десятилетий.

С самого окончания Второй мировой войны Святейший престол неизменно ратовал за построение Европы. Миссия Церкви — возвещать всем людям спасение во Иисусе Христе, каковы бы ни были современные исторические условия их существования,— ибо у Церкви нет и не может быть более важной задачи. Соответственно, оставаясь в пределах своей компетенции, Церковь полагает своим долгом освещать и поощрять начинания народов,— если эти начинания отвечают исповедуемым ею ценностям и принципам,— и проявлять внимание к знамениям времени, чтобы толковать вечные предписания Евангелия в соответствии с изменяющейся действительностью.

Может ли Церковь оставаться в стороне от построения Европы, если она глубоко укоренена в составляющих Европу народах, которые она некогда подвела к крещальной купели, так что по сию пору христианская вера является одним из определяющих начал их культуры?

Знамением нынешнего времени в Европе несомненно является окончательное утверждение мира и сотрудничества между европейскими государствами, веками истощавшими силы в войнах во имя господства друг над другом.

Знаменем нашей эпохи является также возросшее внимание к правам человека и к ценностям демократии, выразителем и по возможности гарантом которой является ваше Собрание. Такое внимание означает отстаивание при всех обстоятельствах уважения к праву и достоинству человеческой личности.

Знаменем нашего времени мы считаем и то, что Европа, положившая столько сил на экономическое сотрудничество, все напряженнее ищет свою живую душу, свои начала — ради единства духовного. И тут, как мне кажется, представляемая вами Европа вступает в новую фазу своего роста, как внутри себя, так и в отношениях со всем остальным миром.

«Единый рынок», начинающий действовать с конца 1992 года, ускорит процесс европейской интеграции. Общее политическое устройство, принимаемое по свободному волеизъявлению граждан Европы, никак не ущемляет самобытности Европейского Сообщества, оно предназначено гарантировать равные права — прежде всего культурные — отдельных регионов. Объединенные европейские народы никогда не согласятся на господство какой-либо одной культуры над другой, но будут отстаивать равное право для каждого вносить собственную лепту в общую сокровищницу.

Распались все империи прошлого, пытавшиеся навязать свое владычество насилием и захватами. Ваша Европа будет Европой свободной ассоциации всех народов, приобщения друг друга к богатствам собственной неповторимой культуры.

К представляемым вами нациям смогут, разумеется, присоединиться и другие. Мое чаяние как верховного пастыря Вселенской Церкви, по рождению

принадлежащего к Центральной Европе и знающего устремления славянских народов — этого второго «легкого» нашего общего европейского организма, мое чаяние — чтобы Европа, свободно и суверенно избравшая себе институты власти, простиралась до пределов, определенных ей не только географией, но и еще более историей. Как мог бы я этого не желать, если история и культура всех народов нашей общей Европы — греков и латинян, германцев и славян, несмотря на все превратности и независимо от социальных систем и идеологий, запечатлена христианской верой?

История всех европейских народов характеризуется открытостью ко всему миру и поддержанием жизненно важных сношений с народами других континентов. Нельзя представить себе Европу, замкнувшуюся в своем эгоизме. Обретя единодушие, объединив усилия, она сможет плодотворнее и энергичнее посвятить себя великому делу развития стран Третьего мира, в особенности тех, с какими она традиционно поддерживает отношения. «Конвенция Ломе», положившая начало официальному сотрудничеству вашего Собрания с представителями 66 стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов, могла бы, если вдуматься, послужить образцом в этом роде. Сотрудничество Европы с этими странами будет тем успешнее, убедительнее и плодотворнее, что оно не преследует тайных гегемонистских целей, но нацелено на то, чтобы помочь бедным странам самим взять на себя ответственность за свою судьбу.

Господин Председатель, Церковь несет весть о Боге и о высшем предназначении человека, что составило важное содержание и всей европейской культуры. Поистине, можно ли помыслить Европу,

никак не обращенную к трансцендентному? В «новое время» на европейской почве развились течения мысли, постепенно вытеснившие Бога из воззрения на мир и человека; образовалось, соответственно, два оспаривающих друг друга взгляда на мир: взгляд верующих и взгляд приверженцев агностического, а порой и «атеистического» гуманизма.

Согласно первому взгляду, послушание Богу есть источник подлинной свободы, подлинная же свобода не произвольна и не бесцельна, это свобода ради истины и блага, которыми человеку не дано завладеть окончательно. Этически этот взгляд выражается в принятии принципов и норм поведения, внушаемых разуму или непосредственно выражаемых авторитетом слова Божьего, которыми люди ни индивидуально, ни коллективно не могут распоряжаться по своему усмотрению, по велению моды или собственных меняющихся интересов.

Согласно второму взгляду нет нужды в повиновении твари Творцу или истине и благу трансцендентного порядка, человек есть сам начало и конец всех вещей, а общество со всеми его законами, нормами и свершениями есть его и только его — человека — суверенное порождение.

В этом случае этика не имеет другого обоснования, кроме общественного согласия, а индивидуальная свобода не имеет другой узды, кроме той, к которой общество вынуждено прибегать, чтобы охранить свободу составляющих его членов.

Иные полагают, что если гражданская и политическая свобода были завоеваны при свержении старого порядка, опиравшегося на религиозный закон, то, значит, и религию надлежит ограничить или упразднить как орудие «отчуждения» человека. С

другой стороны некоторые верующие полагают, что жить в согласии с верой значит стремиться к возврату старого порядка, зачастую к тому же идеализуемого. Оба эти противоположные воззрения приводят к действиям, несовместимым с христианской вестью и духом Европы. Когда воцаряется гражданская свобода, и свобода вероисповедания получает твердые гарантии, вера от этого лишь выигрывает, ибо может в открытую принять вызов, исходящий от неверия, и самый атеизм вынужден принять к сведению, что и у него есть границы.

Ввиду указанного различия взглядов высшее назначение закона — в равной мере обеспечить гражданам возможность жить в согласии со своей совестью, не вступая в противоречие с нормами нравственного порядка, признаваемыми разумом.

Тут полагаю важным напомнить, что именно из христианской культурной почвы вырос тот принцип,— нередко оказывавшийся в забвении в века христианства,— который Европа восприняла и которым руководствуется в своей общественной жизни. Я имею в виду принцип, впервые провозглашенный Христом, различившим «кесарево» и «Богово» (ср. Мф 22, 21). Основополагающее разделение двух сфер: внешнего управления земной жизнью и внутренней самостоятельности человека становится особенно наглядным, если учитывать, что к политическому сообществу по необходимости принадлежат все граждане, а к религиозному только те, кто свободно к нему присоединился.

После Христа невозможно обожествлять общество как коллектив, пожирающий человеческую личность и неуклонно определяющий его судьбу. Общество, государство, политическая власть — это всегда изменяющаяся и всегда поддающаяся совершенствованию

часть мироустройства. Никакая общественная программа никогда не увенчается построением Царства Божия на земле, то есть не приведет к эсхатологическому совершенству. Политическое мессианство разного рода часто оборачивается наихудшей тиранией. Никакое политическое устройство, избираемое обществом, не имеет окончательной ценности, не может само по себе предоставить человеку все желаемые блага. И в особенности не может заменить ни совести человеческой, ни поисков истины и абсолюта.

Общественная жизнь, благоустройство государства покоятся на гражданских добродетелях, предполагающих подчинение индивидуальных интересов общему благу, так что предлагать и принимать в качестве закона надлежит лишь то, что объективно хорошо и справедливо. Уже древние греки знали, что нет демократии без повиновения закону, и нет закона, который не опирался бы на истину и справедливость, обоснованные трансцендентно.

Говоря, что религиозное сообщество, а не государство должно ведать тем, что «Богово», значит полагать здравый предел человеческой власти, значит не допускать ее в сферу совести, последних целей, последнего смысла существования, стремления к недостижимому совершенству, заставляющего человека напрягать все силы и принимать верные решения. При этом всем течениям мысли нашего старого континента стоило бы поразмыслить над тем, в какие потемки может нас завести забвение Бога в общественной жизни, ибо Бог есть последнее обоснование этики и высшая гарантия против злоупотребления властью одними людьми против других.

Наша европейская история изобилует примерами того, как часто граница между тем, что «кесарево» и тем, что «Богово», нарушается и в ту, и в другую

сторону. Для примера сошлюсь хотя бы на латинское христианское средневековье, которое разработав, в развитие великой Аристотелевой традиции, естественную концепцию государства, не всегда умело устоять перед интегралистским соблазном исключить из общества тех, кто не исповедует истинную веру. В наши дни, в новой реальности религиозный интегрализм, не разделяющий сферы веры и гражданской жизни, несовместим с духом Европы как носительницы христианского сознания.

Но наибольшая опасность исходит в наше время с другой стороны — со стороны идеологий, абсолютизирующих общество или господствующую группу в ущерб человеческой личности и ее свободе. Если человек не видит величия выше себя, то он рискует оказаться во власти безудержного произвола и псевдоабсолютизма, способных превратить его в ничто.

Иные континенты знают сегодня примеры более или менее глубокого взаимопроникновения христианской веры и культуры, что весьма обнадеживает. Но знаменательно, что Европа после двух тысячелетий христианства являет примеры культурного цветения христианства, по природе своей не помещающегося в рамки частной жизни. Христианство призвано к открытому исповеданию, к активной деятельности во всех областях жизни. Мой долг — решительно подчеркнуть, что если в Европе произойдет отчуждение этических представлений, общественной деятельности от религиозных и христианских оснований Европы, то это не только станет отрицанием всего прошлого наследия, но даже и само будущее людей — я говорю обо всех европейцах, верующих и неверующих — окажется под угрозой.

В заключение упомяну три области, в которых, как мне кажется, завтрашняя объединенная Европа,

открытая к Востоку этого континента и проявляющая широту в отношении народов другого полушария, должна вновь стать светочем мировой цивилизации:

— прежде всего она должна примирить человека с творением, бдительно охранять природу, ее фауну и флору, воздух и реки, ее хрупкое равновесие, ее небеспредельные ресурсы, ее красоту, славящую Творца;

— она должна примирить человека с братьями, так чтобы европейцы принимали друг друга вне зависимости от культурных традиций или идейных течений, и принимали иностранцев и беженцев, не чуждаясь духовных богатств людей других континентов;

— и наконец, она должна примирить человека с самим собой: да, она должна трудиться ради воссоздания целостного и полного представления о человеке и мире, против культуры недоверия к человеку и дегуманизации, ради мировоззрения, в котором наука, техника и искусство не исключают, а возбуждают веру в Бога.

Господин Председатель, господа депутаты, откликаясь на приглашение выступить в вашем высокочтимом Собрании, я мысленным взором окидываю миллионы европейцев, чьими представителями вы являетесь. Именно на вас они возложили великую миссию сохранения и упрочения человеческих ценностей — культурных и духовных, — вобравших в себя наследие Европы и наилучшим образом выражающих ее сущность, ее свободу и прогресс. Я молю Бога вдохновить и укрепить вас в претворении этого великого замысла.

«ОР», СХХVIII, 244, 12, 10. 1988, с. 6

Выступление на выставке русских икон в Ватикане

10 ноября 1989

Досточтимые братья, господин министр,
дамы и господа.

Я благодарю господина министра Мелентьева за сердечные слова по моему адресу от имени его правительства, благодарю за содержательное выступление, в котором отмечено особое значение Выставки русских икон — первой подобной выставки, устроенной в Ватикане; выставленные здесь произведения, тщательно отобранные и научно отреставрированные, замечательны как своими высокими художественными достоинствами, так и своим внутренним религиозным содержанием.

Я хочу выразить свою радость по поводу самого начинания, ставшего возможным благодаря сотрудничеству министерства культуры РСФСР и Общества Италия — СССР. Я выражаю тем самым и чувство удовлетворения Святейшего престола, католиков и всех тех, кто независимо от собственно религиозных убеждений чувствует и ценит удивительную духовную притягательность этих живописных произведений, выражающих высокие художественные традиции русского народа.

В иконах — а ими ознаменована история русского христианства от начала до наших дней — содержится та драгоценная совокупность черт, в которых с

особой яркостью выразилась славяно-византийская культура, идущая от святых Кирилла и Мефодия; это проявление религиозной души, вскормленной духовностью восточных Отцов Церкви, научивших передавать в священном изображении таинственное «присутствие» горнего прообраза — согласно представлению о художественной красоте как силе, побуждающей к нравственному восхождению и постижению Божественной Красоты, творящей красоту природную и человеческую. Благоговейное созерцание образа есть для верующей души путь подлинного очищения и восхождения к Прообразу, ибо сам образ, благословленный священником и благоговейно исполненный художником-монахом, является в известном смысле подобием таинства, через которое перетекает божественная благодать. Икона вдохновляет русского верующего на любовь к правде, к примирению, к миру, по словам прославленного святого Сергия Радонежского: «Взирая на Пресвятую Троицу, побеждаем ненавистное разделение мира сего».

В апостолическом послании «Дуодецимум секулум» 1987 года — в ознаменование 1200-летия Второго Никейского Собора — я напомнил о том, что торжественное определение богословских оснований и литургического значения иконописи было торжественно дано Церковью еще не поврежденной пагубным разделением Запада и Востока, случившимся лишь спустя несколько веков. Поэтому как сама эта выставка, так и сегодняшний неподдельный интерес к искусству иконы представляет собой важный фактор продвижения к желанному единству христиан — во славу Бога Отца, в послушании единому Господу Иисусу Христу и в единении через единого Господа

животворящего, Духа Святого. Искусство Запада и Востока есть выражение единой христианской души: европейское христианство дышит, образно говоря, «двумя легкими» — западным и восточным, и оба они должны в братском взаимодополнении в равной мере способствовать обращению европейских народов к их христианским корням.

По справедливому замечанию господина министра эту выставку следует рассматривать в связи с недавним торжественным празднованием Тысячелетия Крещения Руси. Выставка является, можно сказать, естественным продолжением этого торжества, многообещающим и в свою очередь требующим развития, что позволяет надеяться на более глубокое взаимопонимание между Востоком и Западом — ради того, чтобы каждый человек и каждое сообщество людей больше руководствовались нравственными и духовными ценностями и значит более умиротворенно приуготовляли себя к будущему братству и миру.

Вопрос о «Филиокве»

Катехизис на общей аудиенции

7 ноября 1990

Исповедуя нашу веру «в Духа Святаго, Господа животворящаго», мы добавляем «иже от Отца и Сына исходящаго». Как известно, эти слова были введены в Никейский символ позднее, ранее же было только: «верую в Духа Святого» (ср. Denz.-S., 125)¹. На Константинопольском Соборе (381 г.) было добавлено в пояснение «от Отца исходящаго» (ср. Denz.-S., 150), почему символ и называют никейско-константинопольским. Соответствующий член Символа веры после Собора 381 г. звучал так: «верую в Духа Святаго, иже от Отца исходящаго». Более полная формулировка: «иже от Отца и Сына исходящаго» (*qui a Patre Filioque procedit*), встречавшаяся уже в ранних текстах, была предложена Синодом в Аквисграна в 809 г. и окончательно принята в Риме в 1014 году по случаю коронования Генриха II. После этого она распространилась на всем Западе и была допущена греками и латинянами на Вселенских Соборах — II Лионском (1274) и Флорентийском (1439) (ср. Denz.-S., 150, вступительные замечания). Добавление ничего не меняло в существе исконной веры, но из уважения к повсеместно принятому Символу, употребляемому также в базилике св. Петра, сами

Римские первосвященники принимали его неохотно. Без большого сопротивления принятые Западом слова «и Сына» возбудили, однако, несогласие и споры среди наших восточных братьев, обвинивших Запад в искажении существа вероучения. Сегодня мы можем возблагодарить Господа за то, что и на Западе, и на Востоке проясняется как смысл добавленных слов, так и относительность самого вопроса.

Сейчас мы должны, однако, рассмотреть вопрос о начале Духа Святого, имея при этом в виду и вопрос о «Филиокве».

В Священном писании говорится прежде всего об исхождении Духа Святого от Отца. Так, в Евангелии от Матфея, Христос, посылая в мир двенадцать апостолов, заповедует: «не заботьтесь, как или что сказать... не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10, 19—20). В Евангелии от Иоанна Христос говорит: «Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин 15, 26). По мнению многих толкователей эти слова Христа относятся к посланию Духа Отцом *во времени*, но правомерно также выводить из них *предвечное исхождение Духа и, значит, начало Святого Духа от Отца*.

Вполне очевидно, что поскольку речь идет о Боге, «начало» никак нельзя понимать в смысле «сотворения» или появления «во времени». Иначе говоря, исключено, что активный субъект сообщает кому-то бытие и, следовательно, имеет по отношению к нему первенство и превосходство; исключено также, что имеется пассивный объект, переходящий от небытия к бытию чьим-то усилием и, следовательно, позднейший и зависимый. В Боге все предвечно, вневремен-

но: начало Святого Духа — как и Сына — сокрыто в Тайне Троицы, в каковой все три божественных Лица единосущны и, значит, предвечны. «Исхождение» именно духовно; тут возможна, хотя и очень несовершенная, аналогия с «произведением» мысли или чувства любви, которые остаются в душе в единстве с умом, откуда и происходят. «Именно в этом смысле — пишет святой Фома Аквинский — католическая вера признает исхождения в Боге» (*Summa Theologiae* 1, q. 27, a. 1; aa. 3—4).

Что касается «исхождения» Духа Святого *от Сына*, то тексты Нового Завета, не говоря этого прямо, ясно указывают на самую тесную связь Духа и Сына. Ниспослание Духа Святого верующим — это дело не Отца лишь, но и Сына. В самом деле во время Тайной вечери Иисус, сказав: «Дух Святой, Которого Отец пошлет во имя Мое» (Ин 14, 26), чуть позже говорит «*пошлю* Его к вам» (Ин 16, 7). Есть и другие места в Евангелии, где выражается отношение между Духом Святым и откровением, которое дает Сын, например, когда Иисус говорит: «Он прославит Меня, потому что *от Моего* возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что *Моего* возьмет и возвестит вам» (Ин 16, 14—15).

Евангелие ясно говорит, что Сын — а не только Отец — «*посылает*» Духа Святого, и даже, что Дух «берет» от Сына то, что открывает, ибо «*все, что имеет Отец, есть Мое*» (Ин 16, 15).

После воскресения эти обещания сбываются: войдя сквозь двери, которые «были заперты», в дом, где из страха перед иудеями скрывались апостолы, Иисус «дунул» на них и сказал: «примите Духа Святого» (Ин 20, 22).

Указанные места — основные для данного вопроса, но есть в Новом Завете и другие места, подтверждающие, что Дух Святой есть Дух не только Отца, но и Сына, Дух Христа. Так в послании к Галатам читаем: «Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего «Авва, Отче!» (Гал 4, 6). И в других посланиях Апостол говорит о «Духе Иисуса Христа» (Фил 1, 19), о Духе Христове (Рим 8, 9) и утверждает, что совершаемое Христом через него (Апостола) совершается «силою Духа» (Рим 15, 19); есть и еще немало мест в том же роде (ср. Рим 8, 2; 2 Кор 3, 17 и сл.; I Петр 1, 11).

Вопрос о «начале» Духа Святого в троичной жизни единого Бога был предметом долгого и разностороннего богословского постижения Священного Писания. На Западе св. Амвросий в своем творении «О Духе Святом» и св. Августин в «О Троице» много способствовали его прояснению. Попытки проникнуть в тайну сокровенной жизни Бога-Троицы, предпринятые им и другими Отцами и Учителями Церкви как латинскими, так и греческими (св. Иларием, св. Василием Великим, св. Иоанном Дамаскиным) без сомнения подготовили почву для введения в Символ веры слов о Духе Святом, «от Отца и Сына исходящем». Восточные братья придерживались формулировки совершенно в том виде, в каком она была принята на Константинопольском Соборе (381), тем более, что Халкидонский Собор (451) подтвердил его «вселенскость» (хотя фактически в нем принимали участие почти исключительно восточные епископы). Так западное и латинское «Филиокве» в последующие века стало поводом к расколу; дело начал Фотий (882), но довершено оно было — с охватом всего христианского Востока — в 1054 году. Восточные

Церкви, не имеющие общения с Римом, и сегодня исповедуют в Символе веру в «Духа Святаго, от Отца исходящаго», не упоминая «и Сына», в то время, как мы на Западе прямо говорим, что Дух Святой исходит «от Отца и Сына».

Такое учение опирается на определенные высказывания великих Восточных Отцов и Учителей Церкви (Ефрем, Афанасий, Василий, Епифаний, Кирилл Александрийский, Максим, Иоанн Дамаскин) и Западных (Тертуллиан, Иларий, Амвросий, Августин). Св. Фома Аквинский, следуя Отцам Церкви, дал пронизательное объяснение этого члена «Верую» на основе принципа единства и равенства божественных Лиц в троичности (ср. *Summa Theologiae*, 1, q. 36, aa 2—4).

После раскола попытки восстановить единство Рима и Константинополя делались на нескольких Соборах второго тысячелетия. Вопрос об исхождении Духа Святого от Отца и Сына был предметом особого разъяснения на IV Латеранском Соборе (1215), II Лионском (1274) и, наконец, на Флорентийском (1439). Последний предложил такое уточняющее толкование, которое имеет одновременно и историческое, и вероучительное значение: «Латиняне указывают, что словами «Дух Святой, от Отца и Сына исходящий» они не имеют в виду, будто не Отец есть источник и начало всего божества, то есть Сына и Духа Святого; но они не могут отрицать, что Сын имеет от Отца и то, что Дух Святой исходит от Сына; они не говорят, что есть два начала, и два дуновения: они утверждают, что одно начало и одно дуновение Духа Святого, как доселе и утверждалось». (ср. *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, Bologna 1973, с. 526).

Богословское определение св. Фомы Аквинского (ср. *Summa Theologiae*, 1, q. 36, a. 3) подхватывает латинскую традицию, восходящую в частности к месту из св. Августина: *Pater et Filius sunt unum principium Spiritus Sancti* «Отец и Сын суть одно начало Святого Духа» (*De Trinitate*, V, 14:Pl 42, 921).

Казалось, что терминологические затруднения устранены и понятия прояснены; обе стороны — греки и латиняне — на VI Заседании (6 июля 1439 года) подписали общее определение: «Во имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, с одобрения этого священного и вселенского флорентийского Собора постановляем, чтобы данная вероучительная истина была принята всеми христианами: почему все да исповедуем, что Дух Святой *предвечно от Отца и Сына*, что он имеет существование и бытие совместно от *Отца и Сына*, и что предвечно исходит Он от одного и другого как от единого начала и единого дуновения» (*Denz.-S.*, 1300).

И еще уточнение (каковому уже св. Фома Аквинский посвятил в «Сумме» раздел «Исходит ли Дух Святой от Отца через Сына» — I, q. 36, a. 3): «Объявляем,— говорит Собор,— что утверждаемое Отцами и Учителями Церкви, а именно исхождение Духа Святого от Отца через Сына — внушает и означает, что Сын, подобно Отцу, есть причина, согласно Грекам, или начало, согласно Латинянам, пребывания Святого Духа. И поскольку все, что у Отца, кроме Отцовства, Отец сам дал Сыну с порождением Его, то это исхождение Святого Духа от Сына сам Сын имеет предвечно от Отца, которым предвечно порождает».

Еще и сегодня это объявление Собора служит полезным основанием для диалога и согласия между

братьями Востока и Запада, причем важно, что это, подписанное обеими сторонами, определение заканчивалось так: «Постановляем, что... разъясняющие слова «и Сына» были законно и разумно добавлены в Символ веры для прояснения истины и по назревшей тогда необходимости».

На деле после Флорентийского Собора на Западе исповедывалось в Символе, что Дух Святой исходит от Отца и Сына, а на Востоке сохранялась первоначальная формулировка Константинопольского Собора. Но со времени II Ватиканского Собора идет плодотворный экуменический диалог, приведший, как кажется, к заключению, что «Филиокве» не является более главным препятствием к диалогу и его дальнейшему развитию, чего мы все желаем и ради чего призываем Духа Святого.

Католики и православные Центральной и Восточной Европы в новых условиях

Послание Епископам европейского континента

31 мая 1991

Дорогие братья Епископы, сейчас, когда усиливается подготовка к Конференции Епископского Синода по Европе, я хотел бы разделить с вами радость по поводу новых условий, складывающихся прежде всего в Центральной и Восточной Европе, равно как и выразить надежду на то, что в этих регионах появятся новые возможности для Церковной жизни. Мировой отклик на перемены, происшедшие в этой части старого континента, вселенский характер епископского служения, общение всех епископов с преемником Петра побуждает меня поделиться с вами некоторыми соображениями о складывающейся ситуации и о последствиях, которые она может иметь для отношений между католиками и православными.

Многие народы Восточной Европы обрели недавно — милостью Божией без кровопролития — право на уважение к их гражданским свободам, включая свободу вероисповедания, после того как в течение десятилетий эту свободу ограничивали, подавляли и уничтожали. Перемены эти произошли, конечно, не

без вмешательства Божия, ибо Он мудро и терпеливо направляет ход истории к ее эсхатологическому увенчанию: «дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф 1,10).

Ущемление свободы вероисповедания и открытые преследования так или иначе коснулись всех верующих: католиков и православных, протестантов и представителей других религий. Преследования приняли особенно грубую форму в тех случаях, когда — как это происходило на Украине, в Румынии, в Чехословакии — местные католические церкви византийского обряда были насильственно и вероломно объявлены несуществующими. Давление, переходившее в насилие, применялось и с целью заставить католиков примкнуть к православной Церкви.

Недавние законы о свободе вероисповедания должны гарантировать всем возможность законно выражать свои верования, иметь собственное конфессиональное устройство и собственные места культа.

В таких обнадеживающих условиях стало возможно восстановление католической Церкви латинского обряда в ряде стран и нормализация жизни католических Церквей византийского обряда в тех странах, где они находились под гнетом. История исправляет допущенную несправедливость. Господь послал мне милость назначить Епископов для названных Церквей византийского обряда на западной Украине и в Румынии, где сейчас происходит естественное возвращение к открытой церковной жизни после гонений и вынужденного пребывания в подполье.

Я имел также возможность назначить Епископов в ряд латинских диоцезов, много лет лишенных Предстоятелей. Все это создает возможности для упорядоченного роста Церковной жизни. Пастыри, будучи

наставниками в вере и попечителями примирения, заботятся о процветании своих Церквей и одновременно о развитии братских отношений с другими верующими во Христа, дабы восстановить полноту общения, какой Он желал, исполняя тем самым предписания II Ватиканского Собора, которые подтверждены и Сводом канонов восточных Церквей: «Особенно же пастыри Церкви, испросив у Господа полноты Церковного единства, должны о ней молиться и умело ей содействовать, участвуя с помощью благодати во вселенском деле Святого Духа» (ССЕО, сар. 902; ср. также СИС, сар. 755).

Но куда идет переустройство католической Церкви, оправляющейся от ран, нанесенных печальными обстоятельствами прошлого, выявились, к сожалению, сложности и затруднения между католиками и православными; это касается прежде всего владения и пользования местами культа, некогда принадлежавшими католическим Церквам византийского обряда, затем конфискованными правительствами и частично переданными православным Церквам.

Спор о местах культа неблагоприятно отозвался на богословском диалоге между католической и православной Церковью, успешно развивавшемся все последнее десятилетие. Общее размышление о требованиях, вытекающих из братского сосуществования — ради восстановления полноты общения по воле Христа о Его Церкви — поможет нам всем найти справедливое и достойное христианского призвания решение. Исправление несправедливостей, допущенных в прошлом, может лишь способствовать положительному сдвигу во взаимных отношениях.

Мы должны держаться убеждения, что в случае временных практических разногласий наилучшим

способом братски разрешить спор в духе справедливости, любви и прощения является диалог. Братья, вместе претерпевшие общие страдания и лишения, должны не восставать друг на друга, но вместе смотреть в будущее, где светит надежда.

Вопрос об отношениях между католиками восточного обряда и православными выходит, однако, за границы Восточной Европы; в разных формах он встает всюду, где рядом существуют восточные и католические Церкви. В частности, на Ближнем Востоке, помимо Церквей византийского обряда, существуют древние Церкви александрийского, антиохийского, армянского и халдейского обрядов. Недавние события выявили особую угрозу для дальнейшего существования этих обычно немногочисленных католических общин. Из-за возникших в этих странах трудностей — продолжительных внутренних конфликтов, в том числе вооруженных — растет эмиграция, рождающая много проблем и для тех, кто остается на родине, и для тех, кто в эмиграции образует свои конфессиональные общины.

Дух общения и взаимопонимания — по слову святого апостола Павла, призывающего: «несите бремена друг друга» (Гал 6, 2) — поможет справиться с объективными трудностями в самих этих странах и в странах диаспоры. Это тем необходимее, что в указанных регионах католики и православные связаны единой церковной традицией и общим этно-культурным наследием.

Пастыри должны бдительно заботиться о том, чтобы переустроение и жизнь Восточных католических Церквей вдохновлялись взаимной любовью и истиной, в соответствии с точными указаниями II Ватиканского Собора. Епископы католической Церкви

на своем Соборе в Постановлении о Восточных Церквях заявили, что «католическая Церковь относится с глубоким уважением к установлениям, богослужебным обрядам, церковным традициям и уставу Восточных Церквей» и пожелали этим Церквам «процветания и ревностного исполнения вверенной им апостольской миссии» («Ориенталиум Экклезиарум», 1). С этой целью Отцы Собора призвали «иметь во всем мире попечение» обо всех отдельных Церквях (там же, 4), обеспечивать их средствами пастырского служения, дабы они могли исполнять свое служение, поддерживая, наставляя и освящая своих верных. Ибо внутри таких Церквей собственные литургические, уставные и богословские традиции «более отвечают обычаям их паствы и вернее способствуют ее благу» (там же, 5). Такими установками и понятиями и будут руководствоваться пастыри, устроая данные Церкви, занимаясь богословской подготовкой клира, катехизацией верующих. В этом и состоит подлинное пастырское служение.

Тот же II Ватиканский Собор учит, что в жизни этих Церквей, так же, как и всей католической Церкви, важное место принадлежит заботе о единении всех христиан,— заботе, особенно чутко воспринимаемой по причине их собственного происхождения: «На Восточных Церквях, находящихся в полноте общения с Римским Апостольским престолом, лежит особая обязанность: прилагать все силы к объединению христиан, в особенности восточных, в соответствии с принципами Постановления «Об экуменизме», принятого настоящим Святым Собором, прежде всего молитвой, примером жизни, тщательным соблюдением древних восточных традиций, более глубоким

знанием друг друга, сотрудничеством и братским уважением к делам и к душам» (Там же, 24).

Эти же положения были недавно повторены в Новом своде канонов Восточных Церквей (ССЕО, cap. 903).

В сложных обстоятельствах своей истории, различающихся по времени и месту, Восточные Церкви — независимо от культурных предпосылок и политических обстоятельств — никогда не отрекались от намерения восстановить полноту церковного общения, разумеется, в соответствии с представлениями и условиями того или иного исторического периода. Позднейшие конфликты не повели к отказу от такого стремления, хотя порой его ослабляли. В наши дни католическая Церковь ведет диалог с православными Церквями в их совокупности, имея в виду ту же цель, но пользуясь иными методами, на основе иных подходов — в соответствии с учением и с положениями II Ватиканского Собора.

Постановление об экуменизме настоятельно и богословски убедительно напоминает, что «совершением Евхаристии в этих отдельных Церквях Церковь Божия воздвигается и возрастает» («Об экуменизме», 15). Благодаря их деятельности «верующие вместе с епископом получают доступ к Богу Отцу посредством Сына Глагола воплотившегося, распятого и прославленного; под действием Духа Святого, и входят в общение с Пресвятой Троицей, причащаясь Божественной природы» (там же). Потому с этими Церквями следует поддерживать отношения как с Церквями-Сестрами, по выражению, употребленному папой Павлом VI в Послании к Патриарху Константинопольскому Афинагору I (Anno Ineunte, 25 июля 1967: AAS, LIX (1967), сс. 853—854).

Единство, к какому мы стремимся — ибо стремиться обязаны,— есть полнота общения в единой вере, в таинствах и в церковном управлении (ср. «Люмен Генциум», 14), в полном уважении к законному литургическому, уставному, богословскому разнообразию, как мне уже приходилось разъяснять в Апостолическом послании «Эунтес ин мундум» в ознаменовании Тысячелетия Крещения Киевской Руси*.

Отсюда следуют непосредственные практические выводы. Первый вывод, нимало не утративший своей актуальности, сформулирован папой Павлом VI в речи, произнесенной в Соборе Экуменического Патриархата при посещении последнего: «Мы отчетливее видим сейчас, что главам Церквей, ее иерархии надлежит наставить Церкви на путь восстановления полноты общения. При этом они должны чтить друг в друге пастырей вверенной им части Христова воинства, заботясь о сплоченности и вере народа Божия и уклоняясь от всего, что могло бы его рассеять или внести смятение в его ряды» (25 июля 1967: AAS, LIX (1967), с. 841).

Второй вывод: надо отказаться от прозелитизма в любой форме и ни в коем случае не допускать никакого давления. В пастырской деятельности тем не менее нельзя не уважать свободу совести и право каждого присоединиться, если он того желает, к католической Церкви. В конечном счете это уважение к деянию Святого Духа, который есть Дух истины (Ин 16, 13). В Постановлении Собора об экуменизме находим соответствующее указание и обоснование: «Приуготовление и примирение отдельных людей,

* В настоящем издании см. с. 154 и след.

желающих войти в полноту общения с католической Церковью, следует отличать от экуменической деятельности; но тут нет никакого противоречия, ибо и то и другое совершается неисповедимым Господним изволением» («Об экуменизме», 4).

Третий вывод: недостаточно учесть ошибки, необходимо также заложить положительные основания общей жизни во взаимном уважении и согласии. Такое предложение было внесено и принято в качестве линии поведения в отношениях католиков и православных, о чем заявили совместно папа Павел VI и патриарх Афинагор I: «Бескорыстное сотрудничество во взаимной любви между Церквами принесет свои плоды в общем делании на пастырском, общественном, культурном поприще, при взаимном уважении каждого к принадлежности к своей Церкви» (25 октября 1967: AAS, LIX (1967) с. 1055).

Как я уже отмечал в энциклике «Славорум апостоли», все это будет способствовать взаимообогащению Церквей великими традициями Запада и Востока и продвижению по пути к полному единству.

Восточные католические Церкви принимают учение II Ватиканского Собора об экуменизме, относятся к нему с полным доверием и желают внести свой вклад в достижение полного единства между католиками и православными. Мне радостно убедиться в том, что это все более осознается католиками и православными, как видно из недавних заявлений.

От всего сердца желаю, чтобы между католиками и православными, где бы они ни жили, складывались отношения братства, взаимного уважения, искреннего стремления к совместному свидетельствованию единого Господа. Это поможет им не только жить бок о бок, но и преодолевать межконфессио-

нальное разделение в богословском диалоге. Самой большой заботой нашего времени — времени культурных, социальных, политических перемен — должна стать верность Искупителю нашему Иисусу Христу, дабы мы могли, совместно уповая на доверие людей, проповедовать единое Евангелие спасения, нести мир и примирение в мир, которому постоянно угрожают новые конфликты и войны.

Вверяю все чаяния и надежды заступничеству Девы Богоматери, равно чтимой на Востоке и на Западе, и молю ее как Одигитрию направить нас на путь Евангельский, на путь, ведущий к полноте общения, и от всего сердца посылаю вам, дражайшие братья Епископы, и вверенным вам общинам особое Апостольское Благословение.

Выступление перед украинцами Пшемысля в соборе, переданном униатской Церкви

Пшемысль, Польша

2 июня 1991

Дорогие братья и сестры!

Сегодняшняя встреча с верующими византийско-украинского обряда исполняет меня радости. Сердечное вам благословение и приветствие.

«Тысячу лет назад Всемогущий Бог, Владыка вселенной и истории всех народов обратил Свою бесконечную любовь на народ Киевской Руси и просветил его светом Евангелия Сына Своего Иисуса Христа, Спасителя мира. Дело спасения, начатое на берегах Иордана силой Духа Святого, почти десять веков спустя достигло области, омываемой водами Днепра; там Господь, избрал Себе в служители княгиню Ольгу и князя Владимира и через них даровал народу благодать святого Крещения. С тех пор Церкви, начало которым положило свершившееся в Киеве Крещение, из века в век славословят и благодарят Пресвятую Троицу» (ср. «Магнум Баптизми Донум», I)*.

Приведенные слова взяты из послания Римского первосвященника «Магнум Баптизми Донум» («Великий Дар Крещения»), обращенного ко всем членам католической Общины греко-католического обряда,

* В настоящем издании см. с. 185.

ныне именуемой общиной византийско-украинского обряда, каковые, как и их братья православные, видят в Крещении, совершенном святым Владимиром в 988 году, начало своей веры и своей Церкви.

Собравшиеся сегодня в этом храме принадлежат именно к этому обряду. За девять лет до Тысячелетней годовщины Крещения я обратился к кардиналу Иосифу Слипому с посланием, которым провозглашал девятилетие приуготовления всей вашей Общины к торжествам Тысячелетия. Церковь в Польше уже посвятила подобное девятилетие приуготовлению к празднованию своего Тысячелетия — в 1966 году. По мысли кардинала Слипого, ваша Община — и на Украине, где подвергалась преследованиям, и в рассеянии на разных концах света — также должна была *девять лет духовно приуготовляться к Тысячелетию Крещения Киева* в 1988 году. Последовавшие за этим торжеством события убеждают в том, что то было промыслительное девятилетие. Тысячелетие Крещения Киевской Руси стало началом свободы вероисповедания, в особенности для верующих вашего обряда, вышедших из катакомб и вновь заживших по своей вере.

Торжественное богослужение в ознаменование Тысячелетия Крещения Руси, отслуженное мною в качестве предстоятеля в базилике св. Петра в Риме, явилось как бы предвестьем грядущих перемен. И хотя в вашем отечестве католическая Церковь византийско-украинского обряда еще не могла открыто выразить свою радость по поводу Тысячелетия, все же в памяти украинцев и поляков запечатлелась служба в Ясне Гуре в 1988 году.

В истории преследований, которым подверглась Церковь византийско-украинского обряда под властью коммунистов, ваша участь в Польше отличалась от

участи ваших братьев на Украине. Конечно, ваш обряд никогда официально не признавался государством, так что вам даже не было дозволено иметь своего епископа, но у вас была возможность открыто существовать, порой под кровом и под защитой Церкви латинского обряда. Ваше положение отнюдь не было таким, какое желалось и по справедливости подобало, тем не менее оно было лучше, чем положение ваших братьев на Украине. Именно поэтому греко-католическая Церковь, в 1988 году не имевшая возможности отпраздновать Тысячелетие Крещения Руси у себя на родине, отметила этот юбилей в Польше, в Ясне Гуре.

В телеграмме, которую я направил в Ясну Гуру моим братьям и сестрам греко-католикам, праздновавшим Тысячелетие Крещения своего Отечества, говорилось: «Призывая заступничество Божией Матери, ее материнскому сердцу вверяю духовных сыновей и дочерей святого Владимира в Польше, на Украине и во всем мире и молюсь о том, чтобы в будущем тысячелетии им милостью Божией процвести».

Так я писал в сентябре 1988 года. Но и в самых смелых мечтаниях едва ли кто-нибудь представлял, что еще до исхода второго тысячелетия греко-католическая Церковь вновь *обретет свободу и право жить и развиваться*. Возблагодарим же Всевышнего за чудо могущества и милосердия!

От всего сердца желаю, братья и сестры, чтобы торжества 1988 года в Ясне Гуре оказались пророческими и еще в одном отношении: да примет их Господь как символ примирения и истинного братства украинцев и поляков. Оба наши народа в последние десятилетия испытали слишком много горя и страданий. Пусть же эти испытания послужат к очищению, пусть они помогут нам отстраненно взглянуть на старые нелады, ста-

рые счета и взаимное недоверие, и прежде всего — облегчат взаимное прощение старых обид. Сегодня буквально все — и прежде всего *общая вера в Иисуса Христа* — взывает к примирению, к братству, взаимному уважению, побуждает искать то, что соединяет, а не разделяет. Не по-христиански раздувать искры старого национализма и вражды — это оскорбительный анахронизм, недостойный обоих народов.

О как сильно я желаю, чтобы католики обоих обрядов любили друг друга! Сегодня утром я канонизировал Юзефа Себастиана Пельчара, епископа латинского обряда диоцеза Пшемысля. Ваш епископ, Ян Мартыняк, при своем недавнем вступлении в должность, вспомнил мудрое братское письмо, которое епископ Юзеф Себастиан Пельчар направил в самом начале своего пастырского служения епископу греко-католического обряда диоцеза Пшемысля Константы Чеховичу: «От всего сердца желаю,— писал блаженный Юзеф Себастиан,— чтобы, как некогда кардинал Олесницкий благословил в Краковском Соборе митрополита (киевского) Исидора... и обнял его как брата, так и сегодня не только пастыри, но и паства обменялись бы лобзанием мира и любви».

Мы собрались нынче, братья и сестры, чтобы возблагодарить Бога за то, что Церковь Украины вышла из катакомб. Думается, мне не найти лучших слов для выражения нашей хвалы и благодарения Богу, чем слова Матери Божией, сказанные у Елисаветы в доме Захарии: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, спасителе Моем»,— восклицает Пресвятая Мать, и сегодня ей вторит святая греко-католическая Церковь, собравшаяся здесь в Пшемысле вокруг преемника св. Петра.

«Ибо призрел он на смирение рабы Своей» (Лк 1, 46—48). Поистине велико было смирение византийс-

ко-украинской Церкви, 45 лет терпевшей на своей земле унижение и преследования. Все ее епископы, без единого исключения, были заключены в тюрьму. Сотни священнослужителей и тысячи ревностных верующих были арестованы, отправлены в лагеря, гонимы всю жизнь. У этой Церкви были отняты все священные здания, семинарии, печатные издания, была уничтожена вся церковная организация. У нее было даже отнято право на собственное имя. Церковь эту упоминали под ее именем только для клеветы.

И хвала Господу — во всех своих чадах она *была в унижении истинно рабой Господней*. Ни один епископ не отрекся от своей веры и *не отступился от камня Петрова*, несмотря на все старания гонителей. В годы преследований Церковь даровала миру сотни и тысячи мучеников. Многих мы знаем по именам, но многие ведомы одному Господу.

Всемиловитый Бог позволил Церкви византийско-украинского обряда даже среди гонений не утратить обеих своих определяющих особенностей: *неколебимой верности традиции восточного христианства и неколебимого единства с Апостольским престолом*. Какой подлинностью дышат слова моего собрата кардинала Любачивского, сказанные год назад в Ватикане, во время встречи всех епископов вашей Церкви: «Наше единство с Апостольским престолом не может служить поводом для дискредитации и превратного толкования нашей Церкви. Мы неотъемлемая часть Вселенской Церкви, мы Церковь Киевской традиции в единении с камнем Петровым, с каковым и все православные Церкви были едины в первое тысячелетие христианства» («Оссерваторе Романо», 25—26 июня 1990).

И вот Господь «призрел на смирение рабы Своей: ...великие дела сотворил Всемогущий... вознес сми-

ренных... алчущих исполнил благ... вспомняв милость (ср. Лк 1, 48—54). Необычайно, должно быть, сходство вашей Церкви с Матерью Божией, братья и сестры, если эти слова, сказанные о Марии, так подходят к вам. Это сходство явилось в чертах Церкви византийско-украинского обряда *через крестную ношу*, которую многие пастыри и верующие возложили на себя в годы гонений.

Крест, возлагаемый на себя в духе Христовом, всегда есть *источник жизни*. Уже во время упомянутой римской встречи с епископами вашего обряда я выразил убеждение в том, что *обретенная вами свобода выросла из жертвы многих мучеников и исповедников*, пострадавших за Христа и за унию с Апостольским престолом. «Все они,— сказал я тогда и повторяю сегодня,— духовно присутствуют среди нас. Мы верим, что их жертва и их молитва заслужили нам нынешнюю милость, милость нового начала» (25 июня 1990).

Братья и сестры, вы ощутили на себе великое милосердие Божие. Вместе с вами я прославляю Того, чья милость «*в роды родов к боящимся Его*», Христос победил и сделал так, что «печаль ваша в радость будет» (Ин 16, 20).

К вашей радости присоединяются братья по вере, католики латинского обряда.

Духовно сливаясь в благодарении Богу здесь в Пшемысле, мы *желаем быть заодно со всеми братьями и сестрами в сообществе Церкви*:

— в Польше

— и на Украине,

— в рассеянии — в эмиграции

— и в особенности заодно с кардиналом Любачивским, со всеми архиепископами, епископами, священническим и монашеским чином, со всеми семи-

нариями. Со всем народом Божиим Украины и диаспоры.

Радость нынешней встречи, дорогие братья и сестры, это радость и преемников святого апостола Петра. Многократно мои предшественники и я сам говорили, что героическая верность исповедников и мучеников вашего обряда налагает на нас священные обязательства. Пастырь обязан быть верен своей пастве, когда она следует за ним несмотря на все тяготы, испытания и гонения.

Это именно та *радость «общения»*, которое составляет тайну Церкви, имеющую своим глубинным источником Божественную Троицу.

Такое общение не замыкает нас в себе. Наше сердце открыто всем исповедующим Христа, запечатленным благодатью Крещения, но особенно — *Сестрам — православным Церквям христианского Востока*.

Надеюсь, что и они присоединятся к нашей радости, чуткие к историческим причинам возникновения вашей Церкви, уходящим корнями в еще нераздельное бытие Церкви, равно как к причинам нравственным. Надеюсь, что и вы сможете порадоваться вашей свободе и что это не смутит и не нарушит бесценного экуменического мира с православной Церковью.

Вместе с вами молюсь о единстве, о котором Христос молился Отцу накануне Крестной муки (ср. Ин 17, 12. 21).

Да исполнятся слова этой священнической молитвы Тайной Вечери при вступлении человечества в третье тысячелетие от рождества Христова.

Приветствуя Марию, Елисавета восклицает: «блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа» (Лк 1, 45).

Да почерпнет ваша вера вдохновение в вере Матери Божией.

Да исполнится над нами призыв Христов к единству, чей источник в Отце и в Сыне и в Святом Духе.

«Как ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино,— да уверует мир, что Ты послал Меня». (Ин 17, 21).

Дорогие братья и сестры, Высокопреосвященный архиепископ Игнаци Токарчук, пастырь латинского обряда диоцеза Пшемысля, заботясь о решении вопроса касательно собора для богослужений вашего обряда в духе соглашений, подписанных в феврале этого года, передает мне храм Святого Сердца Иисуса. С огромной радостью и благодарностью принимаю этот дар диоцеза и всей Церкви латинского обряда. И передаю его вам в вечное владение, дорогие братья и сестры греко-католического обряда, называемого ныне византийско-украинским. Передаю его вместо того храма, что предусмотрено возвести согласно имеющейся договоренности. Провозглашаю этот храм собором диоцеза и епископа вашего обряда. Желал бы, чтобы этот храм, где еще недавно покоились останки епископа Юзефа Себастиана, ныне блаженного, великого апостола примирения и согласного сотрудничества между двумя обрядами, знаменовал призыв ко всем поколениям: вместе, независимо от обряда, созидать единую, святую, вселенскую и апостольскую Церковь. Сердце Иисуса, исполненное терпения и милосердия, источник жизни и святости, благослови этот возлюбленный град, отмеченный в истории великими страданиями, но и великими проявлениями братства и христианской солидарности. Сердце Иисусово, источник всякого утешения, Тебе вручаю прохождение земного поприща новыми поколениями в вере, любви и надежде. Слава Иисусу Христу!

Содержание

<i>Кароль кард. Войтыла. Граница Европы: где она?</i>	5
Проповедь в Гнезно <i>Гнезнинский собор, Польша 3 июня 1979</i>	16
Проповедь за Божественной Литургией, отслуженной Вселенским Патриархом Димитрием в праздник святого апостола Андрея <i>Собор святого Георгия в Фанаре, 30 ноября 1979</i>	25
Эгрегиэ виртутис Апостолическое послание, провозглашающее святых Кирилла и Мефодия Сопокровителями Европы. <i>31 декабря 1980</i>	31
О I Константинопольском Соборе Послание к епископам Католической Церкви по случаю 1600-летней годовщины I Константинопольского Собора и 1550-летней годовщины Ефесского Собора. <i>31 марта 1981</i>	36
Общие христианские корни европейских народов Речь, обращенная к участникам международного коллоквиума. <i>6 ноября 1981</i>	51
Общая ответственность епископов и Епископских Конференций Европы за евангелизацию континента Речь перед участниками V Симпозиума Совета Епископских Конференций Европы <i>5 октября 1982</i>	58
Акт европейского единства <i>Сантьяго де Компостела, 9 ноября 1982</i>	66

Восток и Запад: два «легких» единого организма Церкви	
Выступление перед участниками международного симпозиума на тему: «Вячеслав Иванов и культура его времени». 28 мая 1983	75
Совместная декларация Папы и Сиро-Православного Патриарха Антиохийского Моран Мар Игнатия Закки I Иваса	
23 июня 1984	80
Славорум апостоли	
Энциклика в память о заслугах святых благовестников Кирилла и Мефодия одиннадцать веков спустя. 2 июня 1985	85
Проповедь за Божественной литургией по армянскому обряду	
Храм св. Марии в Трестевере, 21 ноября 1987	123
Киев — град святой, ибо град Мариин	
При молитве «Ангелус». 22 ноября 1987	130
Дуодецимум секулум	
Апостолическое послание епископам Католической церкви в ознаменование 1200-летия Второго Никейского Собора. 4 декабря 1987	132
Проповедь за литургией по случаю посещения Рима Вселенским патриархом Димитрием	
Ватиканская базилика, 6 декабря 1987	145
Гора Афон — «сад Пресвятой Богородицы»	
При молитве «Ангелус» («Ангел Господень») в присутствии Патриарха Димитрия I. 6 декабря 1987	152
Эунтес ин мундум	
Апостолическое послание в ознаменование 1000-летия Крещения Киевской Руси. 25 января 1988	154

Магнум Баптизми Донум	
Послание украинским католикам в ознаменова- ние 1000-летия Крещения Киевской Руси 14 февраля 1988	184
Проповедь за коптской литургией «кадильной МОЛИТВЫ»	
<i>Церковь Санта Мария Маджоре, Рим, 14 августа 1988</i>	196
Речь в Европейском Парламенте	
<i>Страсбург, Франция, 11 октября 1988</i>	201
Выступление на выставке русских икон в Ватикане	
10 ноября 1989	210
Вопрос о «Филиокве»	
Катехизис на общей аудиенции. 7 ноября 1990	213
Католики и православные Центральной и Восточной Европы в новых условиях	
Послание Епископам европейского континента 31 мая 1991	220
Выступление перед украинцами Пшемысля в соборе, переданном униатской Церкви	
<i>Пшемысль, Польша, 2 июня 1991</i>	229

Иоанн Павел II

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

· Размышления о Востоке и Западе

ISBN 5-87648-011-8

Сдано в набор 01.05.93. Подписано к печати 15.06.93.
Формат 60x90 1/16. Уч.-изд. л. 9,5. Печ. л. 15,0. Гарни-
тура «Палатино». Бумага офсетная N 1. Печать офсет-
ная. Тираж 10 000 экз.

«Христианская Россия» — Италия, 20133,
Милан, ул. Понцио, 44
При участии издательства «Благовест»

Зак. 453. Отпечатано в АО «Чертановская типография»
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а